

ТОЛЬКО НЕ ДВОРЕЦКИЙ

ЗОЛОТОЙ
ВЕК
БРИТАНСКОГО
ДЕТЕКТИВА

ТОЛЬКО НЕ ДВОРЕЦКИЙ

ЗОЛОТОЙ ВЕК БРИТАНСКОГО
ДЕТЕКТИВА

издательство
АСТРЕЛЬ

ТОЛЬКО ≡ НЕ ≡ ДВОРЕЦКИЙ

ЗОЛОТОЙ ВЕК БРИТАНСКОГО ДЕТЕКТИВА

Об этой книге	5
Слова благодарности	7
Александра Борисенко	
Золотой век британского	
детектива	9

Дж. С. ФЛЕТЧЕР	39
Показание судьи	41
Рой ВИКЕРС	53
Образцовая подделка	56
Г. К. БЕЙЛИ	71
Длинный курган	73
ЭДГАР ДЖЕПСОН и РОБЕРТ ЮСТАС	95
Чайный лист	97
АГАТА КРИСТИ	115
Изумруд раджи	118
Пуаро и родосский	
треугольник	131
Дж. Д. Х. КОУЛ и МАРГАРЕТ КОУЛ	153
У телефона	155
ЭНТОНИ БЕРКЛИ	173
Карающий случай	175
Г. УОРНЕР АЛЛЕН	193
Вино кометы	195
РОНАЛЬД А. НОКС	207
Методом пристального	
взгляда	209
ЛОРД ДАНСЕНИ	221
Две бутылки приправы	223
ЛОЭЛЬ ЙЕО	235
Дознание	237
ДОРОТИ СЭЙЕРС	255
Убийство	
в Пентекост-колледже	258
Толбойз	268
ГЕНРИ УЭЙД	287
Пропавший студент	289
ФРИМЕН УИЛЛС КРОФТС	303
Железнодорожный переезд ..	305
НАЙО МАРШ	317
Смерть в эфире	319

Лесли ЧАРТЕРИС	343
Человек, который любил игрушки	345
Уилл Скотт	361
Голубая улика	363
Г. К. ЧЕСТЕРТОН	377
Деревенский вампир	381
Марджери Аллингем	399
Старик в окне	401
Сирил Хэйр	421
Загадочная смерть Эми Робсарт	423
Э. К. БЕНТЛИ	445
Настоящий табар	447
Ангел-хранитель	463
Николас Блейк	477
Клуб убийц	479
Дэвид Винзер	489
Убийство накануне регаты	491
Ричард КЕВЕРН	503
Железное алиби	505
КАРТЕР ДИКСОН	521
Дом в Гоблинском лесу	523
Джозефина Белл	543
Смерть в больничной палате	545
Николас БЕНТЛИ	553
Бдительный ювелир	555
Энтони ГИЛБЕРТ	563
Черный — цвет невинности	565
А. А. Милн	573
Хлеб по водам	575
Алан ТОМАС	583
Сила привычки	585

КОММЕНТАРИЙ*

От войны до войны: "длинный уик-энд"	595
Дворецкий и другие слуги	596
Загородный дом	601
Столичная жизнь	607
Мир иллюзий	616
Иностранцы	619
Дела семейные	625
Оксфорд и Кембридж	633
Англиканская церковь	641
Мода на археологию	650
Медицина	657
Морские купания	666
Транспортная революция	672
Орудия убийства и технический прогресс	678
Детектив и громкие преступления века	682
Клерихью и поэзия нонсенса	690
Шерлок Холмс	697

ГЛОССАРИЙ

.....	704
Список иллюстраций к рассказам ..	723
Литература	724

* Осторожно: в комментарии могут быть раскрыты сюжетные ходы некоторых рассказов.

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

T55

Все права на произведения, включенные в настоящее издание, принадлежат авторам и их наследникам.

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко, Дмитрия Черногаева

Издание осуществлено при техническом содействии ИЗДАТЕЛЬСТВА АСТ

Научные редакторы: Александра Борисенко, Виктор Сонькин

T55 **Только не дворецкий.** Золотой век британского детектива : новеллы / Пер. с англ.; Составление А. Борисенко, В. Сонькина. — М.: Астрель : CORPUS, 2012. — 728 с.

ISBN 978-5-271-38533-9 (ООО "Издательство Астрель")

Золотой век британского детектива — это Г. К. Честертон, Агата Кристи, Дороти Л. Сэйерс; это автор "Винни-Пуха" А. А. Милн, поэт Сесил Дэй-Льюис, а также множество других очень разных и оригинальных авторов, многие из которых совершенно неизвестны русскому читателю. Все они принадлежали к одному кругу, общались, дружили и превратили написание детективов в увлекательную интеллектуальную игру. Они создали Детективный клуб с целой системой правил и ритуалов, сочиняли коллективные опусы и пытались разгадывать реальные преступления. Все это легкомысленное, веселое творчество пришлось главным образом на двадцатые-тридцатые годы XX века — мирный промежуток между двумя страшными войнами. Тревожная, бесшабашная, ностальгическая эпоха застыла в детективных рассказах, словно муха в янтаре, — читателю остается лишь перевернуть страницу и погрузиться в этот интереснейший мир. Книга проиллюстрирована рисунками из журналов 1920–1930-х годов, снабжена предисловием, комментарием и глоссарием в картинках.

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-271-38533-9 (ООО "Издательство Астрель")

- © А. Борисенко, В. Сонькин, составление, научное редактирование, 2011
- © А. Борисенко, предисловие, 2011
- © Участники семинара А. Борисенко и В. Сонькина, перевод, комментарий, глоссарий, 2011
- © А. Бондаренко, Д. Черногаев, художественное оформление, макет, 2011
- © ООО "Издательство Астрель", 2011
Издательство CORPUS®

≡ КОММЕНТАРИЙ ≡

“О БАШМАКАХ И СУРГУЧЕ,
КАПУСТЕ, КОРОЛЯХ...”

А. БОРИСЕНКО

ОТ ВОЙНЫ ДО ВОЙНЫ — “ДЛИННЫЙ УИК-ЭНД”

Хочется начать как у Диккенса — “это было лучшее из времен, это было худшее из времен”.

Когда английские дети изучают в школе межвоенный период, им рассказывают о безработице, о Всеобщей стачке 1926 г., о депрессии 1930-х и о голодных походах отчаявшихся шахтеров и судостроителей с северо-востока Англии. В то же время в массовой культуре образ “бурных двадцатых” — это танцы до утра, коротко стриженные девушки, открытые автомобили, дух бесшабашного, отчаянного веселья. Между прочим, в русских мемуарах того времени тоже витает эта “невыносимая легкость бытия” — мир рушится, о будущем думать бесполезно, можно жить налегке. Как писала Н. Трауберг, “фокстротами, курением, модой, сленгом наши и тамошние были очень похожи”.

Конечно, в Британии мир не обрушился до основания, как в России, но перемены были существенными — Первая мировая война потрясла самые основы жизненного уклада.

А жизненный уклад казался незыблемым. Когда Алан Томас (автор рассказа “Сила привычки”) в 1914 г. заканчивал престижную частную школу Малверн, к ним на школьный вечер пришли выпускники. Мальчики смотрели на них и знали, что видят себя в близком будущем: все было расчерчено раз и навсегда, они принадлежали к уважаемому классу людей, которым официанты и носильщики говорят “сэр”, которые твердо стоят на ногах и верны неписаному кодексу поведения. Мальчики не могли знать, что этот стабильный мир рухнет уже завтра — потому что завтра будет война.

Когда англичане говорят “Великая война”, они имеют в виду Первую мировую. Именно эта война оставила непреходящее чувство горечи и разочарования. Почти все мальчики из частных школ и университетов пошли на войну

офицерами — и, как велел им их неписанный кодекс, бросались в атаку первыми. И первыми погибали. А за ними погибали те, кто называл их “сэр”.

Когда в 1918 г. война закончилась, сдержанные британские женщины танцевали на улицах, а премьер-министр Ллойд Джордж обещал сделать Англию страной, достойной героев, но эта его фраза в первые послевоенные годы приобрела привкус горькой насмешки. За время войны Британия потеряла то место, которое занимала в мировой экономике, и обросла огромными долгами. Героев ждала безработица, разруха и очереди за пособием. Однако, как ни странно, именно в межвоенное время кардинально улучшились жилищные условия, здравоохранение и качество жизни. Война обострила социальные проблемы настолько, что их уже нельзя было игнорировать, к тому же на горизонте маячил грозный призрак русской революции. У людей стало больше свободного времени и свободных денег, развивалась индустрия развлечений. После страшной войны всем хотелось полной грудью вдыхать радость жизни.

Потребление дало толчок производству — патриотичный лозунг “Покупай британское!” и пошлины на импорт делали свое дело: промышленность пошла в гору. Потом ударила Великая депрессия; после нее снова начался рост.

В межвоенный период ввели всеобщее избирательное право, реформировали школьное образование, создали первую государственную радиокomпанию, открыли пенициллин, к власти впервые пришло лейбористское правительство. В 1936 г. сгорел Хрустальный дворец, сменилось три короля, прошла массовая антиправительственная де-

монстрация (марш Джарроу), заработало телевидение.

Вторую мировую англичане встретили стоически: они уже знали, что их ждет. Они трудились не покладая рук под бомбежками, ухаживали за ранеными, заботились об эвакуированных. “Работаем как обычно” — такую табличку можно было увидеть, например, на разбомбленной книжной лавке, продолжающей торговать среди развалин.

Вторая мировая как бы подвела черту под зыбким, странным переходным периодом, который писатель Роберт Грейвз так метко назвал “длинным уик-эндом”*. И который стал Золотым веком британского детектива.

А. БОРИСЕНКО

ДВОРЕЦКИЙ И ДРУГИЕ СЛУГИ

“Я думаю, если бы мое детство пришлось на нынешние времена, то больше всего мне не хватало бы слуг”, — пишет Агата Кристи в “Автобиографии”. Няня, изрекающая банальные житейские истины, служанки, “вечный источник драматических коллизий и разрозненной, но чрезвычайно интересной информации”, кухарка, священнодействующая на кухне, — все они давали постоянную пищу детскому воображению.

В викторианские времена в большом деревенском доме было много прислуги

* “Длинный уик-энд: социальная история Великобритании в 1918–1939 гг.” — книга Роберта Грейвза и Алана Ходжа, одно из самых авторитетных исследований о жизни Британии в период между мировыми войнами.

и еще больше работы: нужны были садовники, чтобы ухаживать за огромным садом, конюхи — смотреть за лошадьми, кухарка и кухонные служанки — готовить несколько перемен блюд на обед для хозяев и их гостей, горничные, чтобы убирать спальни, зажигать камины, драить каминные решетки, носить воду для ванны, а также лакеи, камердинеры, камеристки, няньки, экономка, дворецкий и другие. В начале XX века слуги, живущие в доме, все еще были обязательным атрибутом жизни среднего класса и аристократии. Некоторая нехватка слуг — особенно обученных — стала ощущаться еще до войны, но именно Первая мировая нанесла сокрушительный удар по сложившейся системе сосуществования слуг и хозяев. Вторая мировая разрушила ее окончательно.

Ностальгия по слугам — неизменная черта английского детектива. Оттого в нем так много ярких, колоритных портретов кухарок, садовников и, конечно, дворецких.

ДВОРЕЦКИЙ И КАМЕРДИНЕР

Величественная фигура дворецкого неразрывно связана с детективным жанром. Сначала он был самым вероятным подозреваемым: “Убийца — дворецкий!”, потом, наоборот, оказался вне подозрений. В “Лунном камне” Уилки Коллинза Беттередж, гадающий по томику “Робинзона Крузо”, — один из самых запоминающихся персонажей. Безусловно, больше всего на образ дворецкого/камердинера в литературе XX века повлиял Дживс, герой П. Г. Вудхауза, — невозмутимый, находчивый, преданный. Пара “хозяин — слуга” ко-

чет из детектива в детектив: лорд Питер Уимзи и Бантер, Альберт Кэмпбелл и Лагг, адвокат Хорас Флегг и Халлидей (рассказ “Сила привычки”). Лагг и Халлидей — бывшие преступники, что не мешает им верно служить своим господам. Образ безупречного дворецкого укрепился

Дживс и Вустер.
Рис. Гилберта Уилкинсона

так прочно, что продолжает использоваться и сегодня: в романах современной американской писательницы Элизабет Джордж (которая всегда пишет об Англии) действуют полицейский-аристократ сэр Томас Линли и его слуга Чарли Дентон. В одном из романов коллеги Линли с раздражением задается вопросом, как называть Чарли: камердинер? дворецкий? личный помощник?

Это вопрос, которым пришлось задаться и нам. В викторианские времена дворецкий отвечал за винный погреб и столовое серебро, прислуживал семье во время трапез (иногда с помощью лакеев), руководил всей мужской прислугой (лакеями, камердинерами, садовниками и т. д.). Иногда в очень больших усадьбах или дворцах над дворецким

был еще стюард, но в большинстве домов дворецкий и экономка возглавляли штат прислуги. Камердинер был личным слугой хозяина дома, который следил за его гардеробом и выполнял разного рода поручения. Однако у холостого джентльмена обязанности камердинера и дворецкого мог выполнять один и тот же человек — такая ситуация стала обычной в послевоенные годы, когда домашней прислуги остро не хватало. Поэтому в этой книге мы считали термины *butler* (дворецкий) и *valet* (камердинер) взаимозаменяемыми. И того и другого было принято называть “джентльмен джентльмена”.

Бантер следит за винным погребом лорда Питера, нанимает слуг в деревенский дом (обязанности дворецкого), подбирает ему одежду (обязанность камердинера) и, в сущности, является его главным советчиком — помимо прочего, их объединяет фронтовой опыт (Бантер был денщиком лорда Питера во время войны).

Питер и Бантер.

Рис. Джона Кэмпбелла

САДОВНИК И КУХАРКА

После дворцевого воображение писателей больше всего волновали кухарка и садовник. Оба занимали особое положение в иерархии слуг, поскольку были в некотором смысле представителями творческих профессий. Кухарку всегда называли “миссис”, даже если она была не замужем, — просто в знак уважения. Хозяева слишком боялись потерять хорошего садовника и хорошую кухарку, и потому часто весь дом подчинялся их капризам. Агата Кристи отмечала, что хорошие слуги были скорее тиранами, чем рабами, — когда они говорили, что “знают свое место”, то в этих словах звучала гордость профессионала. В одном из рассказов Кристи к Пуаро приходит женщина, у которой пропала кухарка. Когда Пуаро пытается отказаться от дела, она возражает: “Хорошая кухарка — это хорошая кухарка. Для меня она значит не меньше, чем жемчуга для какой-нибудь знатной леди”. И Пуаро не может не согласиться с этим доводом.

Недостаток садовников особенно остро ощущался в военные и послевоенные годы. Многие садовники ушли на фронт, сады пришли в запустение, на месте редких цветов появились грядки с капустой и картошкой. “Моего садовника призвали в армию, с тех пор я не могу найти ему замену. Приходится почти все делать самому”, — грустно говорит герой рассказа “Железное алиби”. Интересно, что многие газеты и

Хозяйка. Нора, нельзя ли сделать так, чтобы отбивная была прожарена чуть меньше?

Нора (угрожающе). Не понравилось, значит?

Хозяйка. Нет-нет! Я просто беспокоюсь, что вы так долго стоите над огнем.

"Панч", 1920 г.

журналы призывали хозяев отправлять на войну слуг-мужчин: "Есть ли у вас дворецкий, шофер, садовник, который служит вам в то время, когда он должен служить своей стране?" — строго вопрошал журнал "Кантри лайф" в 1915 г.

лучше оплачивалась. Однако, когда солдаты стали возвращаться с фронта, общество потребовало от женщин, чтобы они освободили рабочие места для мужчин. Газеты, которые только вчера прославляли их патриотизм, сегодня

стыдили их за то, что они отнимают рабочие места у защитников отечества. Волны экономической депрессии и безработицы в 1920-е и 1930-е годы заставили многих неохотно вернуться в услужение: между 1921 и 1931 гг. количество

Садовник. Сцены из деревенской жизни.

"Иллюстрийтед

Лондон ньюс", 1934 г.

Рис. Эдмунда Блам্পье

Леди. Почему вы ушли от своих последних хозяев?

Горничная. Какая вы любопытная, мэм! Я же не спрашиваю, почему от вас ушла ваша последняя горничная.

"Панч", 1920 г.

нако повсеместное распространение в домах воды и электричества, а также новомодные бытовые

женщин-служанок в Англии и Уэльсе возросло с 1,1 млн до 1,3 млн, а в конце тридцатых достигло 1,4—1,5 млн. В домашние слуги вынуждены были идти и многие беженцы из нацистской Германии. И все-таки слуг не хватало.

Некоторое время слуг продолжали нанимать из соображений престижа или просто потому, что так было принято. Порой молодая семья, принадлежащая к среднему классу, едва сводила концы с концами, но даже не задумывалась о том, чтобы отказаться от служанки. Од-

приборы — пылесосы, стиральные машины и т. п. — постепенно позволяли все большему количеству семей нанимать приходящих уборщиц или вовсе обходиться своими силами.

Изменились и отношения между хозяевами и слугами. В среднем послевоенные слуги были старше (молодежь старалась любой ценой избежать этой участи), они знали себе цену и могли выбирать хозяев, им больше платили. Начиная с 1920-х годов карикатуры в "Панче" постоянно изображают заис-

кивающих хозяев и высокомерных слуг. Кроме того, стирались социальные границы — нередко служанка бывала одета лучше своей хозяйки; некоторые девушки из обедневших семей шли в услужение

*Гостья: Новая машина?
Хозяйка: Нет, новая
кухарка.*

"Панч", 1928 г.

к людям, стоящим не выше их на социальной лестнице. “Удивительно, чем только леди в наши дни не занимают-ся!” — говорит одна из героинь рассказа “Железное алиби”.

Без слуг по-прежнему не могло обходиться загородное поместье — хозяева просто физически не могли самостоятельно справиться с таким объемом работы. Но слуг нанимали меньше, чем прежде, что оборачивалось для них дополнительной работой.

Под конец жизни Агата Кристи жаловалась, что в наши дни не бывает уже *настоящих* слуг. Есть лишь помощники по хозяйству, милые дилетанты, с которыми можно подружиться, но которые не вызывают “священного трепета”.

А. БОРИСЕНКО

ЗАГОРОДНЫЙ ДОМ И “ДОБРАЯ СТАРАЯ АНГЛИЯ”

Главное место действия английского детектива — деревенская усадьба с ее укромными уголками, лестницами, гостиной, выходящей в сад, и, конечно, с библиотекой (именно в библиотеке чаще всего обнаруживается труп). Загородное поместье аристократов — место не только уютное и мирное (а значит, идеально подходящее для загадочного убийства), но и символ “старой доброй Англии”, оплот традиции.

Многие столетия собственность на земли и дом передавалась по майорату — то есть была неделима и пере-

ходила по мужской линии от отца к старшему сыну или к ближайшему родственнику мужского пола. Эта система хорошо знакома русскому читателю по романам Джейн Остин — частенько случается, что после смерти хозяина дом должен отойти не его жене и дочерям, а какому-нибудь неприятному двоюродному племяннику, а матушки присматривают своим дочкам исключительно старших сыновей. Эта система наследования сохранялась отчасти и в XX веке: вспомним разговор Гарриет Уимзи с мисс Кверк в рассказе “Толбойз”, где Гарриет объясняет, что детей нужно заранее готовить к неравенству, поскольку старший сын наследует все недвижимое имущество.

Однако в Первой мировой войне погибло огромное количество молодых аристократов, и многие семейства остались без наследников. Кроме того, ввели высокие налоги на собственность, и содержать усадьбу стало очень непросто. Добавим к этому нехватку слуг, о которой уже упоминалось выше. Все чаще старинные дома английской знати попадали в руки нуворишей (как это произошло с Аббатством Лэнгли в рассказе “Дознание”), земли дробились и продавались под застройку, железные дороги и автомобили проникали в самые удаленные уголки (от этой печальной судьбы спасает свою любимую деревню Своллоусбат героиня рассказа “Образцовая подделка”).

Неприятие перемен составляет и силу и слабость английской деревни. Наши авторы охотно потешаются над сельским консерватизмом: в рассказе “Длинный курган” местные жители пытаются помешать раскопкам самыми экзотическими способами, в “Загадочной смерти Эми

Викарий. Сцены из деревенской жизни.
 "Иллюстриетед Лондон ньюс", 1934 г. Рис. Эдмунда Блампые

Робсарт" садовник ругает новомодные штучки вроде бассейна — по его мнению, опоры для горошка гораздо важнее. А в рассказе "Деревенский вампир" врач саркастически замечает: "На меня смотрят как на возмутительное новшество, потому что мне всего лишь пятьдесят семь, а в графстве я живу лишь двадцать восемь лет".

Однако в этом постоянстве можно найти и опору: из детектива в детектив кочует, кажется, одна и та же деревня. Церковь, окруженная кладбищем, соседствует с домом священника. В местном пабе всегда можно узнать последние новости, а приезжие могут здесь и заночевать (больше обычно нигде). Деревенский викарий, стряпчий и

Стряпчий. Сцены из деревенской жизни.
 "Иллюстриетед Лондон ньюс", 1934 г. Рис. Эдмунда Блампые

лекарь — неизменные участники всех местных событий. Такова деревушка Сент-Мери-Мид, где живет мисс Марпл, таков Потперс-Понд из рассказа Честертона, а также деревня, где проводят лето Питер и Гарриет в рассказе “Толбойз”.

АНГЛИЙСКИЙ ДОМ

Важнее дома для англичанина может быть только сад — не зря английские сыщики вечно выращивают розы и кабачки. Впрочем, дом и сад, как правило, составляют гармоничное единство. Почти любое описание дома начинается с окружающей его растительности — газонов, клумб, альпийских гор.

Английским домам часто дают имена: только в этой книге встречаются Вязы, Толбойз, Бёрч-холл, Аббатство Лэнгли, Фермерский дом и т. д. Иногда часть названия указывает на тип дома: “корт” обычно выстроен вокруг внутреннего двора, “холл” скорее всего будет большим особняком, принадлежащим старинной аристократической семье; “грэндж” мог быть построен на месте старинного амбара — обычно такой дом находится на отшибе и примыкает к ферме. Современные англичане, впрочем, воспринимают слово “грэндж” (*grange*) просто как общее название деревенского дома, значение “хранилище зерна” устарело и мало кому известно. Название может быть и обманчивым — как мы помним, имя Аббатство Лэнгли носил обыкновенный георгианский особняк и единственным намеком на аббатство было витражное окно в ванной комнате (хотя, возможно, до Реформации на месте этого дома и было аббатство).

В начале XX века немецкий архитектор и дипломат Герман Мутезиус, долго живший в Англии, восторженно описал устройство английского дома в трехтомном труде, который так и называется: “Английский дом”. Будучи иностранцем, Мутезиус особенно чувствителен ко всему, что составляет особенность английской жизни и отличает ее от европейской. В частности, он отмечает, что двери в английском доме всегда открываются так, чтобы входящий не мог сразу увидеть “стратегические” части комнаты (например, кресло у камина). Таким образом тот, кто находится внутри, не оказывается застигнутым врасплох и может приготовиться к общению. Усадьба обычно скрыта от посторонних глаз за воротами; в саду можно найти уединенную беседку, дом полон потайных уголков.

Английский уют. Рис. Евы Хольер

Особенно затейливые тайники встречаются в домах, построенных в период гонений на католических священников. Когда Рональд Нокс в своих десяти правилах детектива предостерегает от злоупотребления потайными ходами,

он тут же добавляет, что такой прием допустим в случае, если для него есть исторические основания: “Когда я сам ввожу в повествования тайники, то обязательно заранее сообщаю, что дом принадлежал католикам во времена гонений”. С гонениями на католических священников (приблизительно 1560–1640-е гг.) связан обычай делать в деревенских домах окна с секретом, в которых вся рама целиком съезжает вниз при нажатии на спрятанную пружину, — такое окно встречается в рассказе “Дом в Гоблинском лесу”. Можно вспомнить роман Джона Голсуорси “Конец главы”, где упоминается замурованная комната — там в елизаветинские времена брат-протестант прятал от преследователей брата-католика, передавая ему еду в корзинке через окно. Такой тайник (“нора священника” — priest hole) мог находиться под полом, под лестницей, за фальшивой панелью, под алтарем в семейной часовне.

Другая яркая черта английского дома — “разделение сфер”. Существует главный вход и вход для торговцев, лестница для хозяев и лестница для слуг, служебные помещения и жилая часть дома, “парадные комнаты” и комнаты для личного пользования. Практически всегда кухня отделена от судомойни, ванная комната — от туалета, детская делится на “ночную” и “дневную”.

Что касается чрезвычайно важного разделения пространства на мужское и женское, то дом, в принципе, — скорее женское царство, в то время как сфера мужчины — парламент, контора, клуб. Герман Мутезиус выражает некоторое удивление по поводу того, что у хозяина, как правило, нет даже

собственного кабинета. “У англичан не принято работать дома”, — замечает он. Если хозяин художник — он работает в отдельной студии, если банкир — трудится у себя в банке. (Как тут не вспомнить диккенсовского мистера Уэммика: “Контора одно, личная жизнь — другое”).

НАЗНАЧЕНИЕ НЕКОТОРЫХ КОМНАТ

Спальня и гардеробная

В рассказе “Черный — цвет невинности” сиделка высказывает свое негодование в следующих выражениях: “Миссис Лейтон уже распорядилась, чтобы девчонка спала в гардеробной при ее спальне, а мне велела спать в комнате на другом конце дома, будто я простая горничная”. Чем так уж завидно место в гардеробной? Дело в том, что, во-первых, комнаты слуг и хозяев всегда находились в разных частях дома, то есть здесь речь идет о вопросе статуса. Во-вторых, гардеробная обычно была личной комнатой хозяина дома.

Спальня считалась женской комнатой — в этой комнате женщина переодевалась и приводила себя в порядок; здесь же стоял ее туалетный столик. В более просторных домах бывала и отдельная женская гардеробная. Но гардеробная мужа (*dressing room*), примыкающая к спальне жены, — практически обязательная деталь любого английского дома, как загородного, так и городского. В рассказе “Толбойз” Гарриет рассуждает о тесноте деревенского жилища: “Можно, забрав мужа к себе в

Гости в холле. "Панч", 1937 г.

комнату и разместив двух старших детей в его гардеробной, поместить еще одну особу". Заметим, что о спальне она говорит именно как о своей комнате.

Писательница Пенелопа Лайвли в книге "Отпертый дом" пишет, что для нее мужская гардеробная в доме ее бабушки и дедушки — символ прежней концепции брака, когда между мужем и женой сохранялась дистанция и у каждого было свое личное пространство. В мужской гардеробной часто находилось отдельное спальное место, иногда мужчина использовал эту комнату как кабинет. Мутезиус называет такое устройство "большим культурным преимуществом".

Нижняя гардеробная, чулан и холл

Комнаты в английском доме так разнообразны по своим функциям и названиям, что это часто создает трудности при переводе. Например, и *dressing room*, и *cloak room* переводятся обычно как "гардеробная", между тем это совершенно разные помещения. *Cloak room*, которую мы вынуждены были громоздко называть гардеробной для верхней одежды, чтобы не путать ее с хозяйской гардеробной при спальне, всегда находится на первом этаже дома, недалеко от входа, и предназна-

чена исключительно для мужских пальто и плащей. Женщины, приходящие в дом на обед или на праздник, снимали пальто наверху, в специально отведенной для этого комнате.

Недалеко от входа находился и обувной чулан, служивший для хранения и для чистки обуви (именно туда отправляется мисс Кверк в поисках улик в рассказе "Толбойз"). По всей видимости, телефонная комната, упомянутая в рассказе "У телефона", также была переделана из обувного чулана (за занавеской на полках там по-прежнему стояла обувь). Специального помещения для телефона в домах, разумеется, не было, поскольку в начале века телефон был еще относительно новым изобретением, — чаще всего его устанавливали в холле, иногда в больших домах использовались телефонные будки.

Холл в английских домах, как правило, очень просторный и имеет главным образом декоративную функцию. В Средние века холл был, в сущности, единственным жилым помещением

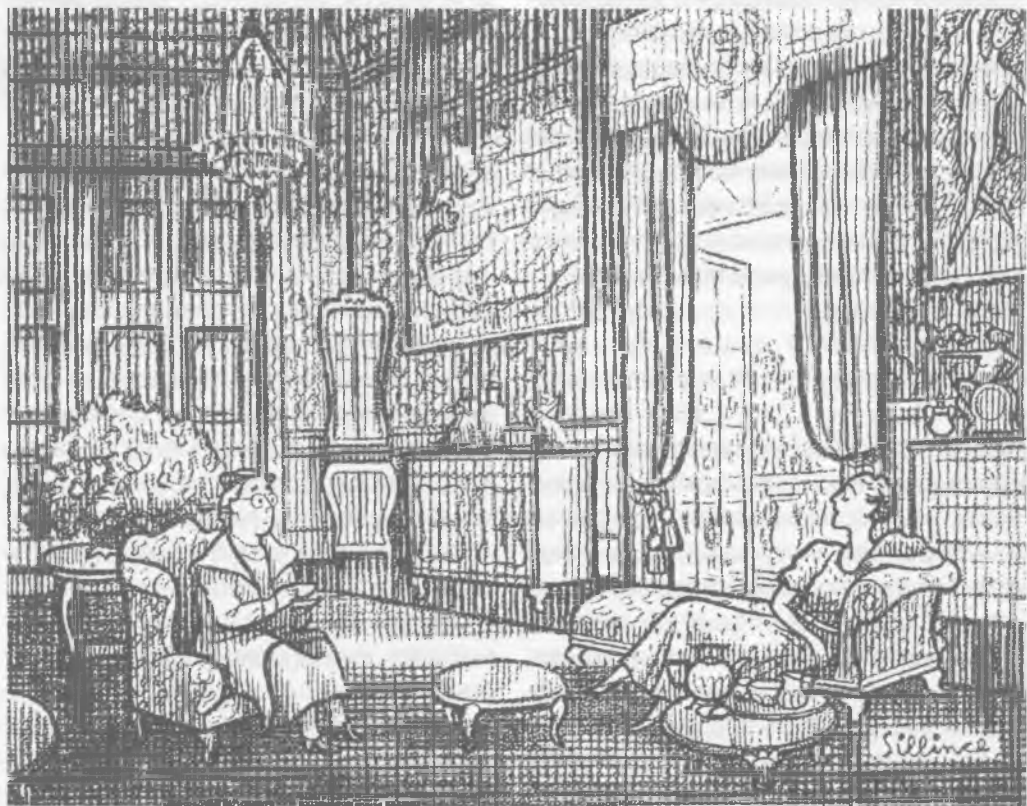
в доме — здесь устраивались пиры, здесь же спали и хозяева и слуги. С течением времени холл утратил эти функции, но, странным образом, отчасти сохранил свой статус помещения, по которому гости будут судить о хозяине. В XVIII веке его часто украшали мраморными колоннами и картинами, и даже в более поздние и более прагматичные времена сохранилась традиция выставлять в холле всевозможные сувениры и редкости. Вспомним описание холла в рассказе “Дознание”:

“Два длинных стола, дубовый комод, несколько жестких стульев и бирманский гонг. На стенах — олени рога, литографии, изображающие ранних

христианских мучеников, <...> чучело двадцатифунтовой форели, пойманной сэром Гаем в Шотландии, и недурной гобелен”. Кроме того, холл — центр дома: сюда выходят все помещения, коридоры и переходы.

Гостиная и столовая

Столовая (*dining room*) стала специальной комнатой, используемой исключительно для приема пищи, только в XIX веке. С этого времени стол постоянно находится на середине комнаты — раньше стол и стулья отодвигали к стене после обеда. Столовая традиционно считается “мужской” комнатой — для

Дамы в гостиной. “Панч”, 1925 г.

ее отделки используются более темные цвета, там стоит более строгая мебель. После обеда дамы обычно удалялись в гостиную, давая возможность мужчинам спокойно выпить и покурить без облагораживающего — и сковывающего — дамского общества.

Поскольку до обеда все должны перейти из гостиной в столовую, а после — из столовой в гостиную, эти две комнаты обычно располагаются так, чтобы подобного рода передвижения были максимально удобны: например, двери этих комнат могут находиться напротив друг друга через холл. Кроме того, столовая должна располагаться удобно по отношению к кухне.

Гостиная (*drawing room*) вначале была комнатой “для личного пользования”, куда удалялись хозяева, чтобы побыть в тишине и покое (полное название этого помещения — *withdrawing room*, т. е. комната, куда удаляются). Со временем, однако, гостиная стала одной из “парадных” комнат дома, где хозяева и гости собирались до и после обеда — для беседы, чтения, музицирования и пр. Комната эта традиционно считается женской, с более светлой и легкой отделкой, чем столовая, здесь самые лучшие виды из окон и много света, что обеспечивается в том числе “французскими окнами” — так называют в Англии большие стеклянные двери, выходящие в сад. Обычной чертой гостиной также являются эркеры — оконные ниши, в которых расположены уютные сиденья (*window seats*) — нечто среднее между диваном и подоконником.

В зависимости от величины дома в нем может быть специальная комната для завтрака, менее помпезная, чем столовая, и предназначенная только

для своих, а также всевозможные “малые гостиные” — например, “утренняя комната” (*morning room*), где хозяйка дома проводит первую половину дня и принимает ранних посетителей.

А. БОРИСЕНКО, В. СОНЬКИН

СТОЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ

На заре века Честертон заявил, что детектив — единственный из популярных жанров, способный воспеть поэзию города как стихии: “Ведь город, коли на то пошло, даже более поэтичен, чем сельская местность, ибо если Природа являет собою хаос бессознательных сил, то город — это хаос сил сознательных”^{*}.

Золотой век тем не менее предпочел воспевать поэтичность сельской местности — а в городе выбирал главным образом островки довоенной стабильности и покоя: клубы джентльменов, респектабельные особняки лондонского района Мэйфер, роскошные отели и рестораны.

Читателю дозволяется бросить взгляд на бурный, опасный, “первобытный” город, но лишь затем, чтобы вернуть его в сверкающий огнями ресторанный зал или в бархат театральной ложи. Тем не менее городская жизнь после войны была полна тягот: долго еще сохранялся дефицит продуктов, отчаянно не хватало жилья, очереди безработных стояли за пособием, трущобы задыхались в грязи.

^{*} Цит. по: Честертон Г. К. Как сделать детектив. Пер. В. Воронина.

В рассказе “Две бутылки приправы” скромный коммивояжер пытается снять квартиру в Лондоне, и это оказывается очень нелегко: “Домовладелец отвернулся к окну и начал ковыряться в зубах. Как много можно выразить таким простым способом. Он имел в виду, что квартир у него сотни, а желающих тысячи, поэтому ему все равно, кто останется тут, а кто пойдет искать дальше”. В начале 1920-х годов население Лондона увеличивалось пугающими темпами.

Однако обострившиеся после войны социальные проблемы — а также грозный пример русской революции — заставили правительство всерьез заняться жилищными вопросами. В 1920–1930-е гг. был принят ряд законов, которые обязывали муниципальные органы власти отвечать за то, чтобы

Агент. Если не считать всех современных удобств, мадам, перед вами — точная копия елизаветинского коттеджа. “Панч”, 1933 г.

Метроленд: деревенская тишина в городе

население было обеспечено жильем, и на это выделялись значительные средства. И хотя стратегия экстенсивного строительства несколько раз менялась, дело все-таки двигалось — постепенно удавалось расселять трущобы, строить новые пригороды, отдельные коттеджи и многоквартирные дома. За время строительного бума было построено более 4 миллионов домов, и это во многом изменило английский пейзаж и образ жизни.

Строительству пригородов Лондона способствовало развитие транспорта и появление длинных линий метро — новые районы, возникавшие вокруг удаленных станций, называли Метроленд. При этом идеология и реклама этих

районов, ориентированная на средний класс, воспевала не новизну и перемены, а все ту же “поэзию сельской местности”. Городские дома стали строить так, чтобы они казались загородными: в новых районах оставляли большие зеленые зоны, вокруг домов непременно было место для сада. “Такое ощущение, что мы за городом”, — одобительно говорит герой рассказа “У телефона”, идя по пригороду Лондона.

В новых домах было электричество, вода, туалет и ванная (по-прежнему раздельные), много света (французские окна и эркеры оставались в ходу). Во многих домах были телефоны — что, увы, не пошло на пользу одному из наших героев. Но снаружи эти дома при-

творялись настолько старинными, насколько было возможно: в городском строительстве широко использовались элементы архитектурных стилей, прочно ассоциировавшихся со старой доброй Англией, особенно популярен был псевдотюдоровский стиль. Даже старая почтенная компания “Либерти” в 1924 г. открыла в Лондоне новый универмаг, построенный “под Тюдоров”, — реклама сообщала, что и внутри и снаружи здание выдержано в стиле XVI века, а фахверковые фасады сделаны из древесины двух старых военных кораблей.

РЕСТОРАНЫ В ОТЕЛЯХ

Можно заметить, что наши герои нередко ужинают в отелях — причем не только на курортах, но и в Лондоне. Саймон Темплар и инспектор Тил (“Человек, который любил игрушки”) приходят в выдуманный “Пэлас Роял”, сэр Генри Мерривейл (“Дом в Гоблинском лесу”) “скромно ужинает омаром и персиком Мельба” в существующем “Кларидже”. Именно в отеле работает эксперт по винам, к которому обращается мистер Клерихью (“Вино кометы”). Рестораны при отелях и в самом деле приобрели совершенно особый статус.

Начиная со второй половины XIX века услуги в сфере гостеприимства (*hospitality business*) стали подвергаться радикальному преобразованию. Постоялые дворы и харчевни, издавна славившие рассадниками разврата, преступности и антисанитарии, ушли в тень, а на первый план вышли изысканные рестораны и роскошные отели. Теперь в этих заведениях ужи-

LIBERTY'S NEW SHOPS

**OPEN
MONDAY NEXT**

THE EXTERIOR AND THE INTERIOR
ARE BUILT IN THE STYLE OF THE
XVI CENTURY WITH TIMBERS FROM
THE OLD MEN-OF-WAR H.M.S. HINDUSTAN
AND H.M.S. IMPREGNABLE

LIBERTY & CO. ARGYLL PLACE REGENT ST. LONDON, W.

Новое здание “Либерти”.

“Иллюстрированный Лондон ньюс”, 1924 г.

нали и останавливались на ночлег аристократы и коронованные особы. Эта перемена была тесно связана с невиданными ранее свободой и комфортом передвижения, которые породила железная дорога.

Главным английским преобразователем гостинично-ресторанного бизнеса стал Ричард д'Ойли Карт. По основному занятию он был музыкальным продюсером (тогда это называли "импресарио") и состояние скопил на комических операх Гилберта и Салливана. Заработанные деньги он вкладывал в постройку, покупку и реконструкцию роскошных отелей. В 1889 г. в Лондоне на Стрэнде открылся отель "Савой" — первая в мире гостиница с электрическим освещением и электрическими лифтами. Карт понимал, что одной роскоши будет недостаточно и что большому кораблю нужна лучшая в мире команда. Ценой невероятных усилий ему удалось переманить в Лондон лучших профессионалов — швейцарского управляющего Сезара Рица и французского кулинара Огюста Эскофье. Вдвоем Риц и Эскофье превратили "Савой" в образец роскоши и хорошего вкуса. Устройство ресторанной кухни, разработанное Эскофье, и "русская подача" (*service à la russe*, когда блюда подаются одно за другим) навсегда заменили "французскую подачу" (*service à la française*, когда все блюда подаются одновременно).

После этого отели и рестораны высшего класса (которые еще долго

существовали в неразрывном союзе) стали появляться повсюду. Карт позже перекупил конкурирующий знаменитый отель "Кларидж" и не менее знаменитый ресторан "Симпсонс" на Стрэнде, а Риц и Эскофье основали собственный бизнес и открыли гостиницу и ресторан "Риц" на Пикадилли. Проект предполагал такие огромные и богато обставленные ваннанные комнаты (очередное новшество), что подрядчик с недоумением спросил, кто собирается останавливаться в отеле — амфибии?

За карьерой Эскофье, которого называли "королем поваров и поваром королей", внимательно следил принц Уэльский, будущий король Эдуард VII; благодаря этому покровительству заведения Эскофье и Рица всегда притя-

Шеф всегда рекомендует соусы Эскофье

гивали бомонд. В 1890-е гг., работая в "Савое", Эскофье создал в честь австралийской оперной певицы Нелли Мельба десерт *Pêche Melba* ("персик Мельба") из очищенного персика, мороженого и малинового соуса — у сэра Генри Мерривейла был неплохой вкус.

КЛУБЫ И БАНИ

Другим местом, где можно было изысканно пообедать, был клуб — как мы помним, сыщик-гурман Реджи Фортун отправляется в клуб, где "знают толк в селедке".

Клубы играли в жизни Англии очень значительную роль — это можно заметить и по детективным рассказам. Они

упоминаются постоянно — настоящие и выдуманные, но неизменно узнаваемые. Старик, сидящий в оконной нише своего клуба десятилетие за десятилетием в рассказе Марджери Аллингем, — воплощение того консерватизма, который сохранялся в этих учреждениях даже в бурные межвоенные годы. В клубе "Рейнбоу" происходят многие события рассказа "Карающий случай"; сэр Генри Мерривейл состоит членом "Клуба старейших консерваторов", где собирается политическая элита. Этот выдуманный Вудхаузом клуб расположен на Пэлл-Мэлл и соседствует с реально существующим и весьма престижным клубом "Атенеум".

Разумеется, авторы детектива не забывали и собственное детище — Беркли создал пародию на Детективный клуб в романе "Отравленный шоколад", в записных книжках Агаты Кристи набросан план убийства на обеде Детективного клуба, а Николас Блейк осуществил похожий замысел в рассказе "Клуб убийц". В этом рассказе Блейк не слишком церемонится с собратьями по перу: женщины у него выглядят "милыми, веселыми и неухоженными", впечатление от мужчин "сводится к отвислыми усам, к очкам в золотых оправках и духу общей бесполезности".

Первые клубы джентльменов возникли в Англии еще в XVIII веке, и в то время они предназначались почти исключительно для аристократов. Однако настоящего расцвета клубная жизнь достигла в XIX веке — к этому времени клубы объединили и верхушку среднего класса. Нужно отметить, что с каждым этапом демократизации общества (в частности, когда проходили реформы избирательной системы и расширился

Джентльмены в клубе.
"Панч", 1927 г.

круг людей, имеющих право голоса) количество клубов заметно увеличивалось. В конце XIX века возникли первые женские клубы — например, "Женский университетский клуб", основанный в 1883 г. выпускницей кембриджского Гиртон-колледжа и существующий до сих пор; членами клуба по-прежнему могут стать только женщины, хотя мужчин можно приглашать в гости*. В межвоенный период женских клубов было уже великое множество, как аристократических и модных, так и довольно демократических.

Вначале же клубы были исключительно мужским царством — в этом и заключался их смысл. Английские клубы были устроены так, чтобы стать для джентльменов вторым домом. Здесь мужчина мог вкусно пообедать и пообщаться с приятелями, почитать газеты

и написать письма, провести деловые переговоры и вздремнуть в кресле у камина. Вышколенная мужская прислуга предупреждала любое желание посетителя, в каждом клубе был обеденный зал, гостиная, библиотека; во многих клубах можно было остановиться на ночь, как в гостинице. Миссис Битон — автор самой авторитетной викторианской книги по кулинарии и домоводству — предостерегает женщин, что если мужчина не найдет покоя и уюта в собственном доме, он станет все чаще искать убежища в клубе.

Членство в клубе обыкновенно было платным и часто дорогим, многие клубы считались престижными, и туда было трудно попасть. Джентльмен мог быть членом одного или нескольких клубов; клуб мог объединять людей по интересам, политическим взглядам, профессиональной принадлежности и так далее, но мог быть и просто местом для светского общения.

* Знание этого клуба послужило Дороти Сэйерс моделью для городского дома Питера и Гарриет (рассказ "Толбойз").

Другим местом, где джентльмен искал отдохновения от суеты, были так называемые турецкие бани — такие, как описаны в рассказе “Чайный лист”. На самом деле принцип устройства бань был не столько турецким, сколько римским. Сначала следовало попариться в помещениях, куда подавался горячий сухой воздух. Нагревание проходило постепенно — посетитель сначала проходил в тепидарий (от лат.

tepidus — “теплый”) — помещение с умеренной температурой, а потом уже в калдарий (от лат. *calidus* — “горячий”) — жаркое помещение; после следовало мытье с обильным намыливанием, в котором посетителю помогал банщик, затем — массаж и наконец, можно было расслабиться в прохладном помещении — фригидарии (от лат. *frigidus* — “холодный”) и поплавать в бассейне.

Писатель (увидев знакомого в турецкой бане).
Я смотрю, вы читаете один из моих триллеров?
Знакомый. Да, и если хотите знать, от этой чертовой книжки я весь в холодном поту! “Панч”, 1928 г.

Можно заметить, что в рассказе “Чайный лист” герой, регулярно посещающий бани, — член клубов “Атенеум”, “Девоншир” и “Сэвил” (все три — реально существовавшие и очень респектабельные).

Если клубы джентльменов стремились законсервировать прошлое, то новые ночные клубы, которые стали один за другим открываться после Первой мировой войны, были воплощением современности — здесь царил дух бурных двадцатых. Там танцевали модные американские танцы, играли в азартные игры и вообще развлекались напропалую. Кроме того, в ночных клубах продавали крепкие напитки даже в поздние часы, хотя это было запрещено законом (поэтому в начале рассказа “Человек, который любил игрушки” со столов пропадает алкоголь). Некоторые бани тоже стали ареной развлечения золотой молодежи.

ЗОЛОТАЯ МОЛОДЕЖЬ

Золотая, или блестящая, молодежь (*bright young people, bright young things*) — это молодые люди, принадлежавшие к аристократии или верхушке среднего класса и превратившие развлечения в своего рода искусство — их эпатажные проделки были у всех на устах и становились главными светскими новостями. Некоторое представление об их увеселениях можно составить по роману Ивлина Во “Мерзкая плоть”.

Среди блестящей молодежи — как и среди авторов детектива — было много университетских выпускников. Весьма заметную роль в этом своеобразном движении играла группа денди и эстетов из Оксфорда (позже их прозвали “оксфордскими остроумцами”, *Oxford wits*) — в группу входили писатели и

поэты Ивлин Во, Брайан Ховард, Джон Бетжемен и другие.

Эскапады блестящих молодых людей шокировали публику, но по сути были довольно безобидными. Например, однажды они устроили своеобразный “флэш-моб”, сыграв в игру “делай как я” в большом универмаге: Брайан Ховард прыгал по прилавкам и принимал дикие позы, а остальные должны были все в точности повторять за ним (продавцы отнеслись к происходящему с юмором). Устраивались тематические вечеринки — на “белый вечер” все должны были прибыть в белом, на “вечере самозванцев” все должны были изображать каких-нибудь знакомых. В легенду вошла “плавательная вечеринка”, проходившая в банях с бассейном, — играл негритянский джаз, гости в купальных костюмах пили коктейли и

Золотая молодежь идет домой “с первым молоком”. “Панч”, 1928 г.

веселились в воде. Блюстителей морали больше всего возмутило соседство черных мужчин и белых девушек в купальниках.

Всем надолго запомнился эпизод, когда группа “блестящих молодых людей” буквально подожгла Темзу. Английская идиома “он Темзу не подожжет” примерно соответствует русскому “он пороха не выдумает”, то есть о человеке таким образом отзываются как о посредственности. Блестящие молодые люди решили раз и навсегда пресечь подобные подозрения в свой адрес. В июне 1927 г. Гэвин Хендерсон (будущий лорд Фаррингтон) устроил мальчишник накануне свадьбы. Тридцать гостей собрались в “Филис Корт Клуб” в Хенли (этот клуб существует и сейчас) и при помощи восьми двухгаллонных канистр бензина подожгли прибрежные

воды Темзы. После этого журнал “Панч” опубликовал серию карикатур, представляя себе, как блестящая молодежь могла бы буквально осмыслить и другие поговорки — такие, как “приходить домой с первым молоком” или “не знаешь время — спроси полисмена”.

В классическом английском детективе золотая молодежь упоминается неоднократно, большей частью иронически. Иногда детективный сюжет строится вокруг кокаина, который был довольно популярен в этом кругу (у Г. К. Бейли есть несколько таких рассказов). Как вы помните, в рассказе Честертона доктор говорит, что ему “не доставляет удовольствия весь этот джаз и гедонизм нынешней золотой молодежи”. На что отец Браун отвечает: “Он и золотой молодежи не доставляет удовольствия, вот где трагедия-то”.

Золотая молодежь спрашивает время у полисмена. “Панч”, 1928 г.

В. СОНЬКИН, Н. ГАЙДАШ

МИР ИЛЛЮЗИЙ

Действие рассказа Сирила Хэйра “Загадочная смерть Эми Робсарт” происходит в мире кино. Все особенности этого мира, которые мы привыкли отождествлять с Голливудом, здесь уже есть: и прижимистый продюсер, и избалованные актеры, и беспокойство о сборах, и желание “побить Голливуд на его собственном поле”. В межвоенную эпоху кино заняло особое место в жизни страны.

Искусство кино ведет начало от работ братьев Люмьеров, в частности — от “Прибытия поезда на вокзал Ла-Сьота” и еще десяти короткометражных фильмов, впервые показанных публике на рубеже 1895–1896 гг. Однако самый первый фильм в истории, судя по всему, был снят в Лидсе в 1888 г., а первый фильм на целлулоидной пленке — в Гайд-парке год спустя. До Первой мировой войны синемаграф оставался забавным курьезом, не более чем “движущимися картинками”, но уже в 1915 г. “Бродяга” Чарли Чаплина завоевал сердца зрителей всего мира. В континентальном прокате характерный герой с котелком и тростью, который по-английски так и стал называться Бродягой — *The Tramp*, был известен как “Шарло”: “А он сейчас разинет рот / Пред идиотствами Шарло”, — неодобрительно писал в 1925 г. Владислав Ходасевич. Постепенно новое развлечение завоевывало все большую популярность, успешно соперничая с пабами, мюзик-холлами и спортивными состязаниями. Ранние фильмы страдали от множества технических проблем:

Чарли Чаплин.
“Панч”, 1928 г.

SUSPENSE.
MR. CHARLES CHAPLIN IN “THE CIRCUS”
(NEW GALLERY CINEMA).

целлулоидная пленка быстро изнашивалась, и после нескольких показов любой фильм казался снятым под проливным дождем, а между сменой катушек с частями фильма порой проходило несколько минут. Разумеется, эти фильмы были немymi, что тоже порождало сложности. Для пояснения были нужны вставные титры, которые зрители читали с разной скоростью: образованные успевали заскучать, а полуграмотные не успевали дочитать до конца. Музыкальное сопровождение обеспечивали пианисты-таперы, часто — преподавательницы музыки из местных школ. Если к ним присоединялся скрипач, билет стоил дороже.

Центр мирового кинопроизводства уже тогда находился в Голливуде, и дру-

Экранная любовь. "Панч", 1928 г.

гие национальные кинематографы с трудом могли соперничать с этим гигантом; англичанин Чаплин стал всемирной знаменитостью только после того, как уехал в Америку. Немые картины обеспечивали подлинный интернационализм кинобизнеса; когда во второй половине 1920-х стали поговаривать о звуковых фильмах (опыты со звуком начали проводить еще в 1910-х), в Британии считалось, что американский акцент отвратит зрителей от киноэкранов. Студии-однодневки возникали в немалом количестве; для одной из них — "Минерва Филмз" — писал сценарии уже довольно популярный А. А. Милн. Некоторые из этих фильмов сохранились в архивах Британского института кино.

Как любое новшество, кинематограф у многих вызывал недовольство. Его обвиняли в безнравственности, в пропаганде секса и насилия, в восхвалении распутного образа жизни и американских ценностей, чуждых простому британскому труженику. Из-за него, утверждали критики, слуги начинают себя вести как кинозвезды, а туземцы в колониях, насмотревшись американских мелодрам, теряют уважение к белому человеку. Профашистский политик А. К. Честертон (кузен писателя) считал голливудское кино инструментом всемирного еврейского заговора.

И конечно, особой прозорливости не требовалось, чтобы понять, что в кино ходят не только ради фильмов: кинозал обеспечивал темноту, укромность и иллюзию анонимности. Поскольку львиную долю зрителей составляли женщины, блюстители морали били тревогу.

Не все было гладко и с финансовой точки зрения: начиная с 1910-х гг. стремительное развитие юной киноиндустрии и постоянное появление новых стандартов производства требовало от кинопроизводителей "бежать со всех ног, чтобы оставаться на том же месте". Новенькое, с иголки, оборудование, купленное какой-нибудь новой амбициозной студией, максимум через пять лет морально устаревало настолько, что годилось разве в музей кинематографа,

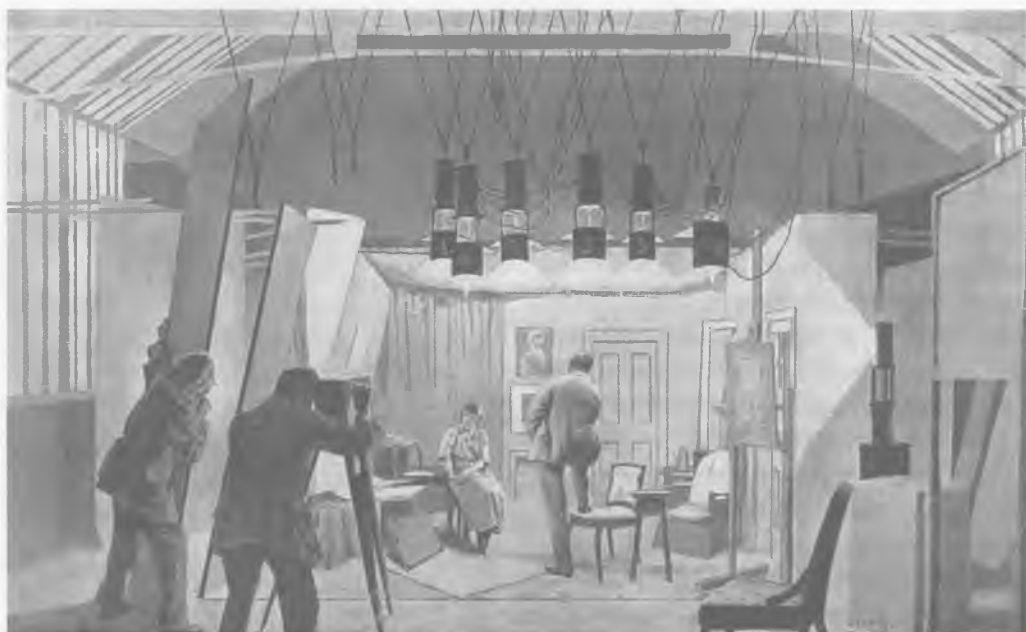
а регулярные обновления технической базы могли себе позволить лишь голливудские студии-конвейеры с огромным денежным оборотом. В отличие от Голливуда, не затронутого тяготами Первой мировой войны, киностудии Великобритании зарождались и выживали в куда более тяжелых условиях. Неудивительно, что с 1914 г. (когда еще была актуальна военная хроника) по 1926-й доля отечественного кино на британском кинорынке упала с 25 до 5 процентов.

Чтобы хотя бы частично смягчить пагубное влияние американского кинематографа и не желая окончательно сдавать иностранцам потенциально прибыльный британский кинорынок, в 1927 г. парламент принял “Акт о кинематографических фильмах”, устанавливающий квоту для отечественной кинопродукции в прокате на десять лет. Статистически акт оказался безусловно успешным, хотя историки считают, что большой пользы от него не было. Некоторые студии стали имитировать голливудские блокбастеры (такого слова тогда не было, но явление было — например, фильм “Бен-Гур” 1925 г. с уникальной сценой колесничных скачек был типичным блокбастером). Конечно, британские имитации не окупались. С другой стороны, закон породил огромное количество низкобюджетных “однодневок для квоты” (*quota quickies*). Скорее всего, “Эми Робсарт”, которую снимают герои Хэйра, — одна из подобных однодневок. Они делались “на коленке” и никакими художественными достоинствами не отличались. Тем не менее они помогли британской киноиндустрии удержаться на плаву в худшие для нее времена. С них начали свою

карьеру многие блестящие кинематографисты, например Альфред Хичкок. В 1929 г. он снял “Шантаж”, который считается первым британским звуковым фильмом. До отъезда в Голливуд Хичкок снял такие важные для его карьеры триллеры, как “39 ступеней” и “Леди исчезает”.

Изобретение звукового кино во многом усложнило жизнь и актерам — не только иностранным, которые внезапно поголовно остались без работы, но и многим британским актерам с сильными региональными акцентами.

Тем не менее, несмотря на все сложности, в 1930-е гг. британская киноиндустрия испытала настоящий бум. Появились звуковые картины и, несмотря на проблемы с синхронизацией звука и изображения и на непривычный американский выговор голливудских звезд, приобрели огромную популярность. Были сняты первые цветные фильмы. Шотландец Джон Гирсон стал снимать неигровые картины и, по легенде, изобрел выражение “документальный фильм” (*documentary*). Британское кино многим обязано венгерскому иммигранту Александру Корде, который разочаровался в Голливуде и, узнав об “Акте о кинематографических фильмах”, разумно предположил, что если снимать не однодневки, а качественное кино, это может поднять всю британскую киноиндустрию. Его компания “Лондон Филмз” продюсировала множество выдающихся картин, включая “Пламя над Англией” (из елизаветинских времен, с Лоуренсом Оливье и Вивьен Ли), “Московские ночи” (любовная драма времен Первой мировой войны, тоже с Оливье), “Алый первоцвет” (экранизация авантюрно-

Вызов американской монополии:
съемки в британской киностудии.
"Иллюстриейтед Лондон ньюс", 1920 г.

А. БОРИСЕНКО, В. СОНЬКИН

ИНОСТРАНЦЫ

исторического романа Баронессы Орци) и "Багдадский вор" (по мотивам арабских сказок; во время Второй мировой войны Корда подарил права на прокат "Багдадского вора", "Леди Гамильтон" и "Книги джунглей" советским союзникам, и они имели бешеный успех в СССР).

В 1937 г. британское кинопроизводство поразил кризис, и в новых обстоятельствах государство стало поощрять качество, а не количество фильмов, а также обратилось к американским инвестициям в местную киноиндустрию, что привело к ряду успешных совместных проектов. О размахе индустрии и всеобщего увлечения кинематографом говорит тот факт, что в течение 1939 г. в Великобритании был продан почти миллиард билетов в кино.

Английская ксенофобия хорошо известна — над ней подшучивают все кому не лень, включая самих англичан. В викторианском детективе преступниками часто оказывались зловещие иностранцы или хотя бы полукровки (мать-испанка считалась достаточным объяснением необузданного темперамента). В начале XX века эта тенденция пошла на убыль — главным образом потому, что стало модно делать преступником наименее подозрительного персонажа, а иностранца, конечно, каждый заподозрит в первую очередь.

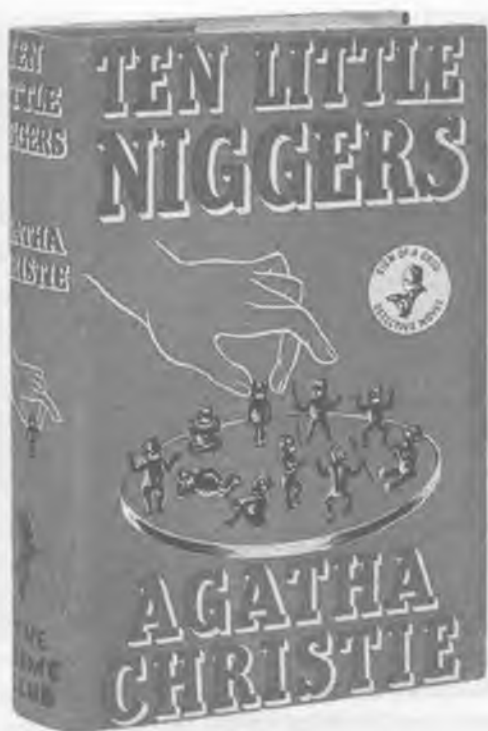
Триллер, правда, продолжал штамповать коварных злодеев-китайцев, вызывая законное презрение членов Детективного клуба. Сделав Пуаро бельгийским беженцем, Агата Кристи тем самым подарила ему своего рода

маскировочную личину: никто не ожидает от него особой проницательности, ведь он “француз” (“Бельгиец”, — терпеливо поправляет Пуаро).

Тем не менее политкорректность авторов Золотого века была далека от современных стандартов. В рассказе “Методом пристального взгляда” один из героев походя называет индусов “черными”, нередко в детективах того времени действуют комические персонажи-евреи и не слишком сообразительные туземцы. В 1939 г. в Англии вышел роман Агаты Кристи под названием “Десять негритят” (*Ten Little Niggers*), в котором действие развивалось по сценарию старинной считалки — “Десять негритят решили пообедать, Один вдруг поперхнулся, их осталось девять”*, и так далее. Однако при издании в Америке название пришлось поменять, так как его сочли рискованным. Книга стала называться “И никого не стало” (*And Then There Was None*; в считалке негритят заменили на солдатиков). Потом название поменяли еще раз — на “Десять маленьких индейцев” (*Ten Little Indians*), хотя чем последовательная гибель маленьких индейцев лучше, чем гибель негритят, не вполне ясно. Интересно, что в России книга продолжала издаваться под первым названием, в том числе по-английски (в издательстве “Прогресс”).

При переводе рассказа “Изумруд раджи” мы с изумлением обнаружили, что в современных английских изданиях словосочетание “состоятельные евреи” заменено на “состоятельные купцы”.

В межвоенные годы в Англию хлынул поток иммигрантов — в том числе это

Первое издание “Десяти негритят”, 1939 г.

были люди, которые искали спасения от коммунизма и фашизма. Существовали также большие китайские и индийские сообщества. Лондон уже тогда был многонациональным городом со всеми вытекающими из этого преимуществами и проблемами.

АМЕРИКАНЦЫ

Главной мишенью сатиры в английском детективе Золотого века стали американцы. После Первой мировой войны отношения между Британией и Америкой, и так непростые, еще усложнились. Англичан невероятно раздражала риторика американской прессы: в американских газетах того времени было принято сравнивать Британию с ране-

* Цитируется в переводе С. Маршака.

ным львом, который зализывает раны, но никогда уже не станет прежним. Кроме того, британцы с горечью воспринимали огромные военные долги — получалось, что Британия должна отдать Америке чуть ли не все содержимое своей казны. Многие знатные семьи обеднели; американцы же принялись скупать антиквариат, произведения искусства и старинные усадьбы, причем иногда купленные дома разбирали на камни и перевозили в Америку, чтобы там воздвигнуть их заново.

Сразу после войны в Америке возникла мода на путешествия в Европу; толпы американских туристов вызывали насмешки европейцев, и британцы с удовольствием присоединились к этому хору. Один итальянский историк писал в газете “Иллюстрейтед Лондон ньюс” в 1925 г., что американцы не столько наслаждаются путешествием, сколько выполняют тяжелую работу: времени мало, Европа большая, надо посмотреть все любой ценой. “Европейцы и представить себе не могут, — пишет синьор

Гульельмо Ферреро, — сколько достопримечательностей может посетить за две недели торопливый американец”.

Расхожий образ американца в те годы — богатый малообразованный субъект, стремящийся купить как можно больше дорогих и старинных вещей, но ничего в них не понимающий. “Поначалу Клерихью немного сомневался в искренности американца, поскольку утонченный вкус редко присущ его соотечественникам”, — читаем мы в рассказе “Вино кометы”. В рассказе “Настоящий табар” американца легко обводят вокруг пальца мошенники, а в рассказе “Бдительный ювелир”, наоборот, американец пытается обворовать ювелирную лавку (безуспешно), и ювелир с презрением замечает: “...у нас очень редко случаются покупатели вроде такого вот американца. Они предпочитают вещицы поблескучее и посовременнее, чем наши драгоценности. У людей его склада нет ни вкуса, ни хоть малейшего представления, чего они, собственно, хотят”. До-

стается и внешности заокеанских гостей: их кричащей одежде, привычке жевать жвачку, их манерам и произношению, их очкам и гладко выбритым лицам. “Один из вечно жующих резинку американцев”, “не галстук, а катастрофа”, “рослый, лицо гладкое и розовощекое” (“Бди-

Прибытие в Лондон
экспедиционных войск
США. “Панч”, 1922 г.

тельный ювелир"). Или: "Мэнтон был крупным мужчиной с громким голосом и раскатистым смехом, гладко выбритый на американский манер" ("Вино кометы"). И даже у злодея-индуса в рассказе "Методом пристального взгляда" американский акцент.

Интересно, что в то же самое время — в начале 1920-х гг. — в Британии возникает бешеная мода на все американское, прежде всего — кинематограф, музыку, танцы и одежду. Особенно большое влияние американская культура оказала на стиль женских платьев. Новомодные американские танцы не слишком хорошо сочетались с корсетом — "мужчины не станут с тобой танцевать, если ты вся перетянута". Женская одежда и так стала гораздо более удобной и свободной во время войны, и эта тенденция продолжала развиваться. Молодые американки, хлынувшие в Англию, носили яркие платья и яркую косметику, были раскованнее и свободнее своих английских ровесниц — и оказали на них некоторое влияние, что с негодованием отмечали консервативно настроенные издания. Впрочем,

даже мода на все американское не заставила англичан воспринять американский сленг и жевательную резинку.

Как известно, американский экономический бум закончился в 1929 г. биржевым крахом и Великой депрессией, которая вскоре накрыла и Европу. В новых бедах все тоже винили американцев. Получалось, что Новый Свет равно раздражает британцев и в бедности и в богатстве.

РУССКИЕ

Отношение к русским в межвоенную эпоху было противоречивым. В 1920-е гг. Лондон рукоплескал Анне Павловой, которая танцевала на сцене "Ковент-Гардена", в моде был русский стиль (императорский, а не советский, уточняет на всякий случай Роберт Грейвз), устраивались вечеринки *à la russe*. Русская революция, как всякая стихия, внушала одновременно ужас и восторг — понадобилось время, чтобы ужас одержал окончательную победу.

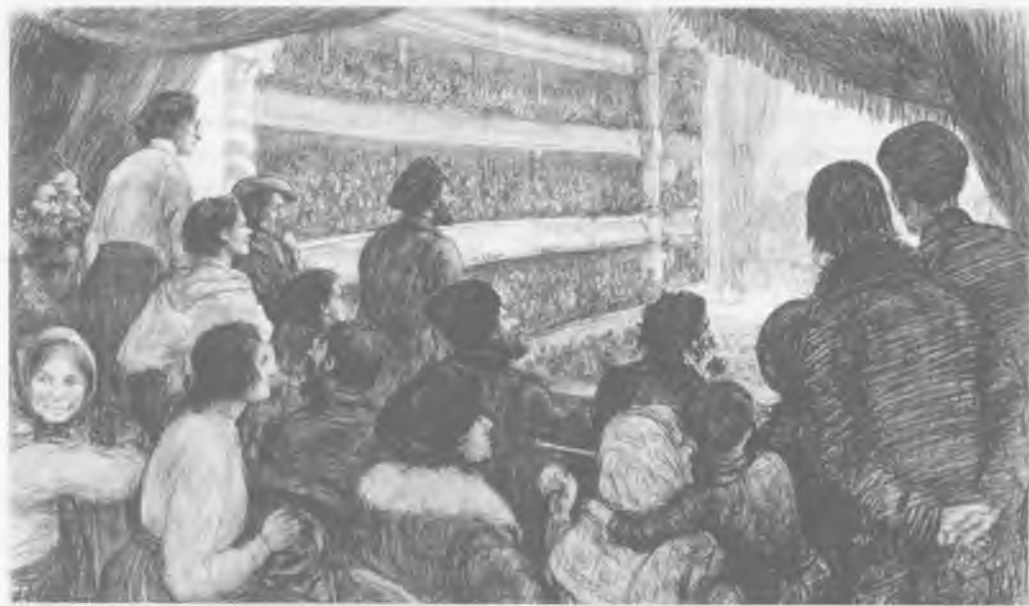
Характерная смесь интереса и отвращения хорошо видна в путевых заметках скульптора и писательницы Клер Шеридан, двоюродной сестры Уинстона Черчилля. В 1920-е гг. она решительно разошлась с кузеном в политических взглядах: Клер

Американская "крошка" завершает образование в Европе

находила русскую революцию чрезвычайно увлекательной и отправилась в Россию создавать бюсты революционных вождей (среди ее моделей были Ленин, Троцкий, Дзержинский, Зиновьев и Каменев). Английские спецслужбы даже считали ее русской шпионкой. По возвращении Клер Шеридан много писала о России. Ее впечатления о визите в Большой театр появились, в частности, в газете "Иллюстрейтед Лондон ньюс". Клер с энтузиазмом рассказывала, как толпа рабочих заполнила императорскую ложу, но не могла не от-

ном (они были поразительно похожи внешне), последовал совету своего секретаря лорда Стамфордхема и отказал семье Николая в убежище (после отречения Николай рассчитывал найти приют в Англии). Причем король лично настоял на том, чтобы его министры отозвали приглашение, которое уже было сделано, — настолько он боялся, что приезд русского монарха спровоцирует народные волнения (в частности, в Лондоне жило много евреев, которые нашли здесь спасение от погромов, происходивших при попустительстве

От власти монарха к власти народа: большевики в императорской ложе московского театра. "Иллюстрейтед Лондон ньюс", 1920 г. Рис. А. Форестье, по рассказам Клер Шеридан

метить, что мужчины не снимают шапок, женщины грызут яблоки, а запах немытых тел мешает воспринимать музыку.

Правление царя Николая II считалось в Англии тираническим и вызывало всеобщее возмущение. Георг V, который приходился Николаю II кузе-

русского царя). Тем не менее английские войска, посланные на помощь Колчаку и Деникину, были отозваны только в 1920 г.

В 1924 г. англо-советские отношения оказались в центре крупного скандала, решившего судьбу тогдашнего британ-

ского правительства. Первый в истории лейбористский кабинет министров под руководством Рамсея Макдональда подвергался нападкам со стороны консерваторов и либералов. Когда власти не стали преследовать одного журналиста коммунистического толка по старинному Закону о подстрекательстве к мятежу, палата общин вынесла правительству вотум недоверия. Макдональд был вынужден обратиться к королю с просьбой о роспуске парламента и назначении новых выборов. Как раз в этот момент консервативная пресса опубликовала секретное письмо за подписью тогдашнего председателя Исполкома Коминтерна Григория Зиновьева. Письмо призывало к укреплению связей между СССР и Великобританией с целью развертывания ленинистской пропаганды и последующей организации пролетарской революции в Англии. В свете коммунистической угрозы у лейбористов, которые снисходительно отнеслись к потенциальным мятежникам, не осталось шансов, и на выборах они потерпели сокрушительное поражение. Недавние исследования показали, что «письмо Зиновьева» почти наверняка было фальшивкой, сфабрикованной представителями белого движения в Германии или Латвии именно с той целью, которая и была в результате достигнута — не допустить укрепления лейбористов, симпатизирующих Советам.

В годы, предшествующие Второй мировой войне, англо-советские отношения были напряженными: СССР выступал против Мюнхенского соглашения, Великобритания не была в восторге от советско-германского раздела Восточной Европы по договоренностям Молотова-Риббентропа. Со вступлени-

ем СССР в войну страны стали союзниками: британские корабли везли оружие и продовольствие в Мурманск и Архангельск, а в августе-сентябре 1941 г. британские и советские войска провели совместную военную операцию в Иране и заблокировали Германию и ее союзникам доступ к нефтяным месторождениям Персидского залива.

Основными русскими персонажами в детективах бывают либо зловещие анархисты/чекисты, либо романтические и темпераментные русские княгини — княгиня может оказаться шпионкой или авантюристкой, но как русской ей это простительно. Именно этот набор штампов мы видим в рассказе «Вино кометы» — мистер Клерихью снисходительно относится к преступлению русской красавицы, которая отравила злодея-большевика Азефа. Пуаро у Агаты Кристи тоже питает слабость к русской княгине с преступным прошлым.

Николай II и Георг V

А. БОРИСЕНКО

ДЕЛА СЕМЕЙНЫЕ

В этой книге всего один рассказ про семью (если не считать нескольких супружеских убийств), но зато он — именно о семейном счастье, а вовсе не о краже нескольких персиков накануне цветочной выставки. Дороти Сэйерс написала несколько романов о том, как развивались отношения Питера Уимзи и его будущей жены, Гарриет Вэйн, — в последнем из них они проводят медовый месяц в деревенском доме Толбойз (разумеется, одновременно расследуя убийство). Рассказ “Толбойз” — осколок семейной саги; зарисовка, изображающая в нескольких штрихах несбывшуюся мечту автора.

Представления о браке и воспитании детей претерпевали в межвоенный период довольно существенные изменения — некоторые отголоски горячих общественных дискуссий слышны и в этом рассказе. И пожалуй, разговор этот стоит начать с той семьи, которая находилась у всех на виду.

КОРОЛЕВСКАЯ СЕМЬЯ

Культ семьи связан в Англии с именами королевы Виктории и принца Альберта — счастливой, добродетельной и многодетной четы (правда, королева Виктория ненавидела все, связанное с беременностью, родами и младенцами, но тем не менее у пары было девять детей). В 1901 г. на престол вошел старший сын Виктории и Альберта, Эдуард VII, который не разделял строгие нравы родителей, — его интрижки

и бурные развлечения были известны всей стране.

Георг V, на чье царствование пришелся почти весь межвоенный период (он правил с 1910 по 1936 г.), вернул королевской семье ореол стабильности и благопристойности. Это был человек крайне консервативный. Он ненавидел любые перемены и новшества (например, аэропланы, джаз и коктейли), увлекался охотой, собирал марки. По словам одного из его биографов, король “любил книгу с сюжетом, мелодию, которую мог напеть, и картину, которая рассказывает историю”. И он и королева были достаточно неприспособлены к быту, серьезно относились к своим обязанностям, проявляли осторожность и сдержанность в политике. При этом Георг V, как и королева Виктория, был подвержен внезапным и бурным припадкам бешенства, третировал близких мелочными придирками, не терпел даже минутного опоздания к

Георг V и королева Мария.
Серебряный юбилей: 25 лет на троне

обеду, держал детей в крайней строгости. Однако все эти черты его характера касались в основном близкого окружения — подданные относились к королевской семье с уважением, особенно после Первой мировой войны, во время которой король, королева и их дети активно занимались благотворительностью, лично ездили по госпиталям и т. д.

В 1922 г. произошло значительное событие: британский принц впервые женился на женщине, в чьих жилах не текла королевская кровь. Это было политическое решение: королевские дома по всей Европе рушились, и союз с любым из них мог принести непредсказуемые политические последствия. Невеста — дочь шотландского пэра леди Елизавета Боуз-Лайон — приняла предложение только с третьего раза, после чего немедленно дала интервью газете “Дейли стар”, в котором называла жениха домашним именем Берти. Георг V, ненавидевший журналистов, был в ужасе. Молодая пара, у которой родились две прелестные дочери (старшая — нынешняя королева Елизавета II), постоянно находилась в центре внимания. Все с нетерпением ждали, когда женится принц Уэльский — будущий Эдуард VIII (его в семье называли Дэвид).

Принц Уэльский пользовался огромным успехом у подданных — он был хорош собой, обаятелен, много ездил по стране, был достаточно красноречив (в отличие от младшего брата, страдавшего заиканием). В 1936 г. Георг V умер, отпраздновав годом ранее серебряный юбилей (четверть века на троне). На престол взошел Эдуард VIII. И тут выяснилось, что он намерен жениться на женщине, с которой был связан уже несколько лет, — на миссис Уоллис Симп-

Эдуард VIII

сон. Это была самая неподходящая кандидатура на роль королевы, какую только можно было себе вообразить: американка незнатного происхождения, находящаяся в процессе второго развода. К тому же у нее были весьма сомнительные знакомства в высших кругах нацистской иерархии. Премьер-министр Стэнли Болдуин и парламент категорически воспротивились планам новоиспеченного короля. (В народе появилась шутка “Боже, спаси короля от мистера Болдуина!”) После долгих дебатов и утомительного торга Эдуард VIII решил отречься от престола. Он обратился по радио к подданным (вероятно, это одно из самых знаменитых радиообращений в истории страны). “Наконец-то я могу сказать несколько

Миссис Уоллис Симпсон

слов от себя лично, — сказал он. — ...Вы должны поверить мне, когда я говорю, что не смог бы нести тяжкую ношу ответственности и выполнять обязанности короля так, как хотел бы, без женщины, которую я люблю”.

Многие осуждали короля за то, что он пренебрег долгом, но большинство

подданных горячо ему сопереживали. Под Букингемским дворцом собирались толпы, скандировавшие: “Мы хотим Эдуарда!” Испуганный парламент выслал отрекшегося короля из Англии, и эта ссылка продлилась всю его жизнь.

На престол взошел герцог Йоркский — он стал королем Георгом VI. Поначалу отношение к нему было сложным — слишком яркой фигурой был его предшественник. Но постепенно, в большой мере благодаря своей супруге Елизавете, Георг VI обрел популярность. Окончательно королевская семья утвердилась в годы Второй мировой войны — когда все стремились вывезти детей из Лондона, королева заявила: “Дети не могут ехать без меня, я не могу оставить мужа, а король, конечно, никуда не поедет”. Они остались в Лондоне под бомбежками, бесстрашно ходили по улицам, подбадривая людей, и проявили полную готовность разделить со своими подданными любую участь. Англичане этого не забыли.

Королева Елизавета и Георг VI

НА ПУТИ К РАВНОПРАВИЮ

Даже по реакции публики на любовную историю принца Уэльского видно, как сильно изменилась общественная мораль. Во время войны заключалось много поспешных браков, без лишних формальностей, иногда без благословения родителей — порой жених уходил на фронт прямо от алтаря (или из брачной конторы). Война во многом раскрепостила женщин: они выполняли мужскую работу, носили брюки и укорачивали юбки (во время войны экономия материала считалась проявлением патриотизма). Женщины почувствовали вкус свободы, и по окончании войны

Послевоенная проблема: носить их и дальше или выйти замуж?

оказалось, что их не так легко загнать в прежние рамки.

Нельзя сказать, что консервативно настроенное общество не пыталось это сделать. Женские журналы, не жалея сил, прославляли “лучшую работу в мире” — работу жены и матери. Женщинам все настойчивее внушалось, что они должны как можно дольше сохранять красоту и стройность и во всем потакать мужу; а уж если незамужняя девушка ищет работу, то нужно выбирать такую, где скорее всего найдешь своего суженого. Самыми перспективными с этой точки зрения считались профессии медсестры и секретарши.

И все-таки политикам пришлось покориться требованиям времени: в 1918 г. получили право голоса женщины старше 30 лет, в 1928-м вышел закон о всеобщем избирательном праве, и женщины стали голосовать с 21 года, наравне с мужчинами. В 1919 г. появилась первая женщина — член парламента, леди Нэнси Астор; к 1929 г. их было уже 19.

После войны существенно увеличилось количество разводов — в 1920 г. их было в пять раз больше, чем в 1914-м. В 1921 г. в судах по разводу появились первые женщины-присяжные. В 1923 г. вышел закон, по которому женщина могла развестись с мужем на основании его измены (прежде нужно было доказать жестокое обращение).

Конечно, развод все еще осуждался, но уже не делал из женщины парию. Гораздо спокойнее относились и к добрачному сексу. В рассказе “Чайный лист” героиня совершенно спокойно признается в зале суда, что состояла в близких отношениях с женихом, более того, она заявляет, что “в этом нет ничего постыдного”. У Гарриет Вэйн, жены

*Любопытствующие женщины
на бракоразводном процессе.
"Иллюстрейтед Лондон ньюс", 1923 г.*

Питера Уимзи, в ранней молодости тоже был любовник — и ее даже обвиняли в его убийстве (безосновательно).

Такое раскрепощение нравов было во многом связано с распространением контрацепции. Впервые контроль рождаемости стал предметом широкого обсуждения — до этого тема считалась глубоко неприличной и большинство населения было абсолютно невежественно в этих вопросах. Главным пропагандистом сексуального просвещения стала доктор Мэри Стоупс — правда, докторскую степень она получила не в медицине, а в палеоботанике. Мэри Стоупс написала несколько книг о сексе и контрацепции, наиболее известная из них — "Супружеская любовь" (1918). В 1921 г. она открыла в Англии первый центр планирования семьи, который существует до сих пор. Религиозные круги (особенно католические) отчаянно протестовали против деятельности Мэри Стоупс,

Мэри Стоупс

респектабельные аптеки по-прежнему отказывались продавать контрацептивы, многие врачи не хотели (или не могли) давать женщинам советы о том, как избежать беременности. Но остановить процесс было уже невозможно.

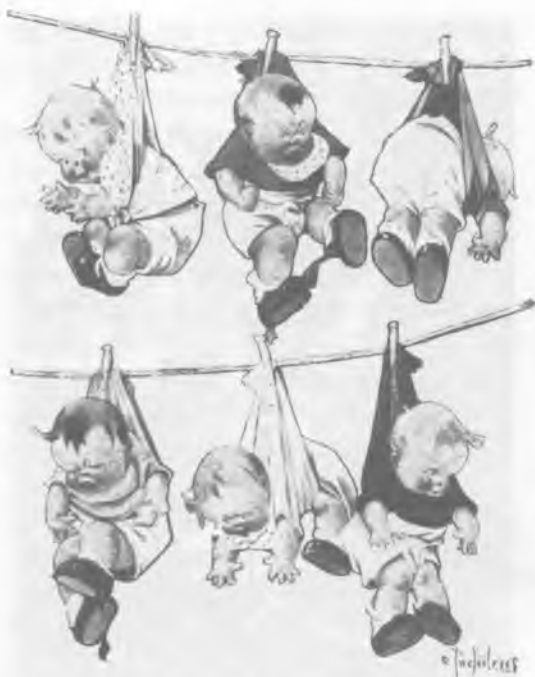
Все больше женщин получали высшее образование и достигали успехов в разных профессиональных сферах. Вопрос о том, как сочетать карьеру с семьей, был для тех времен новым и довольно мучительным. Гарриет Уимзи, как мы видим, успешно решает его, одновременно дописывая книгу и приглядывая за детьми, но далеко не всем это удавалось с такой легкостью.

В 1930-е образец супружеского счастья для большинства воплощала молодая семья герцога Йоркского; во многих журналах появлялись их идиллические портреты с двумя прелестными дочками. Это было в новинку публике, как и то, что столь высокородные родители проводили столько времени со своими детьми. Детей было всего двое, что тоже отражало дух времени.

ДЕТИ

В 1920-е годы британское общество стало пересматривать отношение к детям — никогда еще им не уделяли столько внимания в национальном масштабе. Поколение, пережившее войну, считало, что именно с помощью правильного воспитания детей можно создать новый, более счастливый мир.

Поскольку в обиход вошла контрацепция, в семье рождалось гораздо меньше детей, а благодаря успехам медицины родившиеся дети чаще выживали. Женские журналы печатали

От греха подальше

бесконечные советы по уходу за младенцами, появился отдельный стиль детской одежды (детей перестали одевать как маленьких взрослых), выходили учебники по воспитанию.

Именно в эти годы в Англии вошел в моду фрейдизм и появилось множество психологов, психоаналитиков, врачей и педагогов, которые давали родителям разнообразные и подчас противоречивые советы. Большим авторитетом пользовался доктор Труби Кинг, который не устал писать о том, как важно не баловать детей, ни в коем случае не портить их лаской, неукоснительно соблюдать режим и рано приучать к горшку; он также считал, что женское образование опасно для нации, так как мешает женщинам выполнять свое жизненное предназначение (авторитет Кинга существенно упал в 1930-е). С другой стороны, было немало спе-

циалистов, которые предупреждали о хрупкости детской психики и о том, к каким травмам может привести раннее подавление либидо.

В викторианский период отношение к воспитанию было проще и опиралось на нехитрую максиму: "Детей должно быть видно, но не слышно" (британская суровость к детям всегда поражала европейцев с континента). Воспитание обычно было довольно строгим, родители виделись с детьми мало, оставляя их на попечение нянек (в бедных семьях старшие дети заботились о младших). Мальчиков в обеспеченных семьях отправляли в школы-интернаты, девочки получали домашнее образование с гувернантками.

Старая школа. "Панч", 1913 г.

Новая школа. "Панч", 1935 г.

Отец. Я так и знал! Говорил тебе: не надо покупать ему неломаящихся кукол, нервующую книжку и нелопачущий шарик!
"Панч", 1928 г.

Разлучение детей и родителей не рассматривалось как трагедия: если отец семейства работал в Индии, то сына вполне могли отослать в одну из школ в Англии, после чего он не виделся с родителями несколько лет. Некоторые благотворительные организации, такие как Армия спасения, организовывали отправку детей бедняков в отдаленные части Британской империи — например, в Канаду. Считалось, что это спасет их от нищеты и морального разложения, хотя в лучшем случае они становились дешевой рабочей силой на фермах.

Эти взгляды и практики во многом оставались актуальными и в XX веке — во время Второй мировой войны сначала стали эвакуировать детей в Америку, но после того, как один из кораблей, на котором плыли дети, разбомбили, этот путь стал считаться опасным. Потом детей стали отправлять в сельскую местность, и они часто страдали от разлуки с близкими (многие родители вскоре забрали детей обратно).

Суровый спартанский режим английских школ тоже подвергся критике в межвоенный период. Началось движение за реформирование школьного образования, у которого было три основных пункта: совместное образование девочек и мальчиков, отсутствие наказаний и развитие естественных склонностей ребенка. Появились совершенно новые типы школ, где детям разрешали делать буквально все, что взбредет им в голову, — одну из таких школ основал известный математик и философ Бертран Рассел со своей женой Дорой. Они считали, что школа нужна не столько для того, чтобы давать знания, сколько для того, чтобы воспитать "свободную личность".

Тем не менее большинство школ работали по старинке: в ходу были телесные наказания, левшей заставляли писать правой рукой. Эта участь постигла несчастного герцога Йоркского (и, возможно, усугубила его заикание).

Нужно сказать, что новые тенденции находили отклик далеко не у всех. Фрейдистские теории вызывали скепсис у многих авторов детективов Золотого века. Можно заметить, что психологией, как правило, интересуются экзальтированные дамочки вроде миссис Веррекер-ле-Флемминг: “Психология — это безумно интересно, не правда ли, мистер Шерингем?” (“Карающий случай”) — и мисс Лайелл: “Человеческая натура — это так увлекательно! Правда, месье Пуаро?” (“Пуаро и родосский треугольник”).

“Изабель находится в таком состоянии, что все эти трюкачи-психоаналитики запрыгали бы от восторга”, — роняет доктор Медоуз в рассказе “Смерть в эфире”.

Но самую развернутую дискуссию мы видим все в том же рассказе “Толбойз”, где докучливая мисс Кверк пытается учить Питера и Гарриет воспитывать их собственных детей. Она осуждает Питера за то, что он применяет физические наказания, и приводит в пример своих маленьких племянников и племянниц, “которые не знают слова *нельзя*”. Кроме того, мисс Кверк сыплет новомодной терминологией, и лорд Питер с удовольствием ее передразнивает: “Но зачем мне извлекать его оттуда и развивать у него ужасный фрустрационный комплекс, связанный с котельной?”

Такое же скептическое отношение к новомодным теориям мы встречаем и у Агаты Кристи. “Я думаю, викторианские родители были более реалистичны, более внимательны к своим детям, лучше понимали, что может сделать их жизнь счастливой и успешной, — писала она. — В наши дни часто кажется, что родители хотят от детей успехов ради

своего собственного престижа. Викторинцы умели критически посмотреть на своих отпрысков и решить, на что те способны. А. явно будет красоткой, В. — умницей, С. нехороша собой и уж точно не интеллектуалка. Ее единственный шанс — благотворительность. И так далее. Иногда они ошибались, но в целом это работало. Это огромное облегчение — когда от тебя не ждут того, чего ты не можешь дать”. Примерно это и пытается толковать Гарриет своей назойливой гостью.

А. БОРИСЕНКО

ОКСФОРД И КЕМБРИДЖ

Почти все выдающиеся авторы детективов Золотого века учились в Оксфорде или в Кембридже, в результате чего возникла новая разновидность жанра — университетский детектив. Когда писатель Майкл Иннес вступал в Детективный клуб, Дороти Сэйерс спросила его грозным голосом: “Есть ли на свете что-то, что вы принимаете всерьез?” И тот не задумываясь ответил: “Ректор Бэйлиола”. Мисс Сэйерс такой ответ вполне удовлетворил, тем более что ее сыщик лорд Питер Уимзи тоже окончил этот оксфордский колледж.

Старейшие английские университеты возникли из монастырей и до сих пор сохранили многие монастырские черты в архитектуре и в стиле академической одежды. Все старые колледжи построены вокруг внутренних дворов с безупречными зелеными газонами, дворы

окружены прохладными гулками галереями, арки ведут в тихие сады (иные из них — профессорские, и туда заказан вход даже студентам). В каждом колледже непременно есть трапезная с витражными окнами и портретами ректоров, где длинные ряды деревянных студенческих столов стоят вдоль стен, а перпендикулярно им, на возвышении, стоит так называемый Высокий стол, за которым едят преподаватели. Еще в каждом колледже есть часовня и библиотека, студенческая и профессорская гостиные (общие комнаты, где собираются студенты и преподаватели соответственно), а также собственные правила, легенды и чудачества. И конечно, собственный герб.

Герб колледжа Олл-Соулз, который был изображен на экслибрисе каноника в рассказе "Настоящий табар"

Оксфорд был основан приблизительно в конце XI века, Кембридж — в начале XIII века. Соперничество между двумя университетами — неотъемлемая часть их жизни. Даже само название университета-соперника не принято произносить вслух — вместо этого говорят "Другое место" (*The Other Place*).

Веками в Оксфорде и Кембридже обучались будущие короли, министры, епископы — и просто талантливые юноши, порой из самых бедных семей.

Конечно, каждый бедняк был исключением в своем роде, и все-таки они были — к выдающимся способностям в Англии всегда относились с уважением.

Но в основном в университеты попадали из престижных частных школ-интернатов — Итона, Харроу, Рагби и т. д. Один из преподавателей колледжа Олл-Соулз отметил как-то, что в других странах юноши поступают в университет, чтобы учиться, а в Англии — чтобы развиваться. В том числе приобретать необходимые знакомства. Этому способствуют дискуссионные клубы, театральные общества, спортивные состязания.

Для простого человека Оксфорд был окутан ореолом учености и избранности — как для героя рассказа "Две бутылки приправы", который надеется перенять от своего соседа по квартире немного оксфордской премудрости:

Библиотека Мертон-колледжа.

Рис. У. Дж. Блэколла

“Вот я и подумал: ведь что такое оксфордские манеры в торговле? Да это же просто золотое дно. Если бы я мог усвоить хотя бы четвертую долю манер мистера Линли, то и продавать смог бы вдвое больше <...> Вовсе не обязательно цитировать “Божественную комедию” целиком, чтобы доказать, что ты читал Мильтона, — и полстрочки хватит”.

Университетская жизнь всегда считалась оплотом традиций, но и она стремительно менялась между двумя мировыми войнами, и оттого в этот период воспоминания писателей о студенческих годах полны особенной ностальгии — не только об ушедшей молодости, но и об ушедшем “старом мире”. Герой рассказа “Пропавший студент” с умилением любит неизменными очертаниями средневекового города: “Ах, вот они, “дремлющие шпили”: башня Модлин-колледжа справа — дальше, по

“Старый Том” — сторожевая башня колледжа Крайст-Черч. Рис. У. Дж. Блэколла

Принц Уэльский в Оксфорде, 1909 г. Рис. С. Бегга. Принц в короткой мантии коммонера, поскольку он платит за свое образование, а не получает стипендию

Юноши за книгами.

Рис. С. Бегга

левую сторону, ее скромный двойник, Мертон-колледж, затем колледж Святой Марии, и на переднем плане старый замок, из которого королева Матильда бежала через снега в 1141 г., — за ним “Старый Том”, чудесная надвратная башня колледжа Крайст-Черч, словно король в окружении очаровательных принцесс”.

Та же интонация слышна и в “Возвращении в Брайдсхед” Ивлиана Во:

Оксфорд — теперь похороненный в памяти и утраченный невозвратно, как земля Лион, ибо с такой бедственной быстротой нахлынули перемены, — Оксфорд был еще в те времена городом старой гравюры. По его широким тихим улицам люди ходили, беседуя, как при Джоне Ньюмене; осенние туманы, серые весны и редкая прелесть ясных летних дней — подобных этому дню, ког-

да каштаны в цвету и колокола звонко и чисто вызванивают над шпилями и куполами, — все мирно дышало там столетиями юности. Здесь, в этой монастырской тиши, особенно звонко раздавался наш веселый смех и далеко разносился над гудением жизни.*

ЖЕНЩИНЫ В ОКСФОРДЕ

Продолжается эта цитата так: “И вот сюда, в строгий монашеский Оксфорд, на гребную неделю хлынула толпа представительниц женского пола числом в несколько сот человек, они щебетали и семенили по булыжнику мостовых и по ступеням старинных лестниц, осматривали красоты архитектуры и требовали развлечений...” А ведь действие происходит в 1923 г. — к этому времени

* Цитируется в переводе И. Бернштейн.

Когда же Кембридж последует примеру Оксфорда? "Иллюстриред Лондон ньюс", 1920 г. Первые женщины, получившие оксфордскую степень. Рис. Уилтона Уильямса

женские колледжи существовали в "монашеском" Оксфорде более 40 лет.

Женщины в университете долго оставались невидимками — это было сознательное тактическое решение. Ни в коем случае не хотели они быть похожими на суфражисток с их демонстрациями и дикими выходками, — напротив, всячески подчеркивалась благопристойность студенток, их скромность и трудолюбие. Соппротивление истеблишмента было велико: приходилось постепенно, годами завоевывать право посещать лекции, право сдавать экзамены, право получать степени. Однако многие либерально настроенные преподаватели поддерживали женщин в их стремлении получить образование.

В Кембридже два первых женских колледжа — Гиртон и Ньюнем — появились в 1869 и в 1871 гг. Оксфордские колледжи Леди-Маргарет-Холл и Сомервиль были основаны в 1879 г. Однако Кембридж оказался более консервативным в вопросе о присуждении женщинам ученых степеней — Оксфорд сдался в 1920 г., Кембридж — только в 1948-м.

Женские колледжи сначала представляли собой что-то вроде пансионов, где девушки могли жить под присмотром наставниц и посещать лекции. Но постепенно эти колледжи становились полноценными учебными заведениями — особенно после того, как появились первые выпускницы, способные выполнять обязанности преподавателей. Женские колледжи были ограничены в средствах и отличались чрезвычайно строгими правилами. Контраст между жизнью студентов и студенток был разительным и не раз обыгрывался в разного рода юмористических скетчах. Юноши занимали просторные комнаты в старинных колледжах, их обслуживали скауты (университетские слуги, которые часто играли важную роль в жизни своих подопечных); они поздно вставали, устраивали бесконечные пирушки, проводили целые дни на реке или в клубах.

Девушки жили в спартанских условиях, питались крайне аскетично, на лекции ходили только с сопровождающими-компаньонками, много занимались и, как считалось, не имели особых шансов на замужество. Агата Кристи вспоминает, что когда ее матери пришлось в голову послать старшую дочь в Гиртон, отец категорически возражал: "Нельзя, чтобы наша Мэдж стала синим чулком!"

Вечеринка с какао. Рис. Уилтона Уильямса

Примерно такой же портрет типичной студентки рисует и английский поэт Джон Бетжемен: “Большинство студенток — школьные училки в зародыше: они все понимают буквально, пишут подробнейшие конспекты лекций, <...> не заботятся о своей внешности и возят сотни книг в плетеных корзинах, закрепленных на раме велосипеда”. Правда, добавляет Бетжемен, ходят слухи о веселых вечеринках с какао, но никто ничего не знает наверняка.

Такое же отношение было и к преподавательницам — этот взгляд на ученых дам пародирует Дороти Сэйерс в рассказе “Убийство в Пентекост-колледже”. “Пожилая леди, одета несколько старомодно, юбка до пят, шляпа такая, в виде вороньего гнезда, с резинкой сзади. Я подумал, что это может быть преподавательница, — по крайней мере, вид был именно такой”. Другой герой рассказа

досадует, что женщин пускают в библиотеку, потому что они всегда “мельтешат и отвлекают” (стоит обратить внимание, кто это говорит).

Во время Первой мировой войны Оксфорд опустел. Тут-то университет и заметил по-настоящему своих студентов. После войны девушки почувствовали себя гораздо свободнее, а в 1920 г. Оксфорд стал присуждать женщинам ученые степени. Дороти Сэйерс была среди первых студенток, удостоившихся этой чести.

ГРЕБНЫЕ ГОНКИ

Еще в конце XIX века Оксфорд, по словам одного из выпускников, перестал быть местом религиозных и эстетических движений и превратился в игровую площадку. Студенты самозабвенно игра-

ли в крикет и другие спортивные игры, но главным спортом Оксфорда и Кембриджа, безусловно, оставалась гребля.

Сочетать тренировки с напряженной учебой было практически невозможно, но, как отмечает Э. К. Бентли, никто не видел в этом ничего дурного — таков был дух времени. Сам Бентли был выдающимся гребцом и капитаном гребного клуба.

Есть два основных вида университетских гребных гонок: внутренние, которые называются *bumps* — буквально “толкалки” (они проходят два раза в год, в феврале и в мае), и ежегодная рега-

Лодка, оказавшаяся первой, называется “глава реки” (*head of the river*) — это очень почетное звание. Последняя лодка — “хвост реки” (*tail of the river*). На стенах в Оксфорде и Кембридже можно видеть граффити, прославляющие победу над противником. Победители заказывают себе весло, которое можно вешать на стену — на нем часто бывают выгравированы названия тех колледжей, которые удалось оставить позади в ходе гонок. Кроме того, победившая команда получает право “носить свои цвета” — у каждого колледжа свое определен-

Схема размещения гребцов в лодке. Черная точка соответствует расположению рулевого

та, в которой соревнуются Оксфорд и Кембридж.

Поскольку и Кэм и Айсис (приток Темзы, протекающий в Оксфорде) — довольно узкие реки, то внутренние соревнования устроены как своеобразные салочки: лодки идут друг за другом, задача заключается в том, чтобы толкнуть впереди идущую лодку — тогда можно занять ее место (продвинуться вперед на одну позицию). Порядок, в котором лодки стартуют, определяется прошлогодними результатами. Точно так же результат каждого предыдущего дня определяет порядок построения на следующий (гонки длятся несколько дней).

ное сочетание цветов на спортивной одежде.

В рассказе “Настоящий табар” речь идет об оксфордских внутренних гонках:

Глаза каноника за стеклами очков загорелись.

— В тот год, когда мы получили право носить свои цвета, лодка Уодем-колледжа продвинулась вперед на пять позиций. Это была лучшая неделя в моей жизни.

Получение места в престижном колледже обрадовало каноника меньше: “...это счастье иного рода, и ощущаешь его не так остро, уж поверьте”.

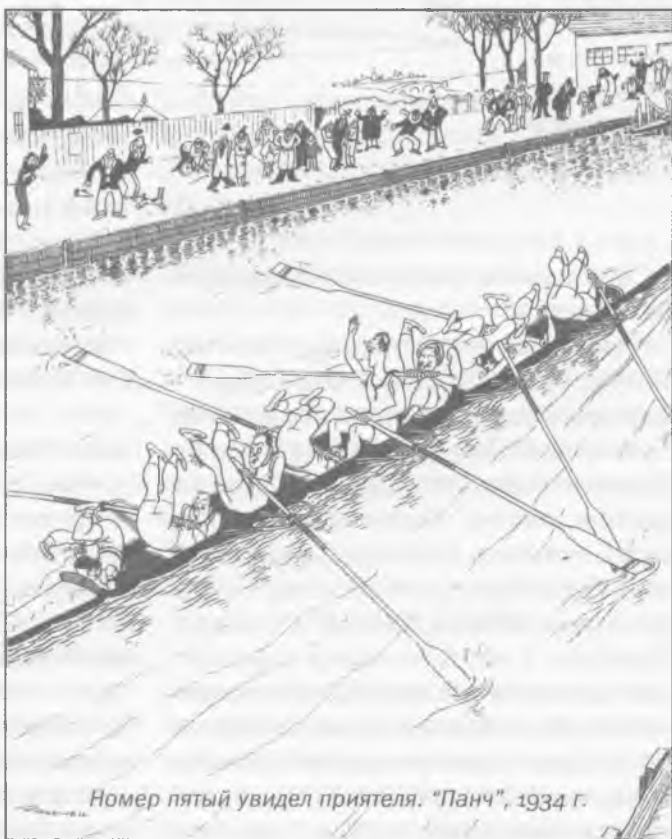
*Гребные гонки Оксфорда и Кембриджа, 1936 г.
Загребной — Дэвид Винзер, автор рассказа "Убийство накануне регаты".*

Однако гребные гонки с Кембриджем — событие еще более важное. Они проходят весной в Лондоне, на Темзе, и собирают огромное количество зрителей. Цвет Оксфорда — темно-синий, цвет Кембриджа — голубой.

Некоторое представление о том, что значит для гребцов участие в этом состязании, дает рассказ Дэвида Винзера "Убийство накануне регаты": "... десять или одиннадцать человек три месяца думают только о том, чтобы попасть в команду и привести Оксфорд к победе. Это уже просто помешательство, навязчивая идея".

Опять-таки, Дэвид Винзер знал об этом не понаслышке: он не только был членом команды Оксфорда, но и участвовал в легендарной регате 1937 г., когда Оксфорд победил впервые после тринадцати лет поражений.

Внутренние гонки, как правило, проводятся на лодках-восьмерках, а ежегодная регата — исключительно на них. В такой лодке находятся восемь гребцов и рулевой. Рулевой сидит на корме.

Номер пятый увидел приятеля. "Панч", 1934 г.

Он управляет лодкой, дает указания команде, принимает тактические решения. Следующий от кормы — загребной (восьмой номер), он определяет ритм и скорость гребли. Обычно загребной — самый искусный гребец, у него лучше всего отточена техника. Седьмой номер — своеобразный буфер между загребным и остальной командой, он должен особенно точно повторять его движения. В середине, как правило, находятся самые физически сильные гребцы — в рассказе Винзера это Джон и Гарри, успех которых напрямую зависит от того темпа, который задает загребной, — а номер второй и номер первый (баковый), сидящие ближе всего к носу, отвечают за устойчивость и направление, от них в первую очередь требуется быстрота реакции.

Э. К. Бентли писал, что “не променял бы реку ни на какие академические достижения”. Вероятно, многие выпускники Оксфорда и Кембриджа могли бы сказать о себе то же самое.

В. СОНЬКИН

АНГЛИКАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ

В рассказе Г. К. Честертона “Деревенский вампир” отец Браун изобличает актера, выдающего себя за англиканского священника. Преступник имел смутное представление о церковных обычаях и правилах и поэтому вел себя как “плохо прописанный почтенный старый глупец, которого мог придумать популярный драматург или актер старой школы, если уж им пришлось бы

придумывать нечто столь нелепое, как набожный человек”.

Отца Брауна такая оплошность несколько не удивила. “Англия мало знает о римской церкви, — говорит он, — но Англия мало знает и об англиканской церкви. <...> Вы удивитесь, как плохо публика понимает внутренние англиканские противоречия; множество народу, в сущности, не представляет, что такое Высокая церковь и Низкая церковь, не понимает, в чем разница даже в их обиходе, не говоря уж об исторических и философских концепциях, которые стоят за каждым из направлений”.

Помимо модернизации и обмирщения жизни, о которых скорбит отец Браун, у ошибки афериста есть и другие объективные причины: среди больших христианских конфессий англиканство — едва ли не самая запутанная, неоднородная и противоречивая.

ОТ ГЕНРИХА VIII ДО РЕСТАВРАЦИИ

В первой трети XVI века ряд политических, династических и личных факторов сподвигли английского короля Генриха VIII на разрыв с Римом. Формальным поводом для этого стал отказ Папы Римского Климента VII расторгнуть брак короля с Екатериной Арагонской: у короля до сих пор не было сына-наследника, и, не желая оставлять династию Тюдоров в неустойчивом состоянии, он хотел родить преемника от своей фаворитки Анны Болейн. Но ситуация была намного сложнее: на континенте уже бушевали волны протестантской Реформации, и среди советников короля хватало как убежденных папистов, так и тех, кто

симпатизировал Мартину Лютеру. Поскольку католическая церковь традиционно была важнейшей политической и финансовой силой, Генрих VIII в первую очередь стремился устранить те церковные порядки, которые мешали его собственной власти. Чтобы добиться этого, король применил самый прямолинейный способ: он лично возглавил церковь Англии и в своих владениях стал, по сути дела, английским Папой. Он не мог совершать церковные таинства, но кадровой и финансовой политикой церкви распоряжался полновластно. Все монастыри были распущены, а их владения переданы в собственность короны.

Генрих VIII

В течение нескольких следующих десятилетий церковная история Англии была весьма бурной. Дочь Генриха VIII и Екатерины Арагонской Мария I восстановила в Англии католицизм и сожгла на костре множество протестантов, за что заслужила прозвище “кровавая Мэри”. После ее смерти трон заняла дочь Генриха VIII и Анны Болейн Елизавета; католическая церковь не при-

знавала ее законной наследницей, и молодой королеве пришлось приложить серьезные усилия для того, чтобы организовать национальную церковь, по возможности не нажив себе смертельных врагов ни в условно-католическом, ни в условно-протестантском стане. Ей это удалось: так называемое Елизаветинское религиозное урегулирование (*Elizabethan Religious Settlement*) подвело итог первой главе английской Реформации и заложило основы той весьма специфической конфессии, которая впоследствии стала называться англиканством. С государственной точки зрения костяк урегулирования обеспечили два законодательных акта 1558 г.: Акт о верховности (*Act of Supremacy*), подтверждавший статус монарха как Верховного управляющего (*Supreme Governor*) церкви, и Акт о единообразии (*Act of Uniformity*), который обязывал каждого подданного короны ходить в церковь хотя бы по воскресеньям под страхом существенного штрафа и утверждал обязательный для всех молитвенник — “Книгу общей молитвы” (*Book of Common Prayer*).

В середине XVI века английская церковь почти вслепую нащупывала свой мировоззренческий фундамент. В это время было составлено несколько взаимоисключающих наборов догм. Зачастую их протестантский радикализм диктовался политическими соображениями — в частности, необходимостью союза с германскими правителями континентальной Европы. Наконец, в 1563 г. были приняты 39 статей англиканского вероисповедания, составленные тогдашним архиепископом Кентерберийским Томасом Кранмером. Они стали главным вероучительным документом

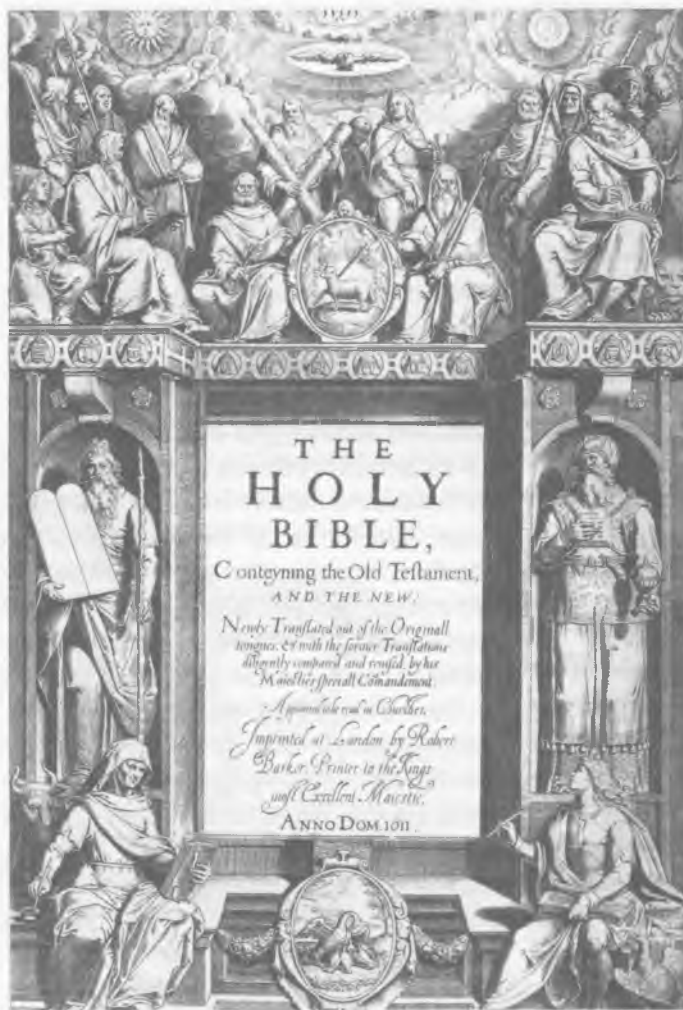
Томас Кранмер

Церкви Англии и сохраняют эту роль по сей день. Характерно, что 39 статей были приняты решением парламента.

Англиканство почти официально называет себя “средним путем” (латыни *via media*); под этим подразумевается, что Церковь Англии не впадает в крайности, характерные как для католицизма, так и для протестантизма. В реальности, конечно, английская церковь на протяжении всей своей истории постоянно колеблется между двумя этими крайностями, что приводило ко множеству внутренних противоречий, расколов, течений, споров, догматических и обрядовых проблем на каждом уровне и на каждом этапе. Некоторые сложности касались самых базовых догматических разногласий между Римом и протестантами, например вопроса о пресуществлении (когда во время церковной службы хлеб и вино превращаются в тело и кровь Христовы, происходит ли это на са-

мом деле или только символически?) или вопроса об оправдании (нужны ли для оправдания грешников Богом добрые дела или достаточно одной лишь веры?). Другие, как это часто бывает, возникали из-за обрядовых мелочей, например из-за использования комжи (*surplice*) — белого облачения с длинными рукавами; в зависимости от того, надевали священники такую рубашку во время службы или нет, делались выводы о том, истинную или ложную религию исповедуют в данной церкви. Из-за деталей обряда разные течения англиканства бились между собой даже чаще, чем из-за догматических противоречий, потому что в установительных церковных документах формулировки опасных мест (например, о пресуществлении) были намеренно уклончивыми.

После смерти Елизаветы, которая умерла бездетной девицей, английский престол занял шотландский король Иаков VI (в Англии до этого королей Иаковок не было, и он сменил порядковый номер на I). Иаков, человек пылкий и образованный, был впечатлен тонким равновесием между государственной и церковной властью, которое он обнаружил в Англии. Он старался продолжать политику “среднего пути”, сложившуюся при Елизавете, но это не всегда было легко. Протестанты-пуритане требовали радикально упростить обряды и избавиться от епископов. Иаков настоял на сохранении *status quo*, но одного важного успеха пуритане все же добились: было принято решение о новом, авторизованном (то есть официально одобренном) английском переводе Священного Писания. Этот монументальный труд был выполнен в сжатые сроки, так что на-

Фронтиспис первого издания Библии короля Иакова, 1611 г.

Карл I унаследовал от отца как склонность к традиционному, ритуализованному англиканству, так и запутанный клубок государственно-религиозных проблем. Теология при нем расцвела: поколение ученых мужей, известных как Каролинские богословы (*Caroline Divines*), продолжало утверждать “средний путь” не как компромисс, а как наиболее верное выражение христианского духа. Самым известным в их плеяде был архиепископ Кентерберийский Уильям Лауд, апологет Высокой церкви; протестанты считали его орудием дьявола и ненавидели. В “Деревенском вампире” мошен-

начо XVII века — время Библии короля Иакова и Шекспира — можно считать временем рождения современного английского языка.

К католикам Иаков относился без враждебности и даже лелеял планы женить своего сына Карла на испанской инфанте. После попытки очередного католического теракта, известного как “Пороховой заговор”, он принял ряд антикатолических мер, но до конца жизни терпел в своем ближайшем окружении тайных католиков.

ник пытается представить себя “образцовым пастором, тори, приверженцем Высокой церкви в духе замшелых канонов архиепископа Лауда”. Религиозные разногласия не были главной причиной разгоревшейся гражданской войны, но масла в огонь они подлили; когда парламент предъявил королю “Великий протест”, Лауд был осужден за измену, заточен в Тауэре и позже обезглавлен. Спустя несколько лет та же участь постигла и самого Карла I.

С момента реставрации английской монархии и до наших дней ритуальная и организационная преемственность Церкви Англии фактически не прерывалась, но количество различных течений и фракций внутри нее по-прежнему оставалось значительным.

ВЫСОКАЯ, НИЗКАЯ, ШИРОКАЯ

Сообщество, в совокупности называющее себя Церковью Англии, делится на несколько течений, которые частично пересекаются между собой, а сами разделы проходят по разным плоскостям. В результате картина получается крайне сложной — неудивительно, что бедный мошенник-актер запутался.

Одна граница делит прихожан на приверженцев Высокой и Низкой церкви. В Высокой церкви (*High Church*) сопротивляются модернизации, чтут обряды, дорожат тесной связью церкви и государства; приверженцы Высокой церкви предпочитают богато украшенные церкви, музыку, орган. С догматической точки зрения их взгляды выражены в трудах Каролинских богословов (“замшелые каноны архиепископа Лауда”); с политической точки зрения они консерваторы-тори. Отдельную проблему для человека со стороны представляет изменчивость этого термина (и почти всей прочей англиканской терминологии): в частности, до 1830-х гг. и после выражение “Высокая церковь” значило разное (об этом чуть позже).

Низкая церковь (*Low Church*, изначально — уничижительный термин) объединяет прихожан, которые подчеркивают протестантское наследие Церкви Англии. Они склонны к боль-

шей свободе в ритуале и обрядности, большей строгости в убранстве церквей и более буквальному толкованию Писания. Многие представители Низкой церкви считают себя выразителями истинного духа англиканства и подчеркивают свою приверженность 39 статьям.

Идейные разногласия Высокой и Низкой церкви пытается сгладить Широкая церковь (*Broad Church*), представители которой любят напоминать о “среднем пути”, восходящем, как минимум, ко временам Елизаветы I. Само название “Широкая церковь” им не нравится, потому что намекает на еще одну группировку, почти секту — в то время как им хотелось бы стать объединителями и примирителями.

В 1830-е гг. ряд шагов правительства, направленных на некоторую либерализацию общественной и религиозной жизни, вызвал резкую реакцию некоторых представителей Высокой церкви. Большинство из них были связаны с Оксфордом, особенно с тогдашним центром интеллектуальной жизни университета, колледжем Ориэл, и выражали свои взгляды в форме трактатов. Поэтому их деятельность получила название Оксфордское движение (*Oxford Movement*), а самих их иногда называли трактарианцами (*Tractarians*).

Трактарианцы считали, что англиканская церковь, наряду с православной и римско-католической, является одной из трех “ветвей” общей “кафолической” (апостольской) церкви. В ритуальной и архитектурной практике они ратовали за возвращение к средневековым канонам, считая, что современная церковь чересчур опростилась. В этом они добились полного успеха: с 1840 по 1900 г. около 7000 английских

Джон Генри Ньюмен.

Портрет работы Джорджа Ричмонда, 1844 г.

церквей (подавляющее большинство) были восстановлены или перестроены в средневековом духе — точнее, в духе викторианского представления о Средневековье. Почти все церкви, которые можно увидеть сегодня в английской глубинке, выглядят так, как выглядят, в результате “средневекового возрождения” викторианских времен. В области догматики оксфордцы указывали на тесную связь англиканства с традиционным католичеством. В нашумевшем 90-м трактате один из вождей Оксфордского движения священник Джон Генри Ньюмен утверждал, что 39 англиканских статей не противоречат римско-католическому вероучению.

Последователей Оксфордского движения со временем стали называть англо-католиками (*Anglo-Catholics*), и

сейчас этот термин в значительной степени совпадает с понятием “Высокая церковь”. Между тем многие трактарианцы сделали следующий логический шаг и перешли в католичество; самым известным из них был тот же Ньюмен, получивший к концу жизни сан кардинала. В 2010 г. Папа Римский Бенедикт XVI объявил о его беатификации. Пример оксфордцев подвиг многих позднейших представителей английской интеллектуальной и культурной элиты на обращение в католичество; среди них — Г. К. Честертон и его близкие друзья Хилэр Беллок и Рональд Нокс (который был священником — сначала англиканским, а потом католическим).

В сфере догматики и обрядности англо-католикам противостояло движение, условно и весьма расшири-

Попытка перевести церковь на новые рельсы. “Панч”, 1879 г.

тельно называемое евангельским (*Evangelicals*). В религиозной теории “евангельский” противостоит “апостольскому”: католическая и Высокая англиканская церковь подчеркивают идею Апостольского преемства, согласно которой все епископы принимают эстафету духовного пастырства, восходящую по прямой линии к Христу и апостолам, а протестанты и приверженцы Низкой церкви делают упор на авторитет Писания и соблюдение требований Библии; одно движение опирается на иерархию, другое — на учение. Евангелисты начали активно проповедовать свои взгляды раньше, чем оксфордцы, — в XVIII веке. Одним из их главных идеологов был проповедник и теолог Джон Весли. Он тоже учился в Оксфорде; вместе с группой единомышленников он стал устраи-

вать религиозные собрания и стремиться к методичному порядку и святости в повседневной жизни. За это их издевательски прозвали методистами — но Весли, как это часто бывает, принял кличку с гордостью, и она стала официальным названием нового течения. Евангелисты и методисты настаивали на необходимости личного религиозного обращения, личного общения с Богом, внимательного и благочестивого изучения Библии. Обрядовая сторона их интересовала мало; основным инструментом распространения религиозных знаний для методистов была проповедь, которую нередко читали не с амвона, а в любых подходящих условиях, в том числе под открытым небом. Методисты активно участвовали в миссионерской деятельности, сопряжен-

Воскресная проповедь

ной с колонизаторским напором властей, и поэтому в бывших британских колониях, включая США, англиканство методистского толка распространено едва ли не шире, чем в Англии.

Борьба фракций внутри Церкви Англии продолжалась и в поздневикторианские времена, и в XX веке. С особой страстью противники накидывались на мелочи. Следует ли писать перед именем святого St. или просто S? Можно ли украшать алтарь цветами? Можно ли использовать в церкви ладан и прочие благовония? Можно ли ставить на алтарь свечи и зажигать их, и если да, то в какой момент? Англо-католики настаивали на усложненной, тщательно продуманной церковной службе (*High Mass*), использовали четки, отмечали этапы Крестного пути, становились на колени; евангелисты издевались над ними и предупреждали об опасности папизма. (Лжесвященник у Честертона требует чтить день воскресный, как евангелист-пуританин, а дома держит распятие, как англо-католик.) Отдельную группу англо-католиков составляли эстеты-романтики, близкие к префаэлитам и таким идеологам культа красоты, как Уильям Моррис и Джон Рескин; для них эстетическая составляющая религии была не менее важна, чем духовная, и противники называли их движение “религией Британского музея”.

В межвоенную эпоху англо-католицизм стал доминирующим течением в Церкви Англии. На Англо-католических конгрессах 1920-х гг., которые пользовались огромной популярностью, тон задавал харизматический архиепископ Занзибара Фрэнк Уэстон. Он шокировал публику как своими речами в за-

щиту дарохранительницы (*tabernacle*) — священного сосуда для хранения Святых Даров, то есть тела и крови Христовой, — так и своим политическим радикализмом: “Вы не смеете утверждать, что чтите Иисуса в дарохранительнице, если вы не соболезнаете Иисусу в трущобе”. Однако после смерти Уэстона в 1924 г. у движения не нашлось ярких лидеров, и англо-католицизм стал постепенно уступать под напором евангелистов. В 1927–1928 гг. попытка модифицировать “Книгу общей молитвы” в духе умеренного англо-католицизма встретила яростное сопротивление и в конце концов была отвергнута парламентом.

ВИКАРИИ, КАНОНИКИ, ЕПИСКОПЫ

В рассказе Э. К. Бентли “Настоящий табар” служанка священника строго поправляет гостей, когда они спрашивают, дома ли викарий. “Каноник, сэр, — отвечала девушка, особо подчеркивая сан, — вернулся два дня назад”. Каноник (*canon*) — обычно член капитула (*chapter*), управляющего органа собора или соборной церкви, то есть более важная персона, чем простой викарий. Это тоже простительная ошибка, и даже не только для американцев, как в рассказе. Церковь Англии не обладает по-военному строгой структурой, как римско-католическая, но и не представляет собой бесконечное число деноминаций и сект, как протестантские церкви. На этом “среднем пути” немудрено заблудиться.

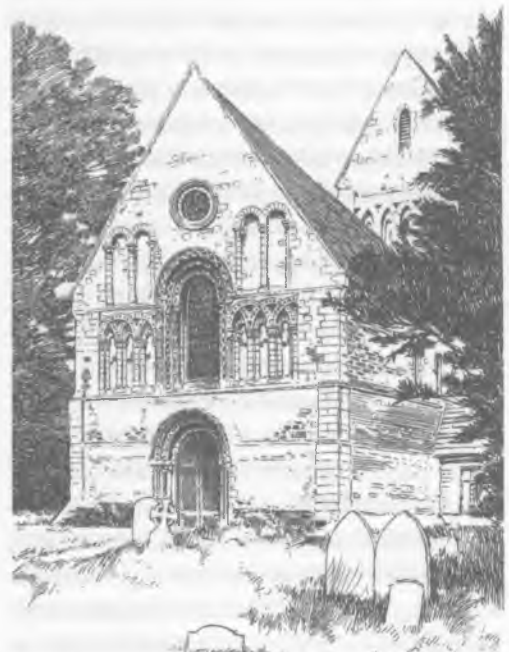
Во-первых, термины “Церковь Англии” и “англиканская церковь” нетожд-

дественны. Церковь Англии (*Church of England*) — это официальная христианская церковь Англии; поскольку она является порождением государственной воли Генриха VIII, она до определенной степени является государственной: монарх по-прежнему ее официально возглавляет, самостоятельность в литургических вопросах она получила только в 1974 г., а премьер-министр может заблокировать назначение епископов и сейчас. Единой англиканской церкви с общей юрисдикцией не существует — есть каноническое единство национальных англиканских церквей, для которых Церковь Англии является “материнской”. Это единство называется Англиканским сообществом (*Anglican Communion*) и включает ряд национальных церквей, из которых какие-то официально называются англиканскими (как в Канаде), а какие-то нет. Докматическую основу Англиканского сообщества в самом концентрированном виде символизирует так называемый “Чикагско-Ламбетский Четырехугольник” (*Chicago-Lambeth Quadrilateral*) 1888 г.: Священное Писание как основа для спасения, Символы Веры как достаточное выражение христианского вероисповедания, таинства крещения и причастия и историческая традиция епископства (которая в разных церквях может проявляться по-разному).

При этом в Шотландии доминирующее положение занимает пресвитерианская (протестантская) Церковь Шотландии, которая, в отличие от Церкви Англии, отделена от государства, а англиканская церковь Уэльса перестала быть официальной составной частью Церкви Англии в 1920 г., оставаясь в лоне Англиканского сообщества. На

фоне относительно лояльных взаимоотношений между англиканской и католической церквями может вызвать недоумение тридцатилетний религиозный конфликт в Северной Ирландии, отголоски которого не стихают до сих пор. Дело в том, что ирландские “унионисты”, сторонники британской короны, принадлежат не к англиканской Церкви Ирландии, а к Пресвитерианской церкви Ирландии, исторически связанной не с Англией, а с Шотландией. А между католиками и протестантами конфликтов всегда хватало.

Базовой единицей структурной иерархии Церкви Англии является приход (*parish*), в котором живет и работает приходской священник. Священник обычно называется викарием (*vicar*) или ректором (*rector*) — истори-

Приходская
церковь в Норфолке.
Рис. Гордона Хоума

чески разница заключалась в том, из каких средств складывался его доход. Несколько приходов образуют деканат (*deanery*), во главе которого стоит декан (*dean*); поскольку университеты выросли из монашеских школ, университетские администраторы тоже называются деканами. Глава оксфордского колледжа Крайст-Черч одновременно возглавляет оксфордский кафедральный собор и поэтому называется деканом; как всякого декана кафедрального собора, на должность его назначают королевским указом. Несколько деканатов образуют архидеканат под началом архидиакона (*archdeacon*). Следующий уровень — диоцез (*diocese*; в православном обиходе этому соответствует епархия) во главе с епископом (*bishop*). Диоцезы объединяются в церковные провинции (*province*) во главе с архиепископом. Таких провинций внутри Церкви Англии всего две: Провинция Кентербери и Провинция Йорка. Традиционно старшим из двух архиепископов считается архиепископ Кентерберийский: он возглавляет Церковь Англии и — символически — Англиканское сообщество, хотя официально главой церкви остается британский монарх. Нынешний архиепископ Кентерберийский, Роуэн Уильямс, — первый со времен Генриха VIII, кто был избран на эту должность не из рядов Церкви Англии: валлиец по национальности, он был архиепископом Уэльса. А нынешний архиепископ Йоркский — Джон Сентаму, уроженец Уганды. Не только Англиканское сообщество, но и Церковь Англии в строгом терминологическом смысле в наши дни становится все более многообразной и многонациональной.

В. СОНЬКИН

МОДА НА АРХЕОЛОГИЮ

В этом собрании рассказов встречаются два персонажа, свихнувшиеся на археологии: специалист по финикийцам, пытающийся раскопать курган в английской глубинке (“Длинный курган”), и зловещий египтолог, бальзамирующий заживо студента по древнеегипетскому рецепту (“Пропавший студент”). Археологические мотивы можно встретить во многих детективах начала XX века, и это не случайно. Сенсационные находки начала 1920-х гг. пробудили необычайный интерес к раскопкам и древним культурам.

СТАНОВЛЕНИЕ АРХЕОЛОГИИ

Тот род занятий, что мы сегодня называем археологией, долгое время сводился к разграблению гробниц и бессистемному собиранию древностей. Древность при этом ценилась весьма высоко: классические языки и античная литература составляли основу всей британской образовательной системы, а джентльмен, закончивший университет, был просто обязан отправиться в Большой тур (*The Grand Tour*) — поездку по континенту, кульминацией которой было прибытие в Рим и знакомство с памятниками Вечного города.

В конце XVIII века исторические обстоятельства изменились. В неаполитанских владениях династии Бурбонов были обнаружены древние города, похороненные под пеплом и лавой

Англичане в Италии.

"Панч", 1913 г.

Везувия. Раскопки Геркуланума и Помпей стали одной из первых попыток использования инженерных методов и учета найденного материала, а сам сюжет — мгновенная катастрофическая гибель нескольких городов — вызвал всплеск интереса к античности. В 1830-е гг. картина русского художника Карла Брюллова "Последний день Помпеи" удостоилась восторгов всей Европы, а читающая публика не выпускала из рук одноименный роман английского писателя Эдварда Бульвер-Литтона.

Наполеоновские войны и кратковременная оккупация Папской области французами прервали традицию Большого тура, которая больше не восстановилась в прежнем виде. Зато Наполеон взял с собой в египетский поход сотни ученых мужей и художников, которые в кратчайшие сроки собрали гигантский описательный и иллюстративный материал (второе издание вышло в 37 томах). Этот труд, под названием "Описание Египта" (*Description de*

l'Égypte), впервые продемонстрировал европейцам монументы и сокровища загадочной страны. Тогда же была найдена уникальная двуязычная надпись (Розеттский камень) с текстом царского указа на древнеегипетском языке (иероглифами и упрощенным письмом) и на древнегреческом; в результате превратностей военного времени памятник оказался в руках у англичан и до сих пор стоит на почетном месте в Британском музее. Несмотря на сложные отношения между европейскими державами, надпись на Розеттском камне была доступна исследователям любой национальности, и в результате одновременных (хотя и не совместных) усилий англичанина Томаса Юнга и француза Жана-Франсуа Шампольона к 1820-м гг. египетские иероглифы были наконец расшифрованы.

Одновременно с открытием Египта англичанам стала доступнее Греция, до того считавшаяся опасной турецкой окраиной Европы. Еще в 1730-е гг.

несколько джентльменов, побывавших в Большом туре, создали так называемое Общество дилетантов для изучения древностей; писатель Хорас Уолпол говорил, что формальным требованием для членства в обществе было посещение Италии, а настоящим — непрерывное пьянство; несмотря на легкомысленный подход, “дилетанты” организовали ряд археологических экспедиций в Грецию и опубликовали результаты в труде “Ионийские древности”, оказавшем огромное влияние на британский неоклассицизм в архитектуре, моде и изобразительном искусстве.

Большая политическая игра Британской империи на Востоке сопровождалась изучением исчезнувших цивилизаций. Британские консулы, атташе и шпионы (как, впрочем, и французские и русские) часто по совместительству были филологами, историками и собирателями древностей. Так, английский резидент в Кандагаре, сэр Генри Роулинсон, первым прочитал ассирийско-авиловские клинописные надписи и по праву считается одним из основателей ассириологии.

Ближневосточные студии XIX века в значительной степени были направлены на подтверждение правоты библейских текстов и сказаний. В этом контексте одно из самых выдающихся открытий сделал Джордж Смит, гравер-самоучка, протеже Роулинсона, работавший над разбором клинописных табличек в Британском музее. Однажды, расчищая халдейскую надпись, он вдруг вскочил и стал бегать по комнате, срывая с себя одежду. Оказалось, что он наткнулся на описание великого потопа, явно связанное с библейской

легендой о Ное — но более древнее и из независимого источника (сейчас мы знаем, что этот текст — часть эпоса о Гильгамеше). Резонанс открытия был так силен, что газета “Дейли телеграф” немедленно предложила профинансировать путешествие Смита на Восток с целью найти недостающие таблички — и эта казавшаяся невозможной миссия была им блистательно выполнена. В 1872 г. Смит читал свой перевод сказания о потопе перед аудиторией, включавшей тогдашнего премьер-министра Уильяма Гладстона (который и сам был выдающимся филологом-классиком, автором обширного труда о поэтическом языке Гомера).

Постепенный переход от авантюристов и политиков, увлеченных древностями, к профессиональным археологам совершался на протяжении всего XIX века. Его проще всего проследить на примере египтологии. В начале столетия тон задавали люди вроде Джованни Бельцони. Бельцони бежал из континентальной Европы в Англию, чтобы спастись от тюрьмы, и некоторое время работал цирковым силачом; потом отправился путешествовать по южной Европе и странам Леванта и по совету британского консула в Египте Генри Солта (тоже, конечно, ученого-любителя) стал заниматься вывозом египетских древностей из Фив (сейчас это место называют Луксором). Знаменитая статуя Рамзеса II (“Молодой Мемнон”) в Британском музее — это добыча Бельцони, который ценой недюжинной инженерной смекалки сумел подтащить ее к Нилу и погрузить на баржу.

Яркий представитель следующего поколения английских египтологов — сэр Флиндерс Питри. Уже в восьми-

летнем возрасте он возмущался тем, как грубо и неаккуратно ведутся раскопки римской виллы на острове Уайт. Разработанная им система сериации (установления последовательности артефактов) и запись мельчайших деталей, которые раньше нисколько не занимали умы кладоискателей, используются в археологии до сих пор. Среди его находок — так называемая “стела Мернептаха”, где фараон хвастается победами над разными “народами моря”, в том числе над народом “И-си-ри-ар”; прочитав эту надпись, Питри воскликнул “это же Израиль!” и добавил, что “преподобные будут в восторге” (имеется в виду — от такого подтверждения библейских преданий).

Питри стал первым профессором египетской археологии и филологии в Англии и выучил многих будущих исследователей. Одним из его учеников был молодой художник Говард Картер, постепенно перешедший от зарисовок египетских фресок и артефактов к полноценной археологической работе.

ПРОКЛЯТИЕ ФАРАОНОВ

В начале XX века Египтом заинтересовался английский аристократ Джордж Герберт, граф Карнарвон. Лорд Карнарвон больше всего на свете любил быструю езду, поэтому разводил скако-

Лорд Карнарвон

вых лошадей и увлекался новомодными средствами передвижения; в 1901 г. в Германии он попал в серьезную автомобильную аварию, подорвавшую его здоровье. Узнав о его интересе к Египту, французский ученый Гастон Масперо свел Карнарвона с Картером в надежде, что профессионализм последнего будет хорошо сочетаться с порывистым характером первого. Многолетние раскопки (с перерывом на Первую мировую войну) не принесли никаких сенсационных результатов, и в 1922 г. лорд Карнарвон объявил Картеру, что этот сезон будет последним.

4 ноября 1922 г. рабочие Картера обнаружили ступени, ведущие к гробнице; Картер вызвал Карнарвона на место раскопок и при стечении народа

проделал крошечную дырочку в двери. Сквозь нее удалось разглядеть множество удивительных предметов; стало ясно, что найдена уникальная неразграбленная гробница. Подготовка к ее вскрытию продолжалась несколько месяцев и подогревалась сенсационными заявлениями в прессе. 16 февраля 1923 г. гробница была вскрыта; многочисленных журналистов заставили томиться в своих гостиницах, и на площадке присутствовал только молодой Генри В. Мортон, будущий классик литературы о дальних странах; его корреспонденции в газете “Дейли экспресс” превратили Картера и лорда Карнарвона в знаменитостей мирового масштаба. Гробница Тутанхамона, юного фараона XVIII династии, оказа-

лась наиболее богатой из всех когда-либо обнаруженных гробниц древнего Египта и по праву считается самым выдающимся археологическим открытием XX века.

В апреле 1923 г. 56-летний лорд Карнарвон умер в каирской гостинице “Савой”; этот факт, равно как и скорая смерть еще нескольких связанных с раскопками людей, породил устойчивые слухи о “проклятии фараонов”, якобы поражающем каждого, кто тревожит покой древних правителей. Популярности этой теме добавил большой любитель всего потустороннего сэр Артур Конан Дойл, который предположил, что египетские жрецы могли поместить в гробницу “составляющие”, способные убить осквернителей праха, или

Говард Картер

Тутанхамон на Даунинг-стрит
(возле резиденции премьер-министра):
"То, что нужно, — здесь гораздо спокойнее,
чем у меня в гробнице". "Панч", 1923 г.

что образовавшаяся в под-
земелье плесень оказалась
смертельной для людей.
Впрочем, далеко не всех
участников вскрытия гроб-
ницы настигла стремитель-
ная месть мумии: Картер
умер в 1939 г. (от лимфомы,
в Лондоне), а Г. В. Мортон —
в 1979-м.

Впечатление, произве-
денное на широкую публику
сокровищами Тутанхамона и
другими египетскими древ-
ностями, было столь значи-
тельно, что на протяжении
долгого времени египетская
тема не сходила со страниц
газет и журналов, в моде
были наряды и украшения
в египетском стиле (причем
не только на сценах мюзик-
холлов), в загородных домах

устраиались тематические египетские
вечеринки. Это увлечение продолжа-
лось весь межвоенный период и не
вполне угасло после Второй мировой; в
детективном жанре оно особенно ярко
выразилось в творчестве Агаты Кристи,
что было связано с некоторыми личны-
ми обстоятельствами ее жизни.

После развода с первым мужем Ага-
та Кристи отправилась путешествовать
на Восток и участвовала в качестве го-
стя в археологической экспедиции сэра
Леонарда Вулли, который раскапывал
шумерский город Ур (эта поездка по-
служила материалом для романа "Убий-
ство в Месопотамии"). Там она позна-
комилась с ассистентом Вулли Максом
Маллоуэном и очень скоро вышла за
него замуж. Маллоуэн впоследствии и

Недавние находки в Луксоре существенно
повлияли на нашу моду. "Дейли экспресс", 1923 г.

Агата Кристи и Макс Маллоуэн перед отъездом в экспедицию на Восток, 1933 г.

сам стал одним из ведущих специалистов по ближневосточной археологии. Его заслуги перед наукой были отмечены избранием в члены оксфордского колледжа Олл-Соулз и рыцарским званием — редкий случай, когда муж и жена стали сэром и кавалерственной дамой за независимые заслуги.

Агата Кристи часто ездила в экспедиции вместе с мужем и помогала на раскопках; об этом она написала небольшую книжку воспоминаний «Скажи, как ты живешь» (1946). В 1944 г. она опубликовала свой единственный детектив, действие которого происходит не в XX веке, — это роман «Смерть приходит в конце», посвященный загадочным убийствам в доме египетского жреца Имхотепа. Сюжет детектива основан на «папирусах Хеканахта» — подлинных древнеегипетских письмах XX века до н. э.

Межвоенная эпоха была отмечена многими археологическими и филологическими достижениями: супруги Мэри и Луис Лики работали в ущелье Олдувай в Восточной Африке, все глубже проникая в тайну происхождения человека; сэр Фредерик Кэньон изучал древневосточные папирусы и толковал их связь с Библией; сэр Артур Эванс продолжал разрабатывать свою теорию минойской цивилизации с центром на Крите (после Второй мировой войны молодой архитектор и филолог-самоучка Майкл Вентрис частично ее опровергнет); Михаил Иванович Ростовцев возглавлял экспедиции Йельского университета на раскопках уникального города Дур-Европос в сирийской пустыне; британский подданный Аурел Стейн, по происхождению — венгерский еврей, обнаружил в глубинах Восточной Азии следы исчезнувшего индоевропейского

народа, условно названного тохарами; В. Гордон Чайлд изучал шотландское местечко Скара-Брей — лучше всего сохранившееся неолитическое поселение в Европе. Но самое большое впечатление на публику произвела все-таки гробница Тутанхамона.

А. АЗОВ, А. БОРИСЕНКО

МЕДИЦИНА

Медицинская среда не устает производить на свет писателей, в том числе — работающих в детективном жанре. Врачом-офтальмологом был Артур Конан Дойл — и его Шерлок Холмс создан по образу университетского преподавателя Конан Дойла, доктора Джозефа Белла. Из писателей, вошедших в нашу антологию, врачами были Остин Фримен, Дэвид Винзер и Джозефина Белл. Герои их тоже зачастую врачи: у Фримена это доктор Торндайк, у Белл — доктор Дэвид Уинtringем. Врач Роберт Юстас прославился как соавтор и консультант: он сотрудничал с такими выдающимися авторами, как Л. Т. Мид, Эдгар Жепсон и Дороти Сэйерс. Агата Кристи почерпнула немало полезной информации о ле-

карствах и ядах, работая в провизорской во время Первой мировой войны.

Любопытно, что практически все медицинские манипуляции, о которых мы читаем в книгах того периода, происходят дома у пациента (исключение составляют некоторые произведения Джозефины Белл). Дело в том, что в Англии среди всех сословий закрепилось стойкое недоверие к больнице — считалось, что там тебя либо обдерут как липку, либо угробят. А может быть, и то и другое. Рассказ Джозефины Белл, вошедший в этот сборник, только подтверждает опасения такого рода.

Врач и рассказчик:
Конан Дойл навещает
раненых. "Иллюстрированный
Лондон ньюс", 1900 г.

ОБЩЕЕ СОСТОЯНИЕ МЕДИЦИНЫ

В XIX веке медицина совершила резкий рывок вперед — можно даже сказать, родилась заново. У Артура Конан Дойла есть рассказ “Отстал от века” (*Behind the Times*), в котором действует старик врач, чья молодость пришлось еще на первую половину столетия: по его взглядам видно, как быстро развивалась медицина и как далеко она шагнула за время жизни одного человека. Для этого старика врача медицина — скорее милосердное искусство, чем наука: он кое-как смирился с вакцинацией (которая стала активно внедряться в начале XIX века), недоверчиво относится к простейшим диагностическим

инструментам (например, к появившемуся в 1810-х гг. стетоскопу), опасается хлороформного наркоза (вошедшего в медицинскую практику на рубеже 1840–1850-х гг.) и не верит ни в эволюционную теорию Дарвина (первое издание “Происхождения видов...” вышло в 1859 г.), ни в микробную теорию заразных болезней (достижение 1860–1870-х гг.).

Наркоз и учение о микробной природе инфекционных болезней — это, пожалуй, самые важные медицинские открытия XIX века: благодаря им далеко вперед продвинулась хирургия. Наркоз дал хирургу возможность выполнять обширные полостные операции, не опасаясь погубить больного болевым шоком,

Первая операция под наркозом, 1846 г. Художник Роберт Хинкли

а учение о микробах и сопутствующее ему учение о профилактике заражения операционных ран — асептика и антисептика — резко снизили смертность от послеоперационных нагноений. Другой крупнейший теоретический прорыв века: клеточная теория Шванна и Шлейдена и приложение ее к медицине Рудольфом Вирховом — навсегда изменил облик патологоанатома, который с тех пор стал неразлучен с микроскопом и превратился в главного эксперта по механизмам развития болезней.

Добавим сюда перетряску медицинского образования в XIX веке, после чего оно приняло вполне современный вид; добавим происшедшее на рубеже веков открытие рентгеновских лучей и групп крови, добавим сформировавшуюся психиатрию и неврологию — и вот сложившаяся к началу межвоенной эпохи медицина становится уже совсем похожа на современную. Хирургия, конечно, по своим возможностям стоит далеко впереди — настолько, что самые смелые мечты о пересадке органов уже начинают казаться не столь отдаленными от действительности. Терапия медленно ее догоняет, обогащаясь все более и более эффективными лекарствами. Правда, общественное положение терапевта оставалось по старинке выше, чем у хирурга: он ведь, по устоявшемуся мнению, работает головой, а хирург — руками; но об этом впереди.

Межвоенный период, в свою очередь, обогатил медицину несколькими важными достижениями. В начале двадцатых был открыт инсулин и появилась возможность лечить сахарный диабет первого типа, прежде убивавший больных детей за один-два года. Резонанс этого открытия был настолько ве-

лик, что уже в 1923 г. канадца Фредрика Бантинга и шотландца Джона Маклауда наградили за него Нобелевской премией. Кроме того, в межвоенные годы произошла настоящая революция в борьбе с инфекционными заболеваниями. Еще до Первой мировой появился первый эффективный противосифилитический препарат — сальварсан, и если в литературе XIX века попадаются персонажи с поздней стадией сифилиса: у Конан Дойла в рассказе “Третье поколение” (*The Third Generation*) это молодой баронет с врожденным сифилисом, у Кипплинга в рассказе “Бабыя погибель” (*Love-o'-Women*) — солдат со спинной сухоткой, то есть третичным сифилисом, у Ибсена такие персонажи встречаются в нескольких пьесах, — то теперь такие больные практически исчезают из литературы: сифилис вылечивают на ранних стадиях (пожалуй, самое яркое исключение — Адриан Леверкюн в “Докторе Фаустусе” Томаса Манна). В 1928 г. шотландец Александр Флеминг открыл пенициллин — чрезвычайно эффективный на то время антибактериальный препарат, массовое производство которого удалось наладить лишь к началу 1940-х. А в 1930-х появились другие противомикробные средства — сульфаниламиды. Таким образом, врачи получили мощное оружие для борьбы с пневмониями, менингитами, туберкулезом, родильной горячкой (послеродовым сепсисом) и другими смертельно опасными заболеваниями, а позднее, во время Второй мировой войны, — и с гнойными раневыми инфекциями.

Самые поздние рассказы в нашей антологии датированы 1950 г. Пройдет еще всего три года, и в свет выйдет

статья Джеймса Уотсона и Фрэнсиса Крика о структуре молекулы ДНК, знаменующая собой новую веху в развитии медицины. Но это уже совсем другая история.

ВРАЧИ, ХИРУРГИ, АПТЕКАРИ

В рассказе “Старик в окне” молодой врач говорит: “Понимаете, я не терапевт. Я хирург. Конечно, терапию я изучал, но это не мое призвание. В лекарствах я не разбираюсь”. В рассказе “Дом в Гоблинском лесу” другой молодой врач постоянно повторяет: “Меня не нужно называть доктором. Ведь я хирург”.

Дело в том, что к середине XIX века существовала четкая социальная структура, которая делила членов медицинской профессии на три группы, принадлежащие, соответственно, к Королевской коллегии терапевтов (*The Royal College of Physicians*), Королевской коллегии хирургов (*The Royal College of Surgeons*) и Обществу аптекеров (*The Society of Apothecaries*). Врач-терапевт делал “чистую” работу — осматривал больного и прописывал лекарства (“джентльмен не режет джентльмена”); он мог стоять достаточно высоко на социальной лестнице, часто был выпускником Оксфорда или Кембриджа; экзамен в Королевской коллегии терапевтов проходил на латыни. К врачам обращались только богатые пациенты; к слугам вызывали аптекаря. Аптекарь не только готовил лекарства по указанию врача, но мог сам давать медицинские советы — это было разрешено специальным Законом об аптекарях 1815 г. В глубинке статус

аптекаря был не ниже статуса врача: в рассказе Честертона “Деревенский вампир” доктор Малборо говорит о своих пациентах: “Они признают право на существование обычного доктора, такого, как я, — ведь кто-то должен помогать аптекарю”. К хирургу обращались представители всех социальных слоев, когда нужно было сделать операцию, вправить вывих, перевязать рану. Хирург работал руками, что было недостойно джентльмена; его работа, как и работа аптекаря, считалась ремеслом, обучались ей тоже как ремеслу — в учениках у специалиста. В давние времена обязанности хирурга выполнял цирюльник.

К концу XIX века упорядочилось медицинское образование, появились врачи общей практики (*general*

Доктор, вы уверены, что это инородное тело?
“Панч”, 1920-е гг.

practitioners), которые сочетали умение работать руками со знанием лекарств. Социальная грань между терапевтами и хирургами к XX веку в большой степени стерлась; престиж хирурга во время войны был чрезвычайно высок. И все-таки профессиональное разделение оставалось ощутимым: хирурга по-прежнему называли не “доктор”, а “мистер”.

ЖЕНЩИНЫ В МЕДИЦИНЕ

Традиция отводила женщине в медицине две роли: акушерки и медицинской сестры. С давних времен медицинскими сестрами были монахини: их доброта, внимание и нежное обхождение должны были облегчить страдания больного, — но в XIX веке положение стало меняться: медсестра превращалась постепенно в помощницу врача, ее работа становилась все более светской, диктовалась достижениями науки и специальным сестринским образованием; религиозная составляющая отступила на второй план. Появление сестринского образования связывают с именем Флоренс Найтингейл. Шла Крымская война — первая война с постоянными газетными репортажами с места событий, сопровождаемыми фотографиями и рисунками. Узнав из этих сообщений о почти полном отсутствии медицинских сестер в британской армии, Найтингейл с группой женщин отправилась в прифронтовые госпитали. Вернувшись с войны народной героиней, она в 1860 г. основала школу медицинских сестер при больнице Святого Фомы в Лондоне. Так в Англии война создала профессию медсестры. Позднее, в эпоху развенча-

ния викторианских мифов, вспомнили, что Найтингейл была на самом деле отнюдь не тем ангелом во плоти, какой ее принято было живописать: вспомнили и о ее деспотичном характере, и о страшной требовательности к другим, и о нетерпимости к чужому мнению, и о женоненавистничестве. Отголосок этого слышится в рассказе Джозефины Белл “Смерть в больничной палате”, где об убитой старшей медсестре говорят: “Бедная старая ведьма. Ужасно обращалась с подчиненными — что поделаешь, так их учили, старая школа. Да и характер у нее был соответствующий. Но прекрасная медсестра”.

С началом Первой мировой войны огромное количество девушек записалось в отряды добровольной по-

Отряд добровольной помощи

Врач. Вы умеете делать инъекции?
Сестра (в прошлом — актриса
театра "Фриволитэ").
А как же! Каждый вечер
делала смертельный укол
премьер-министру
во втором акте.

"Панч", 1916 г.

мощи (*voluntary aid detachments*, сокращенно *VADs*). Они работали на заводах, производивших боеприпасы, шили обмундирование, водили автомобили — но больше всего среди них было медсестер. Добровольцам не платили за работу, но возмещали расходы на жилье, питание, форму и тому подобное. Сестры сами нашивали красный крест на белые передники, поэтому кресты были разного размера и оттенка. Некоторые специально застирывали свой крест, чтобы казаться более бывалыми и опытными. Профессиональные сестры в госпиталях относились к добровольным помощницам настороженно и нещадно их муштровали — это очень ярко описала Вера Бриттен в книге "Заветы юности" (*Testament of Youth*). Над ними постоянно подшучивал вездесущий "Панч" — либо подчеркивая их никчемность, либо намекая, что девушки пришли в госпиталь с единственной целью подцепить жениха. Сами профессиональные медсестры, кивая на необученных девушек, решительно заявляли, что профессия медсестры должна регулироваться общенациональными стандартами. В результате после войны сестринское дело как медицинская профессия окончательно отделилось от

простой "заботы о больных". В 1920-е гг. ввели обязательное профессиональное обучение и регистрацию медсестер, а с 1925 г. — государственные экзамены.

С середины XIX века женщины начали бороться за право получать высшее медицинское образование: довольствоваться лишь ролями акушерки или медсестры они больше не хотели. Борьба эта приняла характер настоящей подковерной войны, с тактическими хитростями с обеих сторон. Когда женщин еще не принимали на медицинские факультеты, Элизабет Блэквелл ухитрилась поступить в малоизвестный медицинский колледж в Соединенных Штатах и, вернувшись в 1859 г. в Англию с дипломом врача, стала первой женщиной, зарегистрированной в Британском медицинском реестре, после чего тут же было принято постановление не вносить в реестр никого с иностранными дипломами. Вдохновленная ее примером, Элизабет Гаррет (которая сказала знаменитую фразу, что хочет стать врачом, чтобы "зарабатывать не двадцать фунтов в год, а тысячу") получила степень лицензиата Аптекарского

Элизабет Блэквелл

общества, дававшую право на диплом врача, — Аптекарское общество тут же потребовало, чтобы будущие лиценциаты непременно имели диплом выпускника аккредитованного медицинского факультета, лишая других женщин возможности пойти таким же путем. А тем временем со страниц журнала “Ланцет” лезли утверждения, что женщина, предназначенная природой на роль жены и матери, физически не способна быть врачом, что ей нельзя доверять жизнь другого человека и что тяжкий врачебный быт, с которым героически справляются отважные мужчины, вреден для нее и для ее будущих детей. “Не могу

себе представить порядочную женщину, которая хотела бы заниматься медициной, — сказал своей студентке профессор Лэйкок из Эдинбургского университета в 1869 г. — А уж для леди об этом и речи быть не может”.

Войну эту традиционалисты, конечно, проиграли. В 1874 г. появилось Лондонское женское медицинское училище — первое учебное заведение в Англии, где стали готовить женщин-врачей. В 1876 г. в парламенте был принят закон, разрешающий британским университетам давать выпускникам дипломы. Постепенно во всех медицинских специальностях стали появляться женщины-врачи, хотя даже в межвоенный период некоторое предубеждение против них все еще сохранялось. Достаточно сказать, что до 1950 г. женщины на военно-медицинской службе не могли получать офицерские звания,

Эскулапы в юбках:
обучение женщин-врачей
в Америке. “Иллюстриред
Лондон ньюс”, 1907 г.

что до 1944 г. сохранялись медицинские факультеты, куда принимали либо только юношей, либо только девушек, и что даже на тех факультетах, где велось совместное обучение, допустимое количество девушек иногда ограничивали одной третью от общего числа студентов.

ПРЕСТУПНИК С МЕДИЦИНСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Издавна ведутся споры о том, что такое преступление — вина человека или его беда? По собственному ли злomu умыслу действует преступник, или им движет какая-то болезнь? Добр человек по природе или рождается злым? Или когда как? К последнему варианту в середине XIX века склонялся итальянец Чезаре Ломброзо — человек обширнейших интересов: судебный медик, психиатр и основатель нового научного направления, которое он назвал криминальной антропологией. По мнению Ломброзо (если представить его в упрощенном виде), иногда человек действительно рождается злым. Тяга к преступлению присутствует в таком человеке уже с рождения и представляет собой атавизм, то есть черту, доставшуюся по наследству от прошлых этапов эволюции человека. Этот психический атавизм, продолжает рассуждать Ломброзо, сопровождается и атавистическими чертами внешности, напоминающими черты первобытных людей или человекообразных обезьян; таким образом, с помощью антропометрических измерений можно распознать преступника.

Теория Ломброзо была встречена в Европе очень холодно, особенно в медицинских кругах. Тем инте-

1. Trocôcéphale vic'ateur, de Ravenne.

2. Voleur milanais, condamné 13 fois.

*Ломброзо: физические черты,
присущие преступникам*

реснее услышать родственные нотки в рассуждениях уже знакомой нам писательницы-врача Джозефины Белл. В книге «Беседы о преступлениях» (*Crime in Good Company*), рассчитанной на ценителей детективов, помещена ее статья «Преступник с точки зрения врача: психопатология преступления», где она рассматривает нервные и психические расстройства, способные толкать человека на пре-

ступления. Помимо предсказуемых расстройств: шизофрения, паранойя, маниакально-депрессивный психоз, алкоголизм, наркомания, горячный бред — в обзоре Белл встречаются такие неожиданные болезни, как истерия (преступление ради того, чтобы обратили внимание) или сахарный диабет (сильное снижение уровня сахара в крови после укола инсулина нарушает поведение и вызывает агрессивность). Это группа приобретенных расстройств, но интереснее группа расстройств врожденных. В нее вошла умственная отсталость ("среди тех, кто не столь тяжело болен, попадают те несчастные, но крайне опасные создания, которыми владеет совершенно необоснованная и неуправляемая атавистическая жажда убивать без всякого мотива" — тут так и слышится Ломброзо). Сюда же, по классификации Белл, попали так называемые половые извращения: садизм, гомосексуализм, сатириаз. Но особенно интересно третье расстройство из этой группы — врожденное отсутствие совести. Белл называет это нравственной неполноценностью, или нравственной отсталостью (*moral deficiency* — по аналогии с умственной отсталостью, *mental deficiency*), то есть, на языке современных психиатров, одной из форм психопатии. Этим расстройством Белл наделила убийцу в рассказе "Смерть в больничной палате". Заканчивая наш очерк, приведем описание нравственной отсталости, какой ее представляла себе Белл:

Полное отсутствие всякой нравственности у человека, в остальном совершенно психически здорового, встречается очень редко. Но именно среди

таких людей попадают расчетливые и хладнокровные убийцы, планирующие свое преступление ради выгоды — часто ужасающе жалкой в сравнении с тяжестью преступления. Классический пример убийцы такого рода — Смит, известный по "Делу невест в ванной".* Он женился на женщинах с небольшими сбережениями на банковском счету, страховал их жизнь, топил в их же ванне, а после "несчастливого случая" получал страховку и сбережения. Он настолько точно повторял свой метод, что третье его убийство было замечено: слишком невозможным казалось такое совпадение. Его осудили и приговорили к повешению. Интересно здесь то, что он и раньше должен был привлечь внимание врачей и, может, даже привлекал, но не подпадал ни под один известный медицине диагноз. Мальчиком Смит с бессердечным постоянством крал деньги у своей едва сводящей концы с концами семьи, примечая, куда мать прячет тяжело заработанную плату за жилье. Он сидел в тюрьме для малолетних, пока не вышел из соответствующего возраста. Он был вполне умен и совершенно способен честно зарабатывать себе на жизнь, но работать он не хотел, а хотел денег и ради них готов был на все. Как ни воспитывали его — ничто не помогало; сомневаюсь, что и новейшие сегодняшние методы, и даже сам премудрый мистер Ливард** смогли бы как-то на него повлиять. В природе всегда случаются ошибки — и среди растений, и среди животных, и среди людей. Я

* Подробнее о нем см. раздел "Детектив и громкие преступления века" на стр. 685–687.

** Джордж Ливард (1894–1973) — английский педагог, педиатр и психоаналитик, занимавшийся воспитанием трудных детей.

считаю, Смит и ему подобные лишены при рождении стадного инстинкта — очень важной части человеческого наследия. Они не способны принимать законы общежития; они отрицают любые ограничения — не только личной свободы, но и дозволенных прав. Они целиком сосредоточены на себе, но не в том смысле, что замкнуты в себе, как психически больные, а в том, что рассматривают других как свою законную добычу в мире, управляемом по закону джунглей, где они охотятся в одиночку и ощущают себя царями.

А. БОРИСЕНКО

МОРСКИЕ КУПАНИЯ

Главной интригой английской пляжной жизни в течение многих лет оставалось переодевание. Европейские же курорты всегда поражали англичан свободой нравов. Два рассказа Агаты Кристи, включенные в эту антологию, знакомят нас с английским морским курортом средней руки в 1920-е гг. и с отелем на острове Родос, принимающим состоятельных англичан в 1930-е.

В начале XX века в Англии произошли большие перемены: появились совместные пляжи и палатки-раздевалки, были упразднены громоздкие купальные машины, существенно изменились требования к купальным костюмам женщин. Однако англичане еще долго не могли забыть свое недавнее прошлое.

Агата Кристи, выросшая в приморском городе Торки, вспоминает в «Автобиографии»:

На пляже было восемь купальных машин на попечении древнего старика, отличавшегося непредсказуемым нравом, — его работа заключалась в том, чтобы непрерывно перемещать машины вверх и вниз. Вы заходили в свою купальню, раскрашенную в веселую полосочку, тщательно запирали обе двери и начинали осторожно раздеваться — в любую минуту старик мог решить, что настала ваша очередь быть спущенным в воду. Тогда кабину начинало бешено раскачивать и она со скрипом и скрежетом продвигалась вниз по камням, швыряя вас из стороны в сторону. Ощущение было очень похоже на то, что испытываешь в наши дни, пересекая каменистую часть пустыни на «джипе» или «лендровере». Останавливалась купальная машина так же внезапно, как и стартовала. После этого можно было продолжить переодевание и облачиться наконец в купальный костюм. Обычно это было весьма неприглядное одеяние, сшитое из темно-синей или черной альпаки, с многочисленными юбками, оборками и складками, которые спускались ниже колен; рукава должны были закрывать локти. Затем, в полном обмундировании, можно было отпереть дверь со стороны моря.

"Панч", 1870 г.

КУПАЛЬНИ НА КОЛЕСАХ

Увлечение морским отдыхом началось в Англии на заре XVIII века — врачи уверовали, что морская вода является панацеей и лечит от всех недугов, а особенно от подагры, и прохладные воды английского побережья приняли первых купальщиков (вначале большинство людей не умели плавать и просто плескались на мелководье).

К середине XVIII века на английских берегах появились довольно причудливые приспособления, которым суждено было на долгие годы стать неотъемлемой частью английской курортной жизни, — купальные машины. Это были деревянные домики на колесах, которые втаскивали в море лошади (иногда кабины опускались в воду при помощи веревок — это зависело от рельефа). Они решали двойную задачу: позволяли сохранять благопристойность и облегчали

вход в воду инвалидам, приехавшим на лечение. При купальной машине часто работали особые служители или служительницы — «окунальщики» (*dippers*).

Изначально купания были времяпровождением состоятельных людей — в том числе и английских монархов. Для Георга III была выстроена специальная купальная машина с пирамидальной

"Панч", 1886 г.

крышей и королевским гербом; королева Виктория, которая наслаждалась морскими купаниями на острове Уайт, также имела собственную купальную машину с серебряной отделкой и ватерклозетом.

Постепенно отдых у моря становился все более доступным для средних классов, чему немало способствовало распространение железных дорог. Английские курорты развивались: появилась специфическая приморская архитектура — променады вдоль набережной, пирсы, развлекательные парки и павильоны, концертные площадки и т. п. Вдоль моря выстраивались роскошные отели “с видом”, подальше находились пансионаты.

В 60-е годы XIX века был принят закон о раздельном купании мужчин и женщин. Мужчины на своих отдельных пляжах нередко купались обнаженными, женщины погружались в воду в крайне громоздких и неудобных одеяниях. Было запрещено входить в воду иначе, чем из купальных машин, так что морские купания оставались недешевым удовольствием. Кроме того, нужно было долго ждать своей очереди (как мы видим из рассказа “Изумруд раджи”, очереди остались неизменным атрибутом приморского отдыха и тогда, когда купальные машины вышли из обращения).

Купальные машины неоднократно упоминаются в художественной литературе — так, у Льюиса Кэрролла “пристрастие к купальным машинам” — один из основных признаков загадочного Снарка, а Алиса считает, что на море все всегда устроено одинаково: купальные машины в море, малыши с деревянными лопатками на берегу,

дальше — пансионаты и железнодорожная станция.

Это ощущение однообразия посещения и героя рассказа “Голубая улика”:

Он знал, куда поедет на две недели в сентябре: куда-нибудь в Маргит, Богнор или Кромер. Какая разница. Повсюду одно и то же: причал, разноцветные фонари и съемные комнаты, где к концу первой недели радушие хозяев заметно ослабевает.

С изменениями пляжных обычаев купальные машины использовались все меньше, и им на смену пришли другие приморские сооружения.

КУПАЛЬНИ БЕЗ КОЛЕС, ПАЛАТКИ И БУНГАЛО

Сначала появились палатки. Они пришли с континента и постепенно стали отвоевывать пространство у купальных машин. Палатки были различной раскраски и формы: полосатые или однотонные, прямоугольные или сделанные в виде шатров, по образцу армейских. Их можно было арендовать на день, на неделю или на сезон. Натянута на деревянный каркас стационарная палатка с запирающейся дверью представляла собой промежуточную форму — нечто среднее между палаткой и домиком.

В переходный период в начале XX века палатки и купальные машины существовали параллельно — каждый мог следовать своим предпочтениям. В Великобритании не каждый решался пройти по берегу в купальном костюме, поэтому палатки иногда ставились на колеса, а иногда поверх купаль-

ного костюма надевался просторный плащ-макинтош, который снимали только у воды — эта мода тоже пришла из Франции и называлась “макинтошным купанием”.

Поскольку купальная машина, в сущности, представляла собой деревянную кабинку для переодевания, поставленную на колеса, то ничего не стоило снять ее с колес и продолжать использовать по назначению. Внутри обычно находилась скамья, крючки для одежды, иногда — столик и зеркало. В самой купальне обычно было довольно темно, зато снаружи она обыкновенно была раскрашена в яркую полоску. Купальни стали очень популярны — в них можно было не только переодеваться и хранить вещи, но и, например, приготовить чай и легкий ленч. Благодаря купальне семья могла провести на пляже весь день с относительным комфортом. С годами ценность этой собственности только росла — сегодня “пляжный домик” на каком-либо из английских курортов стоит десятки тысяч фунтов.

Еще один вид приморских сооружений назывался бунгало. Первые бун-

гало, построенные по образцу индийских домиков, появились в 1870-х гг. в Кенте, само экзотическое слово имело артистический привкус. Такие романтические прибежища у моря строили себе состоятельные представители богемы. Впоследствии это заманчивое название стали использовать муниципалитеты, ставящие ряды маленьких домиков у моря для сдачи в аренду, и вскоре слово стало обозначать множество самых разных приморских построек. Не всегда можно различить “пляжный домик”, “бунгало”, “шале” — иногда употребление того или иного названия варьируется от местности к местности. Поэтому трудно с уверенностью сказать, какие именно “бунгало” упоминаются в “Изумруде раджи” — это может быть буквально все, что угодно.

“Панч”, 1920 г.

НОВЫЕ ВЕЯНИЯ

Кампания за совместное купание мужчин и женщин началась еще в конце XIX века, но продвигалась поначалу медленно. На континенте — например, во Франции — нравы были куда более свободными. Когда совместное купание наконец разрешили на нескольких курортах, всем пришлось надевать на себя еще больше одежды: мужчины больше не могли плавать нагишом, а женщинам приходилось натягивать чулки.

К счастью, врачи открыли целебное воздействие солнца. Если в XVIII и XIX веках люди приезжали на море, чтобы купаться и “дышать озоном”, то в 1920–1930-е гг. они хотели еще и загорать. Теперь панацеей считалось солнце — в том числе лекарством от туберкулеза. Именно благодаря этому новому медицинскому веянию громоздкие купальные наряды отошли в прошлое — теперь полагалось подставить целебным лучам как можно больше обнаженного тела. Бледная кожа пере-

стала восприниматься как признак аристократизма, женщины больше не скрывали лица под шляпами. За этой новой модой недоверчиво наблюдает Пуаро в “Родосском треугольнике” — и, конечно, “Панч” тоже не преминул отметить всеобщую одержимость загаром.

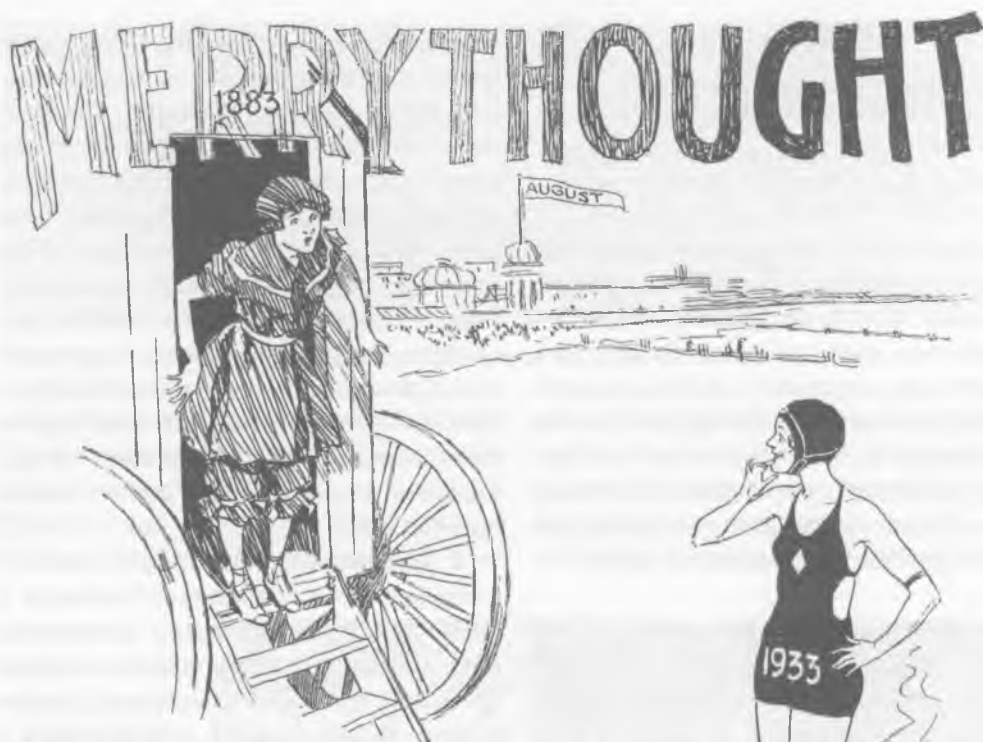
Такое раскрепощение неминуемо вело к тому, что люди все меньше пользовались платными сооружениями для переодевания — будь то палатки или купальни. Несмотря на отчаянное сопротивление местных властей, платный доступ в море, начавшийся с купальных машин, был обречен. Наступила настоящая пляжная свобода.

Купальные машины, впрочем, были все еще живы в памяти (а кое-где и использовались) — как видно из карикатур, напечатанных в журнале “Пирсонс” за 1933 г., женщины продолжали радоваться своей изменившейся участи.

Еще одно изменение касалось социального состава курортников — теперь на английских курортах было гораздо боль-

Не волнуйся, дорогая!
Через пару дней
у тебя будет
вполне приличный
вид! “Панч”, 1936 г.

"Пирсонс", 1933 г.

ше представителей рабочего класса, мелких служащих, домашних слуг и пр. Этому способствовал и послевоенный рост благосостояния, и появление оплачиваемого отпуска. Нередко семьям приходилось весь год копить на отдых, но все по возможности старались ездить на море. Кроме того, развитие автомобилизма позволяло многим приезжать к морю на день-другой. Английские курорты — Истбурн, Брайтон, Гастингс, Блэкпул и др. — необычайно разрослись.

Среди людей более состоятельных после Первой мировой войны возник настоящий бум заграничных поездок. Во время войны передвижения были ограничены, но в двадцатые и тридцатые годы люди много путешествовали и часто предпочитали отдых в Европе, где вода была теплее, а нравы свободнее.

Большой популярностью пользовались морские круизы и отдых на островах. Впрочем, даже в путешествиях англичане всегда предпочитали держаться вместе — селиться группами в одних и тех же пансионах и гостиницах. Многие детективные рассказы Золотого века используют круизные лайнеры или "английские" пансионы и отели за границей в качестве места действия. Ограниченная группа подозреваемых, которая вынуждена находиться в изолированном пространстве, представляет собой идеальную завязку для герметичного детектива.

А. БОРИСЕНКО

ТРАНСПОРТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

После войны в Англии активно развивались новые виды транспорта. Лондонское метро стало расширяться — появились длинные линии, уходящие в пригороды. Появились удобные карты метро, расписания, проездные билеты. Наземное железнодорожное сообщение, наоборот, переживало трудные дни из-за слишком активной конкуренции с другими видами транспорта.

Реклама метро

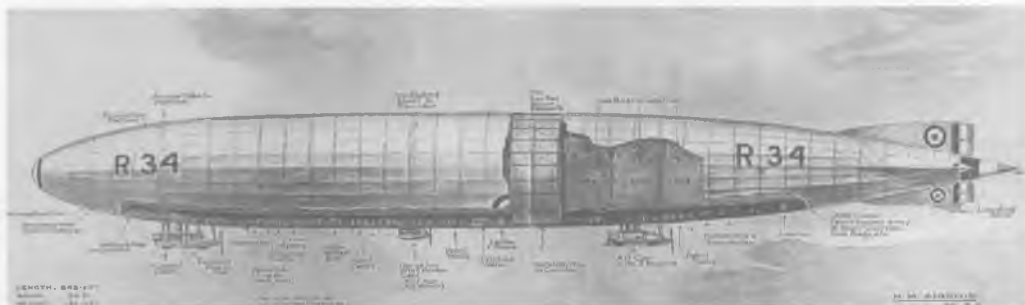
Маршруты автобусов тоже удлинялись, развивалось междугороднее автобусное сообщение. Правда, на двухэтажных автобусах вплоть до 1920-х гг. не разрешали устанавливать крышу — считалось, что в случае аварии крыша может упасть на людей и покатечить их, так что сидящим наверху пассажирам приходилось терпеть все капризы английской погоды. По улицам городов ходили трамваи и троллейбусы; оставался в ходу и конный транспорт — вплоть до 1930-х гг. почти все товары, включая уголь и молоко, доставлялись на повозках.

В межвоенную эпоху страна пережила бум велосипедов и мотоциклов — семьи, которые не могли позволить себе автомобиль, покупали мотоцикл с коляской. Кроме того, мотоцикл разрешалось водить с 14 лет, а автомобиль — только с 16.

Что до воздушного транспорта, то существовали огромные дирижабли, которые предназначались для пассажирских перелетов и были устроены как роскошные океанские лайнеры, с ресторанами, комнатами отдыха, комфортабельными каютами и т. д.

Газета “Иллюстрейтед Лондон ньюс” рекламировала их как “летающие отели”. В Англии их слава пошла на убыль, когда в 1930 г. дирижабль R-101 потерпел страшную аварию: большая часть пассажиров погибла, включая министра авиации лорда Томсона. Окончательно звезда дирижаблей закатилась в 1937 г., когда при посадке в Нью-Джерси взорвался самый большой в мире немецкий пассажирский дирижабль-лайнер “Гинденбург”.

Впрочем, уже в двадцатые годы было ясно, что будущее — за аэро-

Первый трансатлантический авиалайнер R 34

планами. Регулярные международные рейсы между Лондоном и Парижем были запущены в 1919 г., к 1924 г. британские авиакомпании успели обслужить 35 000 пассажиров. Вме-

сте с обыкновенными аэропланами в межвоенное время на пассажирских линиях британских авиакомпаний использовались “летающие лодки” — самолеты с корпусом наподобие кора-

Летающий отель R101. Курительная комната, каюта и променад

Пешеход. Не убивай меня!
Я иду покупать машину —
я скоро буду на твоей стороне!
"Панч", 1928 г.

К 1927 г. на дорогах Британии ежедневно погибало около 14 человек. В 1930 г. в авариях погибло 7 тыс. человек, еще 15 тыс. были ранены. Однако отношение правительства к этой новой опасности было удивительно спокойным — один из членов парламента даже

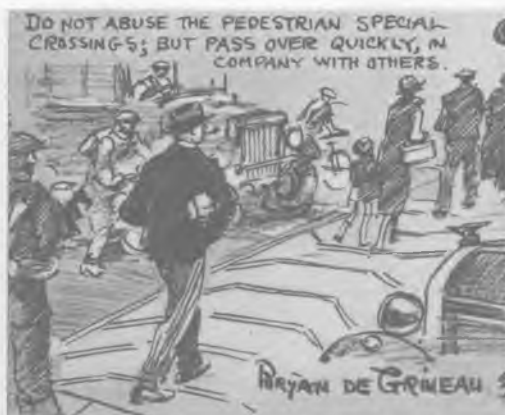
заявил, что не видит смысла обсуждать подобную тему: "Более 6 тысяч человек ежегодно совершают самоубийства, — заметил он, — никто же не поднимает шум по этому поводу". Возможно, дело было в том, что вначале автомобили воспринимались не столько как способ передвижения, сколько как опасный спорт — что-то вроде охоты или скачек. Свернул шею? Не повезло.

Четких правил движения не существовало, водители игнорировали ограничения скорости, хотя дороги были совершенно не приспособлены для гонок: автомобилиста повсюду подстерегали пригорки, овраги, крутые повороты, нерегулируемые железнодорожные переезды и т. д.

Не было и установленной судебной практики. С одной стороны, деревенские судьи, ненавидевшие автомобилистов, часто штрафовали их за любую мелочь, с другой — водитель, как правило, не нес никакой серьезной ответственности за гибель пешехода, это считалось несчастным случаем.

Железнодорожный переезд

По законодательству, принятому в 1903 г., машины должны были иметь номерные знаки, а владельцы — ежегодно обновляемую лицензию. Но до 1930 г. не существовало экзамена по вождению — купив машину, можно было садиться в нее и ехать куда глаза глядят. Агата Кристи вспоминает, как вынуждена была везти мужа на работу, еще не умея разворачиваться, — из-за Всеобщей стачки не ходил транспорт. Муж развернул машину, и она поехала обратно домой.

В 1926–1928 гг. в Лондоне стали устанавливать светофоры и организовывать круговые развязки; по всей стране постепенно унифицировали дорожные знаки. Уже в это время автомобилистам были хорошо знакомы такие трудности, как пробки, отсутствие парковочных мест и полицейские заставы на дорогах. Впрочем, созданная в 1905 г. Ассоциация автомобилистов активно сопротивлялась такой тактике полицейских: специальные патрули предупреждали автомобилистов об опасности. Эта организация вообще последовательно препятствовала любым попыткам хоть в чем-то ущемить права водителей. Только в 1934 г. у

нее появился достойный противник — новый министр транспорта Лесли Хор-Белиша твердо решил провести серьезные реформы. Прежде всего он установил мигающие желтые фонари, обозначавшие пешеходный переход (черно-белую зебру стали рисовать позже) — эти фонари в народе называли “маяки Белиши”. Кроме того, он ввел ограничение скорости в населенных пунктах — 30 миль в час, а в 1935 г. все-таки заставил автомобилистов сдавать экзамен. Увы, несмотря на все его усилия, существенно снизить смертность на дорогах не удалось.

В основном британцы покупали отечественные автомобили. Американские машины оказались в невыгодном положении из-за пошлин на импорт, а также за счет большой мощности: в Британии автовладельцы платили налог в зависимости от количества лошадиных сил. К 1920 г. на британских дорогах было около 200 тыс. частных автомобилей, к 1939 г. — 2 миллиона. В середине двадцатых годов существенно упали цены; машину можно было купить за 200–300 фунтов. Состоятельные клиенты по-прежнему выбирали “роллс-ройсы” и “бентли”, королевская

Опасности дорожного движения.
"Иллюстейтед Лондон ньюс",
1934 г.

семья и лорд Питер Уимзи ездили на "даймлере", но две трети продаж на автомобильном рынке приходилось на продукцию Уильяма Морриса и Генри Остина — потому что они ориентировались на массового покупателя. Невероятной популярностью (особенно во время депрессии) пользовались так называемые "народные автомобили" — маленькие, с небольшим расходом топлива, доступные по цене: "моррис-майнор", "остин-севен", маленький "форд-У" ("форд" выдерживал конкуренцию с британскими автомобилями за счет низкой цены; кроме того, с определенного момента "форды" стали собирать в Англии).

В 1920-е годы машина все еще воспринималась как роскошь, но уже была доступна среднему классу — врачам, юристам, архитекторам, писателям. Агата Кристи вспоминает, как муж предложил ей купить автомобиль на полученный от журнала крупный гонорар (500 фунтов) —

мысль эта вначале показалась ей совершенно дикой, ни у кого из знакомых автомобилей еще не было, но потом она с восторгом согласилась: "Я хочу признаться здесь и сейчас, что дважды за свою жизнь испытала настоящее потрясение. В первый раз — когда у меня появилась машина, мой носатый серый "моррис-коули". Во второй — когда более сорока лет спустя мне довелось ужинать с королевой в Букингемском дворце. Потому что и то и другое было сродни волшебству, в это невозможно было поверить: иметь собственную машину, ужинать с английской королевой..."

А. БЕРДИЧЕВСКИЙ

ОРУДИЯ УБИЙСТВА И ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС

Как правило, радиоприемники
не опасны для жизни.

Найо Марш, "Смерть в эфире"

При расследовании убийства одной из ключевых улики является орудие, которым оно было совершено. Без орудия труднее реконструировать события, труднее доказать вину подозреваемого в суде. Поэтому и в реальной жизни, и в литературе преступник часто скрывает орудие убийства, а следовательно, соответственно, его ищет. Таким образом, перед преступником стоит задача со следующим противоречием: с одной стороны, орудие должно быть (чтобы совершить убийство), с другой стороны, его быть не должно (чтобы следователь его не нашел). В жизни обычно принимается самое очевидное решение — использовать и выбросить, а вот в литературе авторы детективов с самой зари жанра изощряются в остроумии, сочиняя необыкновенные способы убийства и изобретая незаметные орудия. В XX веке они при этом нередко полагаются на недавние достижения технического прогресса.

ИСЧЕЗАЮЩЕЕ ОРУЖИЕ

Идеальное решение вышеупомянутого противоречия — это орудие, которое само исчезает после использования.

Оно в буквальном смысле существует в момент убийства и отсутствует после него. Изящный способ это реализовать — изменение агрегатного состояния, и в литературе неоднократно встречается ледяное оружие, которое впоследствии тает и обнаружено быть не может. В рассказе "Чайный лист" представлена еще более совершенная разновидность такого оружия: клинок из сухого льда, то есть твердого углекислого газа. Он тверже обычного льда и к тому же при комнатной температуре, не говоря уже о температуре турецкой бани, не плавится, а очень быстро испаряется. Для самоубийцы Келстерна это существенно: ему необходимо, чтобы оружие бесследно исчезло примерно за две минуты.

Твердый углекислый газ впервые наблюдался в 1834 г., когда его случайно получил французский химик Шарль Тилорье. Успешное же коммерческое его использование (для охлаждения продуктов) началось только в 1925 г., как раз когда вышел "Чайный лист". Неизвестно, знали ли об этом авторы рассказа: успеха добилась американская компания. Часто встречается утверждение, что само название "сухой лед" появилось благодаря названию компании "Драй-Айс Корпорейшен", однако на самом деле оно возникло раньше, не позднее конца XIX века.

Сам по себе процесс изготовления сухого льда несложен, и Келстерн успешно его осуществляет. Он, однако, не учитывает, что в лаборатории останется достаточно следов, по которым можно будет разгадать его замысел и даже воссоздать пропавшее орудие, отсутствие которого в данном случае должно было не спасти виновного, а погубить невиновного.

СРЕДСТВА КОММУНИКАЦИИ

Другое решение противоречия “орудие есть, но его нет” — это замаскировать орудие подо что-то другое, под невинный предмет обстановки. Для преступника орудие есть, для остальных — нет. Таких попыток в нашей антологии три. В рассказе “У телефона” замысел состоит только в том, чтобы спрятать орудие:

Звонят полицейские при этом на почту: в Великобритании почта с самого начала контролировала услуги телефонной связи и по большей части сама же их и предоставляла. Такое положение дел было в 1880 г. закреплено судебным решением о том, что телефон является телеграфом, а телефонный разговор — телеграммой (что неудивительно: даже оригинальный патент Белла называл-

Телефонируем в Америку —
революция в беспроводных сообщениях!
“Иллюстриейтед Лондон ньюс”, 1920 г.

Голос золотых труб:
радиомызыка в Олимпии.
“Иллюстриейтед Лондон ньюс”, 1923 г.

в телефонный аппарат встраивается мушкетон, который разносит голову абонента на куски при попытке ответить на звонок. Обратите внимание, что телефон уже давно не экзотика, но еще и не такая обыденная вещь, как сейчас: тот факт, что в округе недавно пропал телефонный аппарат, полиция легко устанавливает за несколько минут.

ся “Улучшение телеграфии”), а значит, телефония находится в ведении почты. Почта утратила эту роль лишь через сто с лишним лет.

В рассказе “Смерть в эфире” замысел хитрее: убийство маскируется под естественную смерть. Эта затея проваливается сразу, когда становятся видны электрические ожоги на руках убитого,

но преступник еще долго надеется, что полиция не разберется в переделанном радиоприемнике и признает причиной смерти несчастный случай.

Многие англичане разделяли страсть убитого Септимуса Тонкса к радио, хотя первые шаги нового средства коммуникации были нелегкими. Если телефон — это разновидность телеграфа, то радио сначала воспринималось как разновидность телефона и, собственно, так и называлось: “беспроводная телефония” (контролировала его опять же почта). Соответственно, и применение ему искали главным образом как телефону: обмен информацией между несколькими абонентами. Идея одностороннего вещания на большую аудиторию возникла позже. Когда началась Первая мировая война, в Англии все любительское (читай: гражданское) вещание запретили. Когда война кончилась, его вновь разрешили, и в 1920 г., после выдачи первых лицензий, на станции в Челмсфорде, принадлежавшей компании Маркони, состоялся концерт знаменитой певицы Нелли Мельба*.

Его слушала вся Европа, и эта передача считается переломной точкой: публика по-настоящему заинтересовалась радио. Тем не менее в том же 1920 г. в Великобритании вещание опять запретили на два года — по техническим причинам. Иначе обстояло дело в Америке: там ничего не запрещали и вообще регулировали вещание значительно меньше. К тому же там можно было получать доход за счет рекламы, поэтому станции стали расти как грибы. Англи-

чане, с одной стороны, завидовали, с другой — критиковали американцев за хаос в эфире (многочисленные станции мешали друг другу) и за рекламу. В итоге в феврале 1922 г. вещание возобновилось, а в октябре была основана компания Би-би-си (с 1927 г. — корпорация), которая на десятки лет сохранила монополию на радиовещание в Англии и стала крупнейшим вещательным предприятием в мире. Би-би-си быстро начала передавать концерты, радиопьесы, дебаты, прогнозы погоды и многое другое, а в 1924 г. по радио впервые выступил король. Радио стало по-настоящему массовым средством информации: для него пространство было небольшим препятствием.

Король говорит: радиообращение Георга V

Всеобщее доверие к радио позволило одному из авторов нашей антологии сыграть с англичанами злую шутку. 16 января 1926 г. священник Рональд Нокс прервал передачу о литературе XVIII века сообщением, что в Лондоне вспыхнул бунт. Описывая события, он упомянул, что Биг-Бен расстреляли из пушек, отель “Савой” сожгли и одного из министров линчевали. Время было беспокойное (всего через полгода, в мае, состоялась Всеобщая стачка), и

* Именно в ее честь знаменитый кулинар Эскофье назвал изысканный десерт “персик Мельба” (см. раздел “Столичная жизнь”, стр. 611).

сообщение прозвучало убедительно. Вечером Би-би-си выпустила в эфир опровержение, разъясняя, что это был розыгрыш, но паника улеглась не сразу. Особенно долго оставались в неведении жители провинции: снежная погода задержала доставку к ним газет.

Серьезный конкурент у радио зародился в 1930-е годы: Би-би-си начала и телевидение, впоследствии приостановленное войной.

Орудие убийства в рассказе "Человек, который любил игрушки" имеет косвенное отношение к телевидению и кино. Здесь у преступников замысел самый тонкий: убийство маскируется под самоубийство, а орудие найти практически невозможно. Взгляды полиции естественным образом прикованы к револьверу, из которого застрелился Льюис Энстоун, между тем как истинным орудием убийства, приспособлением, которое заставило его выстрелить себе в глаз, является игрушечный револьвер-"кинотеатр".

Любопытно, что во всех трех рассказах орудия убийства связаны со средствами коммуникации — одним из самых ярких достижений прогресса в XX веке.

Глава семьи. Мэри, скажите этим музыкантам, чтоб уходили! Они мешают нам слушать рождественские песни по радио! "Панч", 1925 г.

Танец на реке: новые радости радио. "Иллюстрийтед Лондон ньюс", 1923 г.

А. БОРИСЕНКО, А. ЗАВОЗОВА

ДЕТЕКТИВ И ГРОМКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ВЕКА

С самого начала существования детективного жанра писатели использовали реальные преступления как основу для своих сюжетов — так поступали Эдгар По, Чарльз Диккенс, Уилки Коллинз. Криминалистика, в свою очередь, многим обязана детективной литературе: герои Эмиля Габорио начали снимать гипсовые слепки со следов задолго до того, как этот метод взяла на вооружение французская полиция, Конан Дойл стал считать отпечаток пальца надежным свидетельством раньше, чем английское правосудие.

Авторы Золотого века несколько меньше своих предшественников увлекались тонкостями полицейского расследования, однако и их воображение будоражили громкие преступления — особенно те, где преступника не удавалось найти или его вина оставалась недоказанной. Детективный клуб в 1936 г. издал два сборника: “Анатомия убийства” и “Еще раз анатомия убийства”, в которых писатели размышляли над нераскрытыми преступлениями прошлого. Нетрудно заметить, что больше всего их привлекало супружеское убийство. Дороти Сэйерс цитирует адвоката, который говорил, что не нужно искать в таком преступлении дополнительный мотив — самого факта супружества вполне достаточно. Однако мисс Сэйерс тут же замечает, что автор детектива, в отличие от судей и присяжных, ищет не самое простое объяснение, а, наоборот, самое невероятное. Может

быть, поэтому писатели часто скептически относились к вердиктам присяжных и предлагали изобретательные альтернативные версии.

ЖЕНЩИНЫ-ВАМП И УБИТЫЕ МУЖЬЯ

Пожалуй, среди авторов, представленных в этой антологии, к судебной хронике чаще всего обращались Энтони Беркли и Джон Диксон Карр. В романе “Отравленный шоколад” Беркли использовал целых шесть реальных судебных дел. Реальными преступлениями интересовалась также и Дороти Сэйерс — в романе “Приложено к делу” она вполне сознательно делает героиню похожей на знаменитую Эдит Томпсон, приговоренную к смертной казни на одном из самых шумевших процессов начала XX века. В романе Сэйерс молодая женщина расправляется с мужем руками любовника, причем действует хладнокровно и безжалостно. В реальной жизни все было не так просто. Эдит Томпсон, скучающая домохозяйка из Илфорда, вступила в любовную связь с молодым жильцом по имени Фредди Байуотерс. Она писала ему письма, где высказывала настоятельное желание избавиться от постылого супруга. В конце концов Фредди зарезал мужа Эдит. Но не существовало никаких доказательств, что она знала о готовящемся преступлении. “Эдит Томпсон повесили женщины Англии”, — заявляет Энтони Беркли. Повесили за то, что она подрывала семейные устои, изменяла мужу и превосходила каждую из них женственностью. Это очень поэтичное объяснение, но мужчины тоже приложили руку

к казни “илфордской Месалины”, как прозвали ее газеты. Заместитель генерального прокурора солгал присяжным, что в письме к любовнику Эдит назначила ему свидание на месте будущего убийства. Ничего подобного в письмах не было, а сами письма присяжным не предоставили из соображений благопристойности: в них упоминались такие скандальные вещи, как менструация и оргазм. Против Эдит сыграло и то обстоятельство, что Фредди был моложе ее на девять лет: ей было 29, ему — всего 20. Обоих приговорили к смертной казни; после суда было собрано огромное количество подписей с требованием пересмотра дела. Тем не менее 9 января 1923 г. осужденных повесили. По всей видимости, Эдит Томпсон была беременна.

История Эдит Томпсон легла в основу нескольких детективов и биографий, о ней сняли фильм, ее могилу до сих пор показывают туристам.

В книге “Еще раз анатомия убийства” Энтони Беркли разбирает другой судебный процесс, сюжет и действующие лица которого очень напоминали дело Эдит Томпсон. Это был суд 1935 г. над миссис Раттенбери и ее молодым любовником. По мнению Беркли, подсудимая избежала виселицы только благодаря тому, что все помнили о несправедливости, допущенной по отношению к Эдит. “Если бы миссис Томп-

Суд над Эдит Томпсон и Фредериком Байуотерсом, Олд-Бейли. “Иллюстрийтед Лондон ньюс”, 1922 г.

сон не повесили, то миссис Раттенбери повесили бы наверняка”.

Решение присяжных часто зависело не столько от фактов, сколько от эмоционального отношения к подсудимому. Это прекрасно понимает героиня рассказа “Показания судьи”: “Гэмбл не раз участвовал в заседаниях уголовного суда как главный герой или же как заинтересованный зритель и прекрасно отдавал себе отчет в важности драматической паузы, каковую он и сделал, наклоняясь к барьеру трибуны и спокойно, торжествующе улыбаясь”. В рассказе “Чайный лист” прокурор пытается вос-

пользоваться “инстинктивным стремлением британских присяжных и британских судей к защите нравственности: они всегда готовы повесить человека, обвиняемого в убийстве, за аморальные отношения с противоположным полом”. Кроме того, суд был своего рода представлением, куда охотно ходила публика. Особенно любили это развлечение женщины. “Разумеется, зал суда был полон женщин — расфуфыренных и надушенных — жен пэров, букмекеров и политиков” (“Чайный лист”). Большое влияние на присяжных оказывало красноречие адвоката: “Хейзелдин всегда одерживает верх, или, по крайней мере, так кажется. А значит, на его стороне и симпатии присяжных”. Очень возможно, что прототипом Хейзелдина послужил блестящий адвокат сэр Эдвард Маршалл Холл, который в двадцатые годы находился в расцвете своей карьеры. Но в начале XX века у артистичного барристера появился серьезный соперник — компетентный эксперт.

БЕРНАРД СПИЛСБЕРИ И УБИТЫЕ ЖЕНЫ

В рассказе “Чайный лист” эксперт — профессор Мозли — выступает на стороне защиты. Однако самый известный эксперт того времени прославился тем, что отправил многих обвиняемых на виселицу. Впервые молодой патологоанатом Бернард Спилсбери привлек к себе внимание в 1910 г., когда ему довелось сыграть решающую роль в громком судебном процессе. История Криппена — американца, жившего в Лондоне, — на первый взгляд была довольно обыкновенной: муж убил постылую жену, чтобы

соединиться с любовницей. Однако в деле было много деталей, распаливших воображение публики.

Во-первых, судя по свидетельским показаниям, жена Криппена, бывшая певичка варьете, открыто изменяла мужу и всячески над ним издевалась. Роджер Шерингем (сыщик, придуманный Энтони Беркли) говорит в одном из романов, что если существовала на свете женщина, которая просто напращивалась на то, чтобы ее убили, то это была Кора Криппен. Сам же Криппен был врачом-гомеопатом, безобидным и добросердечным человеком. На суде он держался мужественно, вину свою отрицал, изо всех сил выгораживал любовницу — словом, производил приятное впечатление. Во-вторых, парочка уже отплыла на корабле в Канаду (причем любовница Криппена была переодета мальчиком), и их задержали в порту прибытия благодаря радиосвязи с кораблем, что было первым случаем такого использования радиogramмы. И в-третьих, против Криппена практически не было доказательств. Да, его жена исчезла неизвестно куда. Да, он привел в дом любовницу и отдал ей украшения жены. Да, под полом его квартиры удалось обнаружить фрагменты человеческих останков, но установить, что они принадлежали жене Криппена, не представлялось возможным (не было найдено ни головы, ни конечностей). Тут-то и вышел на сцену Бернард Спилсбери — он не только обнаружил в останках следы скополамина (сильнодействующего алкалоида), но и уверенно утверждал, что ему удалось идентифицировать шрамовую ткань в нижней части живота (в этом месте был шрам у покойной Кору Криппен). Это

свидетельство оказалось решающим — Криппен был приговорен к смертной казни и повешен.

Маршалл Холл впоследствии заявил, что если бы он защищал Криппена, то того бы отпустили или в худшем случае вменили бы ему убийство по неосторожности. По его версии, Криппен дал жене лекарство от депрессии, но не рассчитал дозу. А потом, испугавшись, расчленил и спрятал труп. Так же считал и Энтони Беркли — в 1937 г. он опубликовал заметку “Был ли Криппен убийцей?”, в которой доказывал, что если и имело место убийство, то непреднамеренное. Скополамин должен был просто усыпить Кору и тем самым дать Криппену возможность провести спокойный вечер. “Человек не может сорок восемь лет быть милым и добрым, а потом оказаться чудовищем”. Сомнения в справедливости приговора высказывал и американский автор детективов Раймонд Чандлер.

Дело Криппена вызвало огромный резонанс — о нем даже слагали стихи. Однако настоящую известность Спилсбери принес другой судебный процесс — действительно из ряда вон выходящий. Это было дело Джорджа Джозефа Смита (хотя у этого человека было много других имен), которое вошло в историю как “Дело невест в ванной” (1915 г.). Смит трижды в течение трех лет женился на дамах со

Зарисовки с процесса над Криппеном. “Скетч”, 1910 г.

средствами, после чего эти достаточно молодые и здоровые женщины оформляли страховку в его пользу, стремительно заболевали, обращались к врачу и тонули в ванной “в результате припадка”. В каждом случае проводилось дознание с вердиктом “смерть в результате несчастного случая”. Надо учесть, что ванные комнаты были далеко не во всех домах, и Смит проявлял большую настойчивость, чтобы снять именно комнаты с ванной. Поскольку в то время не существовало документов, надежно идентифицирующих личность, он проделывал все это без труда и по-

пался, в сущности, случайно. После того как в ванной утонула третья по счету жена, в газете появилась заметка, описывающая это происшествие, и хозяин квартиры, в которой утонула предыдущая жертва, написал в Скотленд-Ярд о сходстве этих двух случаев. Началось следствие, Смит предстал перед судом. По ходу дела обнаружилось еще две жены (на этот раз живых). В многоженстве сомнений не было, но убийства Смит отрицал.

На этот раз Бернард Спилсбери и Маршалл Холл встретились в зале суда, и Холл проиграл.

Бернард Спилсбери в "Галерее знаменитостей" журнала "Панч", 1928 г.

О ты, кому подсыпали нарочно
Зловещего в напиток порошка —
Покойся с миром: Спилсбери дотошный
Найдет его и у тебя в кишках.

Спилсбери провел следственный эксперимент: пловчиху погрузили в ванну с водой и резко дернули за ноги. Она моментально захлебнулась — полицейским едва удалось ее откачать. На этом Спилсбери и построил свои выводы: если бы жертвы тонули в результате припадка, смерть не была бы мгновенной, утверждал он. А гусиная кожа, обнаруженная им на останках одной из жертв, и тот факт, что женщина в момент смерти крепко сжимала в руке мыло, говорят о том, что смерть была насильственной. Кроме того, он представил замеры ванн и сложные рассуждения о том, могла ли жертва оказаться в той или иной позе в момент утопления. С точки зрения сегодняшней науки доводы Спилсбери кажутся сомнительными, но в то время они произвели большое впечатление на присяжных и существенно повысили престиж судебно-медицинской экспертизы. Нельзя не добавить, что Спилсбери прекрасно умел держать внимание публики и обладал большим личным магнетизмом. Его называли "настоящим Шерлоком Холмсом". В деле Смита старая судебная система, построенная на красноречии (Маршалл Холл), проиграла новой, "научной", которую представлял Спилсбери. Интересно, что автор триллеров Эдгар Уоллес писал репортажи об этом деле для журнала "Титбитс".

Оба эти дела и сегодня продолжают вызывать интерес самых разных людей. В 2007 г. американские исследователи провели экспертизу материала по делу Криппена и пришли к выводу, что ДНК жертвы не соответствует ДНК потомков Кору Криппен, и вообще труп принадлежал мужчине. (Надежность этого

Маршалл Холл

"Иллюстрирует Лондон ньюс", 1920 г.

Обложка книги Джейн Робинс

"Великолепный Спилсбери...", 2010 г.

исследования тут же была оспорена.) Постоянно появляются новые книги о Спилсбери и его роли в развитии криминалистики.

В 1920–1930-е гг. память об этих двух громких процессах была еще свежа — в детективной литературе отсылки к ним встречаются буквально на каждом шагу: многоженцы-убийцы у Агаты Кристи (например, в рассказах "Коттедж Соловей" и "Кровь на мостовой"), трупы женщин, спрятанные под полом (этот сюжетный элемент очень любил Рой Викерс), и, конечно, бесконечные ванны, представляющие непосредственную угрозу для жен. Интересно, что во многих рассказах такого рода женщина спасается, найдя газетные вырезки с описаниями прошлых преступлений мужа или просто проявив находчивость (а иногда даже успевает убить мужа первой). В рассказе Марджери Аллингем "Три — счастливое число" героиня объясняет, что немолодая женщина, заключившая поспешный брак, не может не насторожиться, когда муж предлагает приготовить ей ванну.

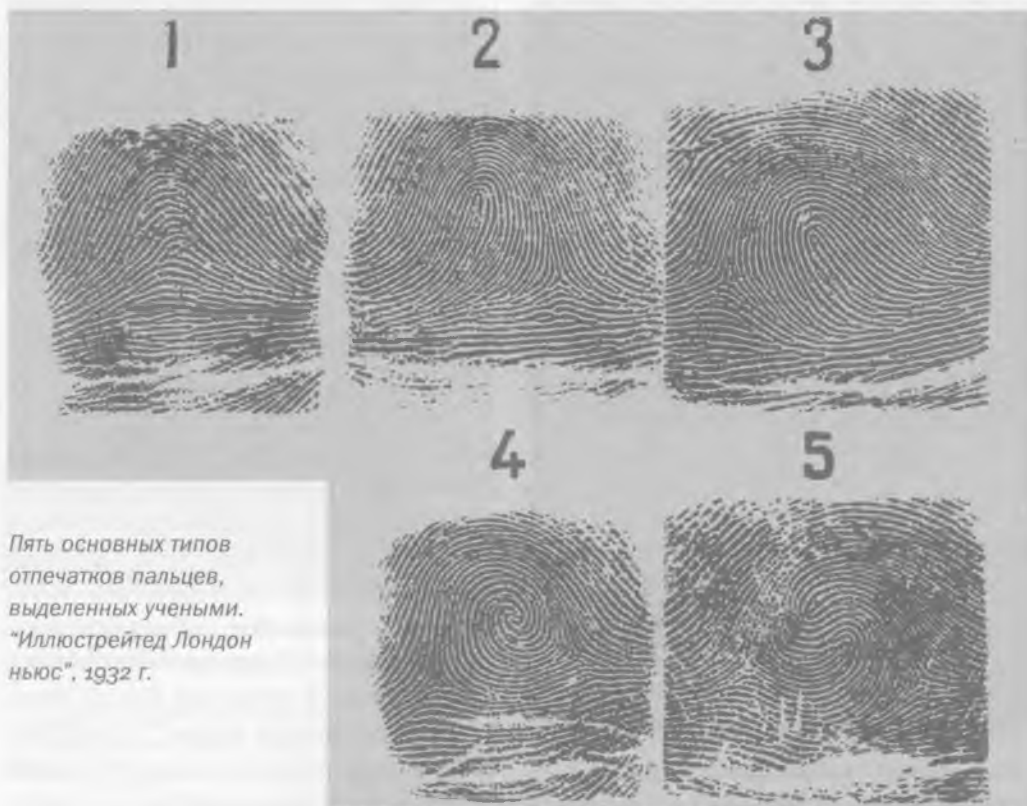
ДРАМАТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ДАКТИЛОСКОПИИ

Несмотря на громкий успех Бернарда Спилсбери, в межвоенные годы многие скептически относились к научным методам в криминалистике. Маршалл Холл говорил на процессе Смита, что все это — американские штучки, которые не следует допускать в британское правосудие. В рассказе Дж. С. Флетчера "Показания судьи" (1919) мы видим, как театральный жест торжествует над научным фактом. С самого

начала мы узнаем, что “судья Стэплтон скептически относится к теории об отпечатках пальцев” и инспектор Дикинсон — “убежденный сторонник дактилоскопии” — вовсе не уверен, что найденная им улика будет принята во внимание. Это неудивительно, поскольку в полной мере систему опознания преступников по отпечаткам пальцев в Скотленд-Ярде внедрили только после 1920 г., а до того дактилоскопия была всего лишь интересной теорией, вызывавшей сомнения из-за полной недоказуемости своего основного принципа — что у двух человек не может быть одинаковых отпечатков пальцев.

История этой системы идентификации началась достаточно давно —

в 1855 г. Именно тогда Уильям Гершель, губернатор довольно глухой местности в Бенгалии, обнаружил наконец способ заставить подрядчиков-индусов выполнять свою работу — теперь к контракту они прикладывали не только свою подпись, от которой потом можно было и отказаться, но и отпечаток ладони. Позднее, в 1873 г., в Токио английский врач Генри Фолдс, участвуя в археологических раскопках, заинтересовался древними отпечатками пальцев на керамике. Он стал снимать и изучать отпечатки пальцев у родственников и коллег, но только когда он с их помощью раскрыл преступление — кражу медицинского спирта из больничного сейфа, — то понял: так можно ловить преступников.

В 1880 г. Фолдс пишет о своем открытии в журнал "Нейчур", но ученое сообщество не проявляет никакого интереса к его статье. Откликается только Гершель — с рассказом о своем индийском опыте. Тогда Фолдс пишет письмо Дарвину с подробным описанием своих исследований, и Дарвин пересылает письмо своему кузену Френсису Гальтону. Создатель евгеники Гальтон одержим идеей доказать генетически превосходство одних людей над другими, и отпечатки пальцев кажутся ему общей человеческой "подписью", которая поможет ему в исследовании. Однако он делает первооткрывателем не Фолдса, а своего друга Гершеля, просто переставив очередность писем Гершеля и Фолдса в своем докладе, подготовленном для Королевского института. Генри Фолдс — нищий, никому не известный врач с кучей детей и долгов — будет всю жизнь пытаться доказать свое участие в этом открытии, но так и не преуспеет.

В 1894 г. сэр Эдвард Генри, старший инспектор Бенгальской полиции в Индии, начинает использовать отпечатки пальцев для идентификации преступников. Он активно переписывается с Гальтоном и, усовершенствовав его классификацию, создает собственную систему классификации отпечатков пальцев, которая и становится основной.

В том же 1894 г. английская полиция неохотно вводит в действие систему опознания преступников, основанную на сочетании бертильонажа* и снятия отпечатков пальцев, после того

как в 1892 г. в Аргентине преступника удалось изобличить исключительно по кровавому отпечатку пальца на дверном косяке. Это была сенсационная история: зверски убили детей некой Франсиски Рохас; она обвинила в преступлении своего бывшего ухажера; потом выяснилось, что у Франсиски есть еще один ухажер, который на дух не переносит ее детей, и полиция арестовала его. Но Хуан Вучетич, поклонник дактилоскопии, учредивший в полиции Бюро идентификации, обнаружил, что кровавый отпечаток принадлежит самой Франсиске Рохас.

Однако для того, чтобы система победила в Англии, нужен был английский судебный процесс. Такой процесс состоялся в 1905 г. — двух бандитов, братьев Альберта и Альфреда Страттонов, осудили за убийство пожилой пары (владельцев лавки) на основании одних только данных дактилоскопии. Известный медэксперт доктор Гарсон так ненавидел новомодную теорию, что взялся лжесвидетельствовать в пользу защиты, однако инспектору Коллинзу удалось разбить все его построения с помощью наглядной демонстрации: отпечаток пальца одного из обвиняемых в точности совпадал с отпечатком, обнаруженным на коробке с вырубкой. Братьев Страттонов приговорили к смертной казни.

Становлению системы во многом помог крах бертильонажа: в 1911 г. из Лувра похитили "Мону Лизу", причем преступник оставил полный набор отпечатков. Поскольку французская полиция пользовалась системой Бертильона, у нее не было картотеки отпечатков пальцев; картину нашли только спустя два года. Надо отметить, что в Скотленд-

* Бертильонаж — метод идентификации преступников, изобретенный Альфонсом Бертильоном и основанный на описании и измерении антропометрических параметров, которые остаются неизменными в течение всей жизни человека.

Ярде отдел дактилоскопии существовал уже с 1901 г. — изначально он состоял из трех человек и использовал систему классификации, предложенную сэром Эдвардом Генри. В двадцатые годы у Скотленд-Ярда на вооружении были разнообразные научные методы — работали эксперты, графологи (в рассказе “Образцовая подделка” графологи определяют, что подпись на чеке фальшивая), была и картотека отпечатков пальцев. В рассказе “Показания судьи” инспектор сверил найденный отпечаток с картотекой и на этом основании арестовал преступника. Но, как мы видим, этого оказалось недостаточно.

А. БОРИСЕНКО

КЛЕРИХЬЮ И ПОЭЗИЯ НОНСЕНСА

В оксфордском Мертон-колледже, где учился Эдмунд Клерихью Бентли, о нем предпочитают вспоминать не как об авторе детективов, а как об изобретателе нового стихотворного жанра — клерихью. Этот жанр, при всей своей легковесности, опирается на весьма почтенную традицию нонсенса. Старинные “песенки матушки Гусыни”, считалки, скороговорки занимают важное место в английской литературе. У Агаты Кристи есть несколько романов, которые построены на этих нелепых стишках: “Десять негрятят”, “Пять поросят”, “Раз, два, три, пряжку застегни” и т. д.

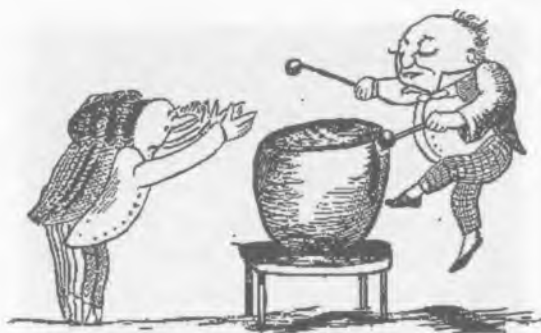
Однако прежде всего поэзия нонсенса связана с именами Льюиса

Кэрролла и Эдварда Лира. Они оба упоминаются в рассказе Бентли “Ангел-хранитель”, включенном в этот сборник, — и не просто упоминаются, а, можно сказать, указывают Тренту путь к спрятанному завещанию.

ЛИМЕРИКИ

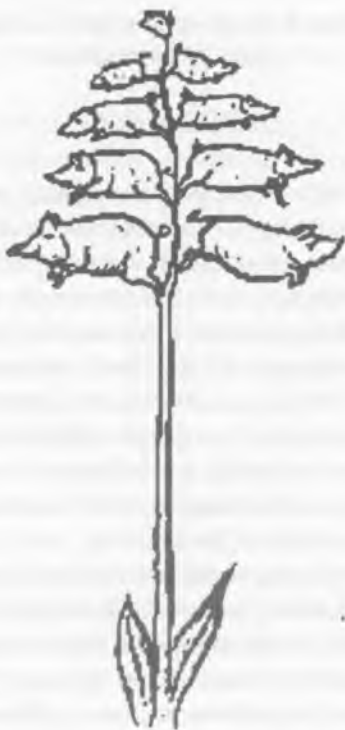
И “ЧЕПУХОВАЯ БОТАНИКА”

Эдвард Лир был художником и сам иллюстрировал свои абсурдные произведения. В 1846 г. он издал “Книгу нонсенса”, в которой возродил традицию лимерика — стишка очень строгого по форме и довольно безумного по содержанию. В лимерике пять строк с рифмовкой *aabba*, причем третья и четвертая строки существенно короче остальных. В первой строчке появляется герой и, как правило, географическое название (такой-то оттуда-то), часто со сказочным зачином вроде “жил да был”. Потом сообщается, чем именно замечателен был этот герой, причем описательная неторопливая интонация часто обрывается энергичной и не всегда благоприятной для героя концовкой. Разумеется, в лимерике могут быть всевозможные вариации, но размер, ритм и рифмовка остаются неизменными. Григорий Кружков, много переводивший Лира, пишет, что судьба персонажа в нем определяется “не прошлой логикой жизни, а рифмой”: “Если наш герой из Тобаго, то он должен есть саго. Если, скажем, из Кёльна — огурец малосольный. Дама из Салоников не может обойтись без поклонников, а леди из Атлантики просто обязана вязать бантики”... Вот пример классического лимерика из “Книги нонсенса”:

Жил да был старичок из Гонконга,
Танцевавший под музыку гонга.
Но ему заявили:
“Прекрати это — или
Убирайся совсем из Гонконга!”*

В рассказе “Ангел-хранитель” Бентли упоминает другой шедевр Лира — “Чепуховую ботанику” (1888). Вот так выглядит упомянутая в рассказе Свинообилия пирамидалис** (*Piggjawiggia pyramidalis*):

А вот Щекорожия шарообразная (*Phatt-facia stupenda*):

“ОХОТА НА СНАРКА”

Что касается поэмы Льюиса Кэрролла “Охота на Снарка”, то это весьма загадочное произведение, которому многие пытались дать разного рода глубокомысленные истолкования. Сам же Кэрролл писал об этом так: “Боюсь, что я не имел в виду ничего, кроме нонсенса! Все же слова, как вы знаете, значат больше, чем мы хотим сказать, и книга в целом должна значить больше того, что мы имели в виду. А потому я готов согласиться с любым добрым смыслом, который вы обнаружили в этой книге”***.

В рассказе “Ангел-хранитель” Трент восхищается и внешним видом книги: “Ага! Вот она, красавица! — И он

* Перевод Г. Кружкова.

** Названия растений приведены в переводе Д. Даниловой.

*** Перевод Н. Демуровой.

Обложка первого издания
"Охоты на Снарка"

вытащил тоненькую книгу в красном переплете. — Одна из самых красивых книг, которые я видел". Разумеется, у такого ценителя и знатока, как мистер Лэнделл, на полке стояло первое издание — 1876 г., с иллюстрациями Генри Холлидея. Примечательно упоминание красного переплета — дело в том, что весь тираж был выполнен в бежевом цвете, и только сто экземпляров, заказанных Кэрроллом, чтобы дарить друзьям, были красные с золотым тиснением. Книга должна была выйти 1 апреля, в "день дурака", но первые экземпляры в красной обложке были готовы раньше и подписаны уже 29 марта. Если книга была красной, то почти наверняка в ней был автограф Кэрролла.

Пустая карта, на которой мистер Лэнделл
написал завещание

КЛЕРИХЬЮ

В журнале "Стрэнд" за 1947 г. опубликована короткая заметка Николаса Бентли, сына Э. К. Бентли, которая начинается так: "Бесполезно искать слово *клерихью* в словарях. Его там нет — пока что". Сегодня, открыв большой Оксфордский словарь английского языка, вы без труда найдете там это странное слово (оно было внесено в словарь еще при жизни Бентли, и он очень этим гордился).

Клерихью — комический стишок биографического характера, состоящий из четырех строк разной длины с рифмовкой *aabb*. Чаще всего первая строка состоит из имени героя — обычно это

Первые школьные клерихью Э. К. Бентли
с иллюстрациями Г. К. Честертона

реальное историческое лицо, — после чего сообщаются истинные или выдуманные факты его биографии. По духу эти стишки немного напоминают приписываемые Хармсу анекдоты о великих людях — с одной стороны, там может быть написано что угодно, с другой — анекдот про Пушкина не подойдет Достоевскому.

Клерихью во многом похож на лимерик — краткостью, абсурдностью содержания и чрезвычайной заразительностью: начав писать (или переводить) клерихью и лимерики, очень трудно остановиться и не увлечь этим занятием всех окружающих. (Редакторы “Стрэнда” предлагали заплатить гинеею тому, кто напишет достойный

публикации клерихью, руководствуясь инструкциями Николааса Бентли, — странно, что они не разорились.)

Первый клерихью Э. К. Бентли написал еще в школе, на уроке химии (героем этого стишка был химик сэр Хамфри Дэви) — забаву тут же подхватили его школьные друзья; Честертон рисовал к клерихью иллюстрации. Само название закрепилось за жанром много позже, после публикации в 1905 г. “Биографии для начинающих”, поскольку Бентли подписал книгу своим средним именем. Вступительное слово выглядело так:

Науку биографию
Не следует путать с географией,
География — это горы да реки,
А биография — люди да человеки.

Перевод Е. Кузнецовой
Рис. Г. К. Честертона

В книге можно было прочитать увлекательные “жизнеописания” Сервантеса, Рузвельта, Вольтера, Бернарда Шоу и многих других. Вот несколько примеров:

Великий герцог Веллингтон
Считал: есть много — моветон.
Живот от голода свело,
И тут случилось Ватерлоо.

Перевод М. Виноградовой
Рис. Г. К. Честертона

Эразм, съев обед,
Сказал: "Не богохульствуй, Колет".
А Колет ответил Эразму:
"Повтори-ка, зараза!"

Перевод О. Попова
Рис. Г. К. Честертона

Синьор Муссолини
Ненавидел фамилию Суини.
"Перережу, — кричал, — как свиней,
Этих грязных ублюдков Суиней!"

Перевод А. Азова
Рис. Н. Бенгли

Сэра Кристофера Рена
Позвали есть индюшку с хреном.
Уходя, он сказал камердинеру:
"Если что, я собор проектирую!"

Перевод А. Борисенко
Рис. В. Рейнгаума

Джон Стюарт Милль
Свой характер переломил:
Перестал разводить антимонии
И написал "Принципы
политической экономии".

Перевод А. Борисенко, О. Попова
Рис. Г. К. Честертона

Техника у Ференца Листа
Лучше, чем у прочих пианистов, —
Он всегда усердно и рьяно
Кулаком колотит по фортепьяно.

Перевод Е. Кузнецовой
Рис. Г. К. Честертона

Когда у Тициана
Саднила душевная рана,
Ему лечил нервы
Сам Франциск Первый.

Перевод А. Борисенко
Рис. Г. К. Честертона

На сэра Хамфри Дэви
Весь мир взирает в гнев:
Он всем изрядно насолил —
Он натрий невзначай открыл.

Перевод А. Азова
Рис. Г. К. Честертона

Через 24 года Бентли выпустил еще одну книгу клерихью, с иллюстрациями Г. К. Честертона, Виктора Рейнгаума и Николаса Бентли. Одну картинку автор нарисовал сам.

Во втором томе, в частности, досталось основателю детективного жанра Эдгару По:

По Эдгар Аллан,
Икру обожал он —
Чавкал громко и смачно ею,
Сочиняя что-нибудь мрачное.

Перевод А. Борисенко
Рис. Н. Бентли

У жанра было много продолжателей и подражателей, но Н. Бентли предупреждает, что легкость написания таких стишков обманчива. «Поначалу задача кажется легкой, поскольку клерихью коротки и просты. Но именно по этим причинам писать их довольно трудно».

Как и следовало ожидать, Эдмунд Клерихью Бентли и сам не раз становился персонажем клерихью. Например, вот такого:

Час настал подходящий, момент ли,
Новый жанр
изобрел Эдмунд Бентли.
Так какое нам дело, заметим,
Что себя он прославил
лишь этим?

Автор Д. У. Циммерман
Перевод М. Виноградовой

Несправедливо, зато в рифму.

Писать клерихью довольно трудно.
Рис. Николаса Бентли

А. БОРИСЕНКО

ШЕРЛОК ХОЛМС

Конан Дойл умер в 1930 г., последний рассказ о Холмсе был опубликован в журнале “Стрэнд” в 1927-м. Для писателей Золотого века Конан Дойл гораздо чаще был не соперником, а мэтром, которому они не уставали отдавать дань восхищения. Они выросли на его детективах и с наслаждением возвращались к ним снова и снова. Когда создавался Детективный клуб, Конан Дойлу хотели предложить пост председателя, но он был уже очень болен.

В первом же романе Агаты Кристи, “Таинственное происшествие в Стайлз” (1920), дама спрашивает Гастингса (ватсоноподобного персонажа, беззастенчиво позаимствованного у Конан Дойла), каким сыщиком он бы хотел быть — настоящим из Скотленд-Ярда или Шерлоком Холмсом? “Конечно Холмсом!” — отвечает Гастингс. И в самом деле, плох тот Ватсон, который не хочет быть Холмсом.

Много и проникновенно писал о Шерлоке Холмсе (и о Конан Дойле) Г. К. Честертон.

Джозефина Белл, врач по образованию, взяла себе писательский псевдоним в честь хирурга сэра Джозефа Белла, который был прототипом Великого сыщика.

Пародии на Шерлока Холмса появились чуть ли не одновременно с самим Холмсом; пародировали его и авторы Золотого века — первый рассказ А. А. Милна, отвергнутый журналом “Панч”, был как раз такой пародией. Однако с течением времени авторы детективов стали обращаться к жизни

и творчеству своего кумира с гораздо большей изобретательностью.

Энтони Беркли в эссе “Литературный стиль” предлагает читателю вообразить, что Конан Дойл подхватил корь или заигрался в гольф и его рассказ для очередного выпуска журнала поручили написать Вудхаузу (Вудхауз тоже был постоянным автором “Стрэнда”). Далее следует собственно рассказ, в котором появляется гибрид Берти Вустера и Джеймса Ватсона — Берти Ватсон. (“— Ну, Ватсон? — сказал Холмс, плеснув себе содовой в стакан с кокаином”.). Рассказ заканчивается помолвкой Холмса со “сногшибательной” светской красоткой, в которую Берти Ватсон, разумеется, тоже влюблен.

Шерлок Холмс и Берти Ватсон.

Рис. Джорджа Морроу

В 1912 г. Рональд Нокс тоже написал пародию, относящуюся к Конан Дойлу, но пародировал Нокс не его, а чрезмерное рвение комментаторов. Особое удовольствие, пишет он, изучать то, что не предназначалось для изучения. Например, человек написал книгу о брюкве, а ты пытаешься откопать в ней свидетельства его сложных отношений с женой. Правда, по словам Нокса, Холмс, с его вниманием к мелочам, сам провоцирует подобный подход. Далее идет скрупулезное обсуждение всевозможных нестыковок и расхождений в рассказах, высказываются гипотезы (в том числе о злонамеренной недобросовестности Ватсона), споры с воображаемыми оппонентами, которые носят самые невероятные имена.

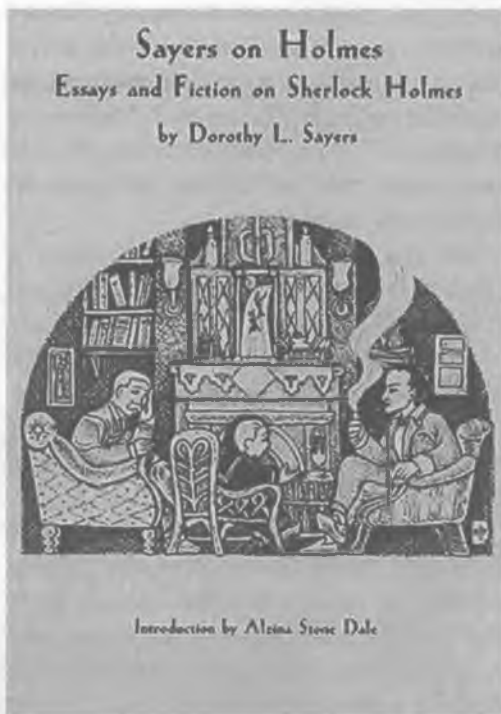
*...Но хуже всего — манекен в окне на Бейкер-стрит, задрапированный в старый, “мышинного цвета” халат Холмса! Как будто мы могли забыть, как, разгадывая мрачную загадку человека с рассеченной губой, Холмс выкуривал унцию табаку зараз, возлежа на подушках в синем халате! Мсье Папье-Маше утверждает: “Сыщик стал хамелеоном”. Более основательный комментатор Зауvox пишет: “Не в первый раз разноцветные одежды послужили средством обмана! Но на самом деле Шерлок Холмс, этот современный Иосиф, исчез совсем — его пожрал хищный зверь Ватсон”**.

* Аллюзия на библейскую историю про Иосифа и его разноцветные одежды (“И взяли одежду Иосифа, и закололи козла, и вымарали одежду кровью; и послали разноцветную одежду, и доставили к отцу своему, и сказали: мы это нашли; посмотри, сына ли твоего эта одежда или нет. Он узнал ее и сказал: это одежда сына моего; хищный зверь съел его; верно, растерзан Иосиф”) (Быт. 37:31–33).

Конан Дойл не вполне оценил юмор Рональда Нокса: в своем ответном письме он несколько неловко оправдывается, что рассказы писались не подряд, что он их не перечитывал, что Холмс менялся по мере изменения авторских взглядов и так далее. “Я могу только радоваться, что вы не нашли еще большего количества несоответствий, особенно в том, что касается дат”, — пишет он Ноксу.

Игра, начатая Ноксом, стала любимым развлечением фанатов Конан Дойла — в том числе и за океаном. Так, американский писатель Рекс Стаут вполне аргументированно доказал, что Ватсон был женщиной.

В литературоведческих изысканиях такого рода преуспела и Дороти

Обложка книги Дороти Сэйерс
о Холмсе

Сэйерс — гуманитарная оксфордская выучка не прошла даром. Сэйерс не обошла вниманием даты: в одном из эссе она обсуждает хронологические нестыковки “Союза рыжих”. Кроме того, она пытается установить, какой университет заканчивал Холмс — Оксфорд или Кембридж — и в каком году он все-таки родился. Отдельное исследование посвящено изменчивому имени Ватсона (Джон или Джеймс?) и еще одно — его запутанной матримониальной истории.

В 1947 г. Рональд Нокс вновь вернулся к любимому герою и написал “апокрифическую историю” о Холмсе “Приключение в вагоне первого класса” с иллюстрациями Тома Первиса. Рассказ написан в подражание Конан Дойлу, рисунки заставляют вспомнить Сидни Паджета. Это не пародия, а дань памяти

Холмс и Ватсон. Рис. Николаса Бентли

любимому писателю и его постоянному художнику. В конце рассказа Холмс у Нокса цитирует Вергилия на латыни — и к тому же добавляет, что цитата, возможно, неверно атрибутирована.

Члены Детективного клуба также поставили одноактную пьесу “Дело о брюках французского посла” — сочинил ее Джон Диксон Карр. Сирил Хэйр, обладавший идеальным шерлокианским профилем, играл великого сыщика, Джон Роуд — Ватсона, Дороти Сэйерс, в красной фланелевой ночной рубашке, изображала миссис Хадсон, а самому Карру досталась роль посла. Это был звездный ансамбль.

В 1949 г. Джон Диксон Карр написал биографию Конан Дойла, которая вызвала восторженные отклики в прессе.

В честь столетнего юбилея Шерлока Холмса Дороти Сэйерс сочинила радиопьесу, которую мы приводим здесь целиком. Вряд ли можно было бы закончить книгу более трогательным и наглядным доказательством преемственности — судите сами, как бережно и благодарно Золотой век принял лиру из рук мастера.

Иллюстрация Тома Первиса
к “Происшествию в вагоне первого класса”

Как юный лорд Питер стал клиентом Шерлока Холмса

*Перевод Олега Попова
Иллюстрации Тома Первиса*

Лайонел Хейл. Спасибо. А теперь о старшем гении, которому посвящена наша программа, расскажет тот, кто пошел по его стопам, другой сыщик, ведущий свою личную войну с преступностью — приношение мистеру Холмсу, сыну сельского сквайра, от отпрыска герцогского рода — лорда Питера Уимзи.

Уимзи. В нашем доме имя Шерлока Холмса звучало еще задолго до того, как доктор Ватсон прославил его на весь мир. Мало того, что Реджинальд Месгрейв приходился нам дальним родственником, — мой отец еще и занимал незначительный пост в правительстве, когда лорд Холдхерст руководил военным министерством; таким образом, его коснулись треволнения, сопровождавшие кражу и счастливое возвращение Морского договора. Я родился в 1890 году, слишком поздно, чтобы разделить горе моих родителей, вызванное мнимой трагедией у Рейхенбахского водопада в 91-м; но я уже помню, как отец пришел однажды вечером, чтобы радостно объявить матери: “Добрые вести, Онория! Шерлок Холмс жив и вернулся в Лондон!” О его подвигах мне рассказывали на ночь, и со временем я сам стал читать записки доктора Ватсона о характере и методах его необыкновенного друга.

И потому я могу с гордостью заявить, что однажды встретился с Шерлоком Холмсом и даже был его клиентом. Мне шел тогда восьмой год, и поводом, по которому я обратился к нему, стало исчезновение в нашем доме на Кэвендиш-сквер черного котенка по имени Сенека. Обстоятельства были несколько таинственными. Котенка последний раз видели в детской спальне, в которую можно войти только через комнату для игр, а там мы все завтракали с няней и гувернанткой. Мы заметили, что Сенека не явился к своему

обычному блюдечку молока, и вскоре отправились на поиски. Но его нигде не было. Никто не входил в детскую спальню, кроме горничной, которая подтвердила, что котенка не видела, хотя тщательно прибрала комнату. Он не мог выбраться из окна, надежно затянутого проволочной сеткой. Полный обыск дома не дал результатов. Взрослые, как это им свойственно, сказали: "Ничего, сам найдется"; но мы, дети, сильно подозревали горничную (которая не любила кошек) в похищении и убийстве.

Уже близился вечер, когда, после всевозможных приключений, я появился в доме 221-б по Бейкер-стрит. Не знаю, что подвигло добродетельную миссис Хадсон впустить меня: мой нежный возраст, льняные волосы или расстроенный вид. Вряд ли это был мой титул, ибо на той лестнице, по которой несли свои беды столько коронованных особ, на младших сыновей герцогов должны были смотреть как на серебро во дни Соломона*. Но она впустила меня, и я увидел великого человека — при трубке, скрипке, халате и всем остальном — сидящим у огня в компании доктора Ватсона.

* "И все сосуды для питья у царя Соломона были золотые, и все сосуды в доме из Ливанского дерева были из чистого золота; из серебра ничего не было, потому что серебро во дни Соломоновы считалось ни за что" (3 Цар. 10:21).

Он тепло приветствовал меня, сказав: “Чем я могу вам помочь, мой юный друг?” Я скромно предположил, что он сам захочет ответить на этот вопрос. Холмс рассмеялся и сказал: “Я не настолько всезнающ, как утверждает вот этот джентльмен. Кроме очевидных фактов, что вы обеспокоены, ваши родители выписывают „Стрэнд“ и вы поспешно покинули дом, не спросившись у них, я ничего о вас не знаю”. Несколько смущенный этими выводами (так как я не осмелился надеть ботинки и уличное платье, боясь, что меня хватятся), я изложил ему свою проблему. “В дымоход вы, конечно, заглянули”, — сказал он. “О да, сэр”, — сказал я. “И никто не входил в детскую спальню, кроме горничной?” — “Никто, сэр”. — “В таком случае, — сказал он, — возможно, что вашего четвероногого друга случайно заправили в одну из кроватей”. Представшая моему воображению картина удушья настолько потрясла меня, что я залился недостойными мужчины слезами; доктор Ватсон немедленно заверил меня, что столь маленькому животному нужно совсем немного воздуха. Но он добавил, что стоит избежать дальнейшего промедления, и в самой дружеской манере предложил проводить меня домой в хэнсомском кэбе.

Мы приехали как раз вовремя, чтобы успокоить домашних, уже собиравшихся искать меня с полицией, и, поспешно направившись в детскую спальню, нашли бедного Сенеку, придавленного, но совершенно невредимого, спящим под моим матрасом, в точности как сказал мистер Холмс. Мне приятно вспомнить, что я послал своему благодетелю благодарственное письмо и все содержимое своей копилки — около двух шиллингов девяти пенсов, большую сумму по тем временам — и что он с непревзойденным тактом принял эту плату, подтвердив ее собственноручно подписанной квитанцией “За оказанные профессиональные услуги”, которую я храню по сей день. Если мистер Холмс сейчас слышит меня, я бы хотел, поздравляя его со столетним юбилеем, поблагодарить его за доброту к маленькому мальчику, который с тех пор старается, в меру своих скромных сил, идти по его стопам.

≡ ГЛОССАРИЙ ≡

А. Борисенко, А. Азов, И. Мокин, В. Сонькин

1.

"АТЕНЕУМ"

ATHENÆUM CLUB

Один из самых уважаемых лондонских клубов. Он существует до сих пор и находится на Пэлл-Мэлл, 107. Клуб был основан в 1824 г. и по изначальному замыслу должен был объединять ученых, литераторов, художников, меценатов. Но еще больше в нем оказалось епископов, пэров и министров. Киплинг говорил, что "Атенеум" напоминает собор в перерыве между службами. Здание клуба построено

в неоклассическом стиле, над портиком — статуя Афины Паллады. Клуб также славится своей библиотекой и удивительными часами над лестницей, на циферблате которых нет восьмерки, зато семерки целых две (почему — неизвестно). Среди членов клуба были такие выдающиеся личности, как Чарльз Диккенс, Уильям Теккерей, Чарльз Дарвин, Уинстон Черчилль и Артур Конан Дойл.

2.

CAFÉ ROYAL

"КАФЕ-РОЯЛЬ"

Знаменитое заведение на Риджент-стрит, возле площади Пикадилли, которое было открыто в 1865 г. обанкротившимся французским виноторговцем и просуществовало до декабря 2008 г. В девятые годы XIX в. "Кафе-Рояль" вошло в моду, там стали бывать знаменитости: Оскар Уайльд, Джордж Бернард Шоу, Вирджиния Вульф, Уинстон Черчилль и другие. Именно там Детективный клуб проводил свои ежегодные банкеты. "Кафе-Рояль" упоминается во многих детективах (в рассказе Конан Дойла "Знатный клиент" возле "Кафе-Рояль" чуть не убили Холмса).

3.

"КЛАРИДЖ"

CLARIDGE'S

Один из самых престижных и роскошных отелей Лондона, был создан в 1854 г. в результате объединения двух примыкающих друг к другу отелей. В 1893 г. "Кларидж" купил Ричард д'Ойли Карт, хозяин "Савоя", после чего отель был полностью перестроен. Новый "Кларидж" открылся в 1898 г., ресторан при отеле стал пользоваться большой популярностью среди лондонского бомонда. Во время Второй мировой войны в "Кларидже" одновременно жили несколько королевских семей, нашедших прибежище в Англии. — среди гостей были короли Греции, Норвегии, Югославии, а также королева Нидерландов. Рассказывают, что в 1947 г. некий дипломат позвонил в "Кларидж" и попросил к телефону короля. "Конечно, сэр, — вежливо ответил клерк. — Какого именно?"

4.

ОЛД-БЕЙЛИ

OLD BAILEY

Центральный уголовный суд, находящийся на улице Олд-Бейли (по которой он и получил свое название). Современное здание было построено на месте разрушенной Ньюгейтской тюрьмы в 1902 г. и официально открыто в 1907 г. Эдуардом VII. После этого некоторое время здание суда называли Нью-Олд-Бейли или просто Нью-Бейли (так называют его герои рассказа "Чайный лист").

5.

"ЧЕРНАЯ МАРИЯ"

Black Maria

Полицейский транспорт для перевозки заключенных. Сначала это была специально оборудованная повозка, потом — автофургон. И в том и в другом случае заключенного перевозили в своего рода клетке, где он был отделен от перевозящих его полицейских и не мог ни напасть на них, ни убежать. Впервые это название появилось в тридцатые годы XIX в. в Америке; по одной из версий, полицейские повозки стали называть так в честь Марии Ли, чернокожей хозяйки пансиона, которая нередко помогала констеблям Бостона препровождать за решетку разбуянившихся пьяниц. "Черная мария", запряженная парой лошадей, стала в 1858 г. первым транспортным средством Столичной полиции. Корней Чуковский в книге "Высокое искусство" приводит такой курьез: переводчик неправильно понял стихотворение Л. Хьюза, содержащее обращение к "черной марии", поскольку решил, что оно адресовано чернокожей красавице. Интересно, что и по-русски было название "черная маруся".

6.

SOLICITOR

/////// ПОВЕРЕННЫЙ (СТРЯПЧИЙ, АДВОКАТ) //////////

У этого слова нет точного русского перевода. В 1930-е годы переводчики издательства "Академия" пытались ввести в обиход слово "солиситор", но оно не прижилось. Дело в том, что в Англии юристы делятся на две категории. Солиситор ведет дела клиентов, дает им юридические советы, составляет контракты и завещания, но если клиенту предстоит суд, то солиситор обращается к барристеру. (В рассказе "Чайный лист" поверенный подсудимого помогает выяснять обстоятельства дела и присутствует в зале суда, но защищает его адвокат-барристер.)

7.

БАРРИСТЕР

BARRISTER

Юрист, выступающий в суде. Это слово прижилось несколько лучше. Барристер стоит на социальной лестнице выше, чем солиситор, больше зарабатывает, носит парик и мантию и имеет офис в одном из Судебных Иннов. Судебный Инн по устройству напоминает монастырь или университетский колледж — с внутренними дворами, трапезной и часовней. Там обучаются и практикуют барристеры.

8. ТРИБУНА ДЛЯ ДАЧИ
СВИДЕТЕЛЬСКИХ ПОКАЗАНИЙ
(СВИДЕТЕЛЬСКОЕ МЕСТО)

WITNESS BOX

Специальная трибуна в зале суда, куда выходит свидетель давать показания; немного напоминает кафедру проповедника.

9. КАФЕДРА ПРОПОВЕДНИКА

Pulpit

Неизменный атрибут церкви после Реформации (XVI в.), когда проповедь заняла центральное место в богослужении. Во многих церквях и соборах можно увидеть старинные каменные и деревянные кафедры с богатой резьбой, представляющие собой что-то вроде балкона, расположенного слева от алтаря. В пресвитерианских церквях кафедра проповедника располагается в центре.

10.

Также вошли в обиход после Реформации, по той же причине, что и кафедра проповедника. В некоторых церквях скамьи устанавливались за счет прихожан и считались их частной собственностью; скамьи знатных семейств были иногда полностью огорожены и имели отдельный выход. Скамьи могут быть совсем простыми или украшенными резьбой, могут иметь полочку для молитвенника, подушки и скамеечки для ног (консервативные церкви, как правило, обходятся без таких излишеств).

PEWS

ЦЕРКОВНЫЕ
СКАМЬИ

11. АЖУРНАЯ РЕЗЬБА

Характерна для готической архитектуры, встречается начиная с XIII в. Вот так выглядят ажурные окна Вестминстерского аббатства, которые зарисовывал мистер Гиффорд в рассказе "Настоящий табар".

TRACERY

12. ЦЕРКОВНЫЙ СТОРОЖ

SEXTON

Как правило, присматривает также и за кладбищем (поскольку кладбище обычно находится при церкви), выполняет обязанности могильщика и звонаря. Должность эта существует очень давно, и называлась она по-разному — слово *sexton* стало употребляться с XIV в.

13.

ОРДЕН ПОДВЯЗКИ

ORDER OF GARTER

Высший рыцарский орден в Англии и один из известнейших рыцарских орденов в мире. Учрежден королем Эдуардом III в 1344 или 1350 г. Событие, послужившее поводом к его основанию, доподлинно неизвестно. Самая распространенная версия гласит, что поводом к его созданию стал курьезный случай на балу, когда с ноги графини Солсберийской случайно упала подвязка. Подвязку поднял сам король и про-

тянул ее графине (другой вариант — повязал себе на ногу), сказав при этом, в упрек посмеивающимся придворным: *Honi soit qui mal y pense*, что в переводе со старофранцузского значит: "Позор тому, кто дурно об этом подумает". Заодно он добавил, что намерен возвеличить эту подвязку настолько, что его дворяне сочтут за честь сами ее носить. С тех пор фраза *Honi soit qui mal y pense* стала девизом ордена. Возглавляет орден английский монарх.

14.

GENTLEMAN USHER OF THE BLACK ROD

ПРИСТАВ
ЧЕРНОГО ЖЕЗЛА

Древняя церемониальная должность ордена Подвязки, названная так из-за особого знака власти — черного жезла, украшенного золотым набалдашником в форме королевского льва. С середины XVII в. пристав Черного жезла стал посланником от палаты лордов в палату общин в английском парламенте. Пристав направляется в палату общин, чтобы вызвать ее членов выслушать обращение монарха; при этом двери в палату перед ним запираются, и пристав должен трижды постучать в них черным жезлом. Эта церемония призвана напоминать о независимости парламентариев от монарха.

15.

ТАБАР

Короткий широкий плащ с боковыми разрезами. Табар появился в Средние века главным образом как одежда солдат-пехотинцев и вообще низших сословий. Постепенно он вошел в моду, приобрел широкие рукава, доходящие до локтей, и его стали носить рыцари поверх лат, расширяя своими гербами. К середине XVI в. табар вышел из повсеместного употребления, но сохранился как гербовая одежда герольдов.

TABARD

1198

16.

1340

ROYAL COAT OF ARMS

На английском королевском гербе династии Плантагенетов были изображены три леопарда. В правление Эдуарда III герб был изменен: к леопардам добавились золотые французские лилии на синем поле, так как английские короли стали притязать на французский трон.

Британский королевский герб с 1714 по 1801 г., при Георге I, Георге II и Георге III, изображает английских леопардов, шотландского льва, французские лилии и ирландскую арфу, а также включает герб Ганновера (леопарды Брауншвейга, лев Люнебурга и белый конь Вестфалии). Этот герб и должен был находиться на табаре герольдмейстера, оглашавшего мирный договор с Соединенными Штатами в 1783 г. Именно про этот герб Трент в рассказе "Настоящий табар" говорит, что его "украшала настоящая мешанина".

На британском королевском гербе времен королевы Виктории уже отсутствуют французские лилии (они исчезли с британского королевского герба в середине правления Георга III, отказавшегося от претензий на французскую корону), а также герб Ганновера (поскольку по правилам престолонаследия королева Виктория, будучи женщиной, не могла вступить на ганноверский престол). Поэтому викторианский табар выглядит менее эклектично.

1714

КОРОЛЕВСКИЙ
ГЕРБ

1837

"Молодой джентльмен, у которого хватило ума настолько хорошо сдать вступительные экзамены, что за него платит колледж", — пишет поэт Джон Бетжемен, выпускник Оксфорда. Университетских стипендий удостоились многие авторы, включенные в наш сборник; Э. К. Бентли вспоминает, что в трапезной Мертон-колледжа стипендиаты сидели за отдельным столом (этот обычай казался ему довольно нелепым). Стипендиаты носят длинную мантию с рукавами колоколом.

Scholar

СТИПЕНДИАТ

17.

Согласно Бетжемену, тот, "кому не хватило ума выиграть стипендию и приходится платить за привилегию учиться в университете". Название происходит от слова *commons* в том значении, в каком оно изначально употреблялось в общинах и монастырях — "общий стол". Коммонер платил за еду и комнаты, предоставляемые колледжем, в отличие от тех, кто был "на обеспечении" (члены колледжа, стипендиаты). В Кембридже вместо "коммонер" говорят "пансионер". Коммонеры носят короткую мантию.

Commoner

18.

КОММОНЕР

БАКАЛАВР ИСКУССТВ 19.

Bachelor of Arts

В Оксфорде носит длинную мантию с капюшоном, отороченным кроличьим мехом, поэтому студенты иногда называют такую мантию кроличьей шкурой. Степень бакалавра выпускник получает по окончании университета; следующая по старшинству степень — магистр.

20. МАГИСТР ИСКУССТВ

Master of Arts

Носит длинную мантию с красной шелковой отделкой на капюшоне. Любой выпускник Оксфорда и Кембриджа, получивший степень бакалавра искусств, может по прошествии некоторого времени заплатить в университетскую казну определенную сумму и стать магистром искусств, не сдавая никаких дополнительных экзаменов.

21. COLLEGE COLOURS ЦВЕТА КОЛЛЕДЖА

У каждого университетского колледжа есть свои цвета — традиционная расцветка спортивной одежды и весел. Например, у гребцов Уодем-колледжа — бело-голубая форма с мальтийским крестом; белый мальтийский крест на голубом фоне украшает также их флаг и весла. Именно такое весло висело в доме каноника, вспоминающего о своих гребных победах в рассказе "Настоящий табар".

22.

СЕЛЬСКИЙ ДОМ ЭПОХИ ТЮДОРОВ

TUDOR FARMHOUSE

Сельский дом эпохи Тюдоров (1485–1603), обычно двухэтажный, с характерными фахверковыми фасадами, многостворчатыми окнами, остроконечной крышей и кирпичной печной трубой. Главное помещение первого этажа — большая жилая комната с камином в нише, на котором готовили пищу. В спальни второго этажа ведет обычно узкая задняя лестница. В начале XX в. многие состоятельные люди покупали такие дома в качестве дачи — любимый тудоровский дом в деревне есть у Фиделити Доув ("Образцовая подделка"), а также у Гарриет и Питера Уимзи ("Толбойз").

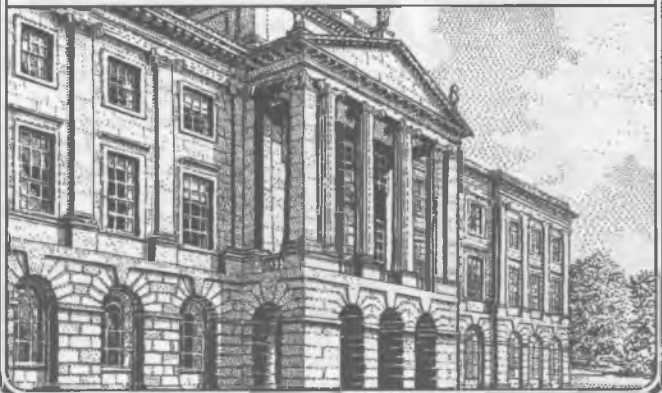

23.

ГЕОРГИАНСКИЙ ОСОБНЯК

GEORGIAN HOUSE

Здание, построенное в георгианскую эпоху (1720–1800), как правило, симметричной планировки, с четкими линиями. Это может быть дом из красного кирпича с минимальным декором или палладианский особняк с портиком, колоннами и другими классицистическими элементами. Обычно в таких домах большой холл, из которого можно попасть в парадные комнаты; широкая лестница поднимается в спальни хозяев. Комнаты слуг находятся в задней части дома или в отдельном крыле по другую сторону внутреннего двора.

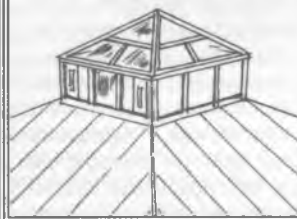

24.

ФОНАРЬ

WELL { ROOF LIGHT }

В архитектуре так называется повышенная часть крыши из светопрозрачного материала. Иногда такие фонари делают над лестницей или, как в рассказе "Методом пристального взгляда", над большим помещением.

25.

WINDOW ≡ SEAT ≡

ПРИОКОННИК

Широкий подоконник в эркерной оконной нише, специально предназначенный для сидения, иногда с мягкой обивкой или с подушками (т. е. нечто среднее между подоконником и диванчиком). Часто под этим сиденьем находилось что-то вроде шкафчика для хранения разных вещей — например, в рассказе “Убийство в Пентекост-колледже” герой достает из-под приоконника пиво. Приоконник — уютное, укромное место, где хорошо устроиться с книгой или с вышиванием; идеально подходит оно и для приватной беседы.

26.

ЛОДОЧНЫЙ
ПАВИЛЬОН

BOATHOUSE

Лодочный павильон нередко строили на озере в загородном поместье (такой павильон упоминается в рассказе “Дознание”). Чаще всего это было небольшое деревянное сооружение, выходящее фасадом на воду, с дверью сзади. В Викторианскую эпоху стали строить каменные павильоны со вторым этажом, гармонирующие со стилем усадьбы. Лодочные павильоны гребных клубов (как в рассказе “Убийство накануне регаты”) — длинные эллинги, у которых тоже часто надстроен второй этаж.

27.

ЦВЕТОЧНАЯ ВЫСТАВКА

Flower Show

Чрезвычайно важное событие в Англии, поскольку садоводство — одно из основных национальных увлечений. Главная цветочная выставка года проходит ежегодно весной в Челси, ее организует Королевское общество садоводов (Royal Horticultural Society). В деревне на цветочной выставке традиционно выставляют не только цветы, но и овощи, фрукты, всякого рода джемы и соленья — причем это не просто выставка, а соревнование. Растениям, предназначенным “для показа”, отводятся лучшие места в саду и огороде. И хотя вознаграждение победителю всегда было незначительным в денежном исчислении, страсти кипят нешуточные — в этом можно убедиться, прочитав рассказ “Толбойз”.

28.

АЛЬПИЙСКАЯ ГОРКА

Декоративное сочетание камней и растений, чрезвычайно популярное в традиционных английских садах. Под альпийской горкой может пониматься как альпинарий, где главный акцент делается на растениях, в том числе альпийских, так и рокарий, где главную роль играет живописное нагромождение камней. Создание альпийской горки — настоящее искусство, так что неудивительно, что герой рассказа "Ангел-хранитель" так гордился своими достижениями в этой области.

ROCK GARDEN

29.

СОЛНЕЧНЫЕ ЧАСЫ

Часто встречаются в английских садах (в том числе в ухоженном саду Гуса Константиновича из рассказа "Загадочная смерть Эми Робсарт"). Устроены они так: неподвижная стрелка, или "гномон", отбрасывает тень на циферблат. По мере движения солнца по небу тень движется по циферблату (современная часовая стрелка повторяет траекторию этой тени). Чтобы

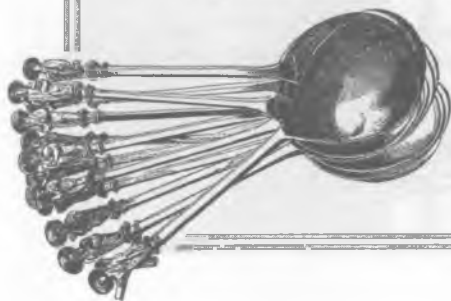
SUNDIAL

садовые солнечные часы с горизонтальным циферблатом показывали правильное время, отметка, соответствующая полудню, должна быть обращена на север, а сама стрелка наклонена соответственно широте места, где стоят часы. В XIX и первой половине XX в. в моде были часы как с горизонтальным или наклонным циферблатом, так и в виде полукольца с насечками.

30.

АПОСТОЛЬСКИЕ
ЛОЖКИ

APOSTLE SPOONS

История апостольских ложек начинается в эпоху Возрождения — именно тогда в христианских странах появилась обычай дарить на религиозные праздники наборы из двенадцати (реже тринадцати) серебряных ложек. Ручки двенадцати ложек изображали апостолов, а тринадцатой — Христа. К началу XVI в. апостольские ложки стали традиционным подарком крестных ребенку на крещение, а к середине XVII в. почти исчезли. Сегодня, как и в дни Фиделити Доув, они являются большой редкостью.

31.

ВЕДЖВУДСКИЙ ФАРФОР

WEDGWOOD

В середине XVIII в. Джозайя Веджвуд, 12-й ребенок в семье состоятельного гончара, основал собственное керамическое производство. Его новаторский подход ко всем аспектам своего дела — материалам, дизайну, организации производства, маркетингу — вскоре превратил его продукцию в неперенный атрибут аристократической жизни. Веджвуду покровительствовала королева Шарлотта, а Екатерина II заказала у него "Сервиз с зеленой лягушкой", ныне выставленный в петербургском Эрмитаже. На нем изображены английские дворцы, аббатства, усадьбы и парки — Екатерина пожелала, чтобы вся Англия была у нее на столе. Каждый предмет украшен шуточным гербом — зеленой лягушкой.

Породнившись с эксцентричным соседом Эразмом Дарвином, Веджвуд стал одним из основателей могучей династии; Чарльз Дарвин приходился ему внуком. В конце 2000-х международная корпорация, в состав которой входит компания Веджвуда, столкнулась с финансовыми трудностями и перевела большую часть производства в Индонезию, оставив в Англии только мастеров по изделиям класса люкс.

FISH
KNIFE

32.

РЫБНЫЙ НОЖ

Рыбный нож классической формы, с резной ручкой из слоновой кости. Вероятно, нож такого типа и послужил орудием убийства в рассказе "Клуб убийц".

33.

СЕРЕБРЯНЫЙ
КУБОКSILVER
CUP

В Англии вручался не только за спортивную победу, но и за героический поступок, доблестную службу и т. д. Тем не менее в рассказе "Показания судьи" грабитель, увидевший в окне судьи множество серебряных кубков, предположил самое вероятное: что тот в молодости был хорошим спортсменом.

34.

КАПИТАН ЭДВАРД ТИЧ

(1680-1718)

CAPTAIN
TEACH

Он же Черная Борода — один из самых знаменитых пиратов, разбойничавших в Карибском море. Известен своей верностью слову и уважением как к своим, так и к врагам. Однажды он блокировал порт в британских колониях только для того, чтобы получить в виде выкупа лекарства для своей команды. Легендарная жизнь Черной Бороды была многократно описана авторами приключенческих романов. Когда в рассказе "Толбойз" сыновья лорда Питера Уимзи играли с отцом в пиратов, капитаном Тичем был Бредон.

35.

ЭМИ РОБСАРТ (1532-1560)

AMY ROBSART

Жена Роберта Дадли, фаворита Елизаветы I. Дадли постоянно находился при дворе, и Эми жила в одиночестве в деревне Камнор близ Оксфорда. 8 сентября 1560 г. она отправила всех слуг на ярмарку, а когда они вернулись, то нашли свою госпожу у подножия лестницы со сломанной шеей. Хотя коронерское дознание признало смерть несчастным случаем, поползли слухи. Загадка ее смерти до сих пор будоражит умы. Ее истории посвящен роман Вальтера Скотта "Кенилворт", пьеса Виктора Гюго "Эми Робсарт", опера Газзано Доницетти "Замок Кенилворт". В 1926 г. на экраны Великобритании вышел короткометражный кинофильм "Замок Кенилворт и Эми Робсарт". Похоронена Эми Робсарт в Оксфорде, в церкви Св. Марии.

36.

КУПАЛЬНАЯ МАШИНА

BATHING MACHINE

Купальная машина (иногда встречается также перевод "купальня на колесах", "пляжная кабинка", "кабинка для купания") — своеобразная раздевалка, которую завозили в море при помощи лошадей или специального механизма. Таким образом, можно было сразу погрузиться в воду вдали от нескромных взоров.

37.

КУПАЛЬНЯ

BEACH ≡ HUT ≡

Чаще всего переводится как "пляжный домик", однако это не столько "домик" (место, где можно жить), сколько маленькое деревянное строение (например, купальная машина, снятая с колес), в котором можно переодеться, а также хранить одежду и пляжный инвентарь.

38.

ПАЛАТКА
ДЛЯ ПЕРЕОДЕВАНИЯ

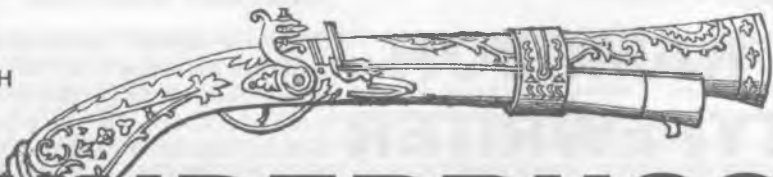
Beach Tent

Обычно переводится на русский как "кабинка для переодевания", поскольку по-русски "палатка" связана скорее с туристическим походом, чем с отдыхом на море. Однако в Англии это были именно палатки — различной формы, с деревянным каркасом или без, часто веселой полосатой расцветки.

39.

МУШКЕТОН

BLUNDERBUSS

Старинное ручное гладкоствольное оружие с воронкообразно расширяющимся дулом, обеспечивающим широкий разлет пуль, дробь или картечи. Именно поэтому его и выбирает в качестве оружия убийства преступник в рассказе "У телефона". Типичный мушкетон имеет вид короткого ружья, однако существовали и пистолеты со стволом мушкетонной формы. С начала XIX в. мушкетоны вышли из употребления в армии, но сохранялись в некоторых домах как средство самозащиты.

40.

TELEPHONE

ТЕЛЕФОН

Телефон с круглым основанием (поэтому в рассказе "У телефона" на месте, где стоял такой аппарат, остается круглый след) — типичный настольный телефонный аппарат первой трети XX в.

41.

РАДИОПРИЕМНИК

RADIO SET

Радиоприемник в межвоенную эпоху был в каждом английском доме: вся семья собиралась вокруг него послушать важные новости, концерт, обращение короля. Постепенно радиоприемники становились все менее громоздкими, появились и портативные аппараты.

42.

HAMILTON TYPEWRITER

ПИШУЩАЯ МАШИНКА "ГАМИЛЬТОН"

"Гамильтон-автомат" был выпущен в 1881 г. нью-йоркским ювелиром Э. М. Гамильтоном. Эта машинка была очень необычной на вид (почти вся из меди), миниатюрных размеров (всего 9 на 12 дюймов, как коробка шоколада) и с особым расположением "пробела" — над клавиатурой (возможно, поэтому она недолго продержалась на рынке). Кроме того, это первая в мире пишущая машинка, в которой удалось сделать пропорциональный, а не моноширинный шрифт (т. е. она могла печатать буквы разной ширины). Фабрика Гамильтона просуществовала всего два года, и уже в начале XX в. ее продукция стала раритетом — неудивительно, что герою рассказа "Карающий случай" пришлось побегать по магазинам в поисках "Тамильтона № 4".

THE DAIMLER
BY APPOINTMENT
COMPANY LTD.

Daimler

43.

"ДАЙМЛЕР-ДАБЛ-СИКС"

Именно эту машину выбрала Дороти Сэйерс для лорда Питера. В 1927 г. король Георг V публично выразил одобрение двигателю "даймлера-дабл-сикс" — об этом писала газета "Иллюстриейтед Лондон ньюс". Королевская семья традиционно ездила на "даймлерах", причем Виндзоров нельзя упрекать в непатриотичности, ведь "Даймлер мотор компани" — британская фирма, а не подразделение немецкого "Даймлер-Бенца". Английский инженер Лоусон купил право на использование имени "Даймлер" у самого Готлиба Даймлера еще в 1896 г. и стал первым британским автопроизводителем. Английские "даймлеры" выпускаются до сих пор; сейчас компанией владеют бывшие жители британских колоний — индийские промышленные магнаты.

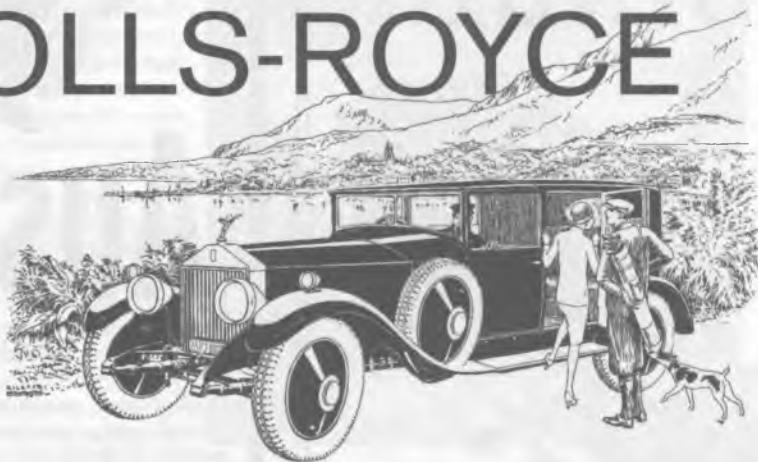
DAIMLER DOUBLE-SIX

44.

"РОЛЛС-РОЙС"

Одна из самых роскошных автомашин как в межвоенное время, так и сейчас. Особый образ "роллс-ройса" создают традиционные черты его облика, такие, как неизменная статуэтка "Дух экстаза" на радиаторе, а также романтические названия самих моделей, например, "Призрак", "Серебряное облако" и "Заря". В 1950-е "Роллс-Ройс" сменил "Даймлер" в качестве поставщика двора. Однако завод Чарльза Роллса и Генри Ройса известен не только машинами для богатых: большинство самолетов Королевских ВВС в обеих мировых войнах были снабжены именно двигателями Ройса.

ROLLS-ROYCE

45.

LINCOLN

"ЛИНКОЛЬН"

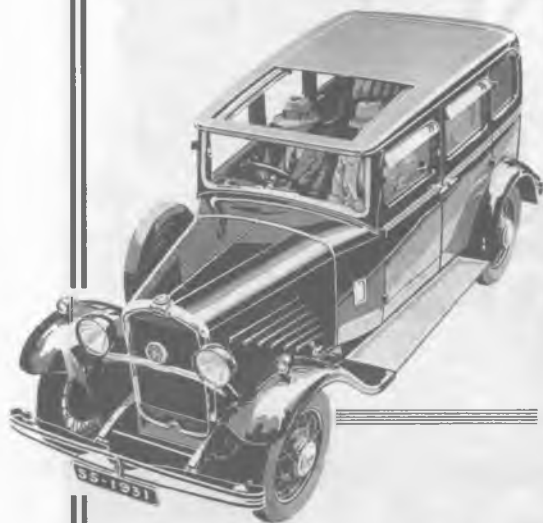

Автозавод "Линкольн" с 1922 г. принадлежал концерну Генри Форда и производил дорогие роскошные автомобили. В 1930-е был особенно популярен изящный "линкольн-зефир" — более скромный и доступный, чем другие модели "линкольна".

46.

"СИНГЕР"

SINGER

"Сингер" был одной из роскошных марок — не зря в рассказе "Железнодорожный переезд" жена упрекает мужа, что ее подруги разъезжают на "сингерах", "даймлерах" и "линкольнах", в то время как у нее допотопный "остин". Вместе с тем наряду с "остином" и "моррисом", на рубеже 20-х и 30-х гг. "сингер" повысил свою популярность за счет производства менее дорогих моделей.

Singer

47.

Austin

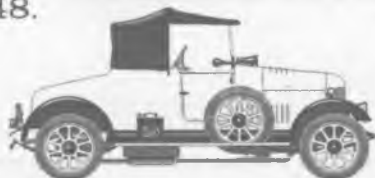
"ОСТИН"

Практичный, надежный модельный ряд "остина" всегда пользовался успехом у покупателей. Когда муж в рассказе "Железнодорожный переезд" говорит жене, что "многие дорого бы дали за пятилетний "остин", он говорит чистую правду. Как ни странно, все другие модели затмил "остин-сеवन", или "бэби-остин", который выпускался с 1922 по 1937 г. и все это время оставался хитом продаж. Хотя завистники и называли эту маленькую машинку "коляской с мотором" и даже "ночным горшком", она фактически вытеснила с британского рынка все остальные миниатюрные модели.

Austin

48.

"МОРРИС-
КОУЛИ"

Первый автомобиль Агаты Кристи. В автобиографии она вспоминает его с нежностью и говорит, что носатый "моррис-коули" был куда надежнее современных машин. "Носатый" — потому что это была модификация модели "моррис-оксфорд", с таким же выступающим округлым радиатором, но более дешевая. Впервые "коули" выпустили в 1915 г. В 1919-м появился улучшенный вариант, причем Моррис активно снижал на него цены — в год выпуска машина стоила 465 фунтов, но уже в 1921 г. цена упала до 299, а в 1922 г. — до 225 фунтов. Следующая модификация 1926 г. уже не была "носатой" — ее радиатор был плоским.

MORRIS COWLEY

49.

"ЭМ-ДЖИ"

MG

Safety first!

Из рассказа "Убийство накануне регаты" мы узнаем, что в конце тридцатых — начале сороковых "эм-джи" "попадались на каждом шагу". Аббревиатура MG означала *Morris Garages*, так как изначально эта компания была дилером "Морриса", но потом стала производить собственные модели. "Эм-джи" выво-
дился на рынок как относительно до-
ступный автомобиль спортивного типа.

КОЛЛЕКТИВНЫЕ СОЧИНЕНИЯ ДЕТЕКТИВНОГО КЛУБА (1930–1940)

(в хронологическом порядке):

Behind the Screen. The Listener. 1930.

№№ 75–80. (Воспроизведено в: *The Scoop and Behind the Screen.* London: Gollancz, 1983.)

The Scoop. The Listener. 1930. №№ 105–108, 110–117. (Воспроизведено в: *The Scoop and Behind the Screen.* London: Gollancz, 1983.)

The Floating Admiral, by certain members of the Detection Club [G.K. Chesterton, et al.]. London: Hodder & Stoughton, 1931.

Ask a Policeman / by ANTHONY BERKELEY, et al. London: Arthur Barker, 1933.

Six against the yard: in which Margery Allingham, Anthony Berkeley, Freeman Wills Crofts, Father Ronald Knox, Dorothy L. Sayers, Russell Thorndike commit the crime of murder which Ex-Superintendent Cornish, C.I.D., is called upon to solve. London: Selwyn & Blount, 1936.

The Anatomy of Murder / by HELEN SIMPSON, et al. London: John Lane, 1936.

More Anatomy of Murder / by DOROTHY L. SAYERS, et al. London: John Lane, 1936.

Double Death: A Murder Story / by DOROTHY L. SAYERS, et al. London: Gollancz, 1939.

АНТОЛОГИИ И СБОРНИКИ ДЕТЕКТИВОВ ЗОЛОТОГО ВЕКА

(в хронологическом порядке):

The Best Detective Stories of the Year, 1928 / ed. FATHER RONALD KNOX. London: Faber & Faber, 1929.

Detection Medley / ed. JOHN RHODE. London: Hutchinson, 1939.

Great Short Stories of Detection, Mystery and Horror / ed. DOROTHY L. SAYERS. London:

Gollancz, 1928. (Американское издание: *The Omnibus of Crime / ed. DOROTHY L. SAYERS.* New York: Payson and Clarke, 1929.)

Best Detective Stories of the Year 1929. London: Faber & Faber, 1930.

Great Short Stories of Detection, Mystery and Horror, Second Series / ed. DOROTHY L. SAYERS. London: Gollancz, 1931. (Американское издание: *Second Omnibus of Crime / ed. DOROTHY L. SAYERS.* New York: Coward-McCann, 1932.)

Tales of Detection / ed. DOROTHY L. SAYERS. London: J.M. Dent & Sons, 1936.

Fifty Masterpieces of Mystery. London: Odhams Press, 1937.

My Best Mystery Story. A collection of stories chosen by their own authors. London: Faber & Faber, 1939.

Detective Stories of Today / ed. RAYMOND POSTGATE. London: Faber & Faber, 1940.

101 Years' Entertainment: The Great Detective Stories, 1841–1941 / ed. ELLERY QUEEN. Boston: Little, Brown and Company, 1941.

The Third Omnibus of Crime / ed. DOROTHY L. SAYERS. New York: Coward-McCann, 1942.

The Avon Book of Modern Crime Stories / ed. JOHN RHODE, foreword by A.A. MILN. New York: New Avon Library, 1942.

The Evening Standard Detective Book. London: Gollancz, 1950.

The Evening Standard Detective Book. 2nd Series. London: Gollancz, 1951.

Best Detective Stories / ed. EDMUND CRISPIN. London: Faber & Faber, 1959.

Masterpieces of Mystery: The Golden Age. 2 vols. / ed. ELLERY QUEEN. New York: Davis Publications, 1977.

Vintage Detective Stories / ed. MIKE HIGGS. London: Gallery Press, 1987.

The Oxford Book of English Detective Stories / ed. PATRICIA CRAIG. Oxford: Oxford University Press, 1990.

Crime Stories from the "Strand" / ed. GERALDINE BEARE. London: Folio Society, 1991.

Detective Stories from The Strand / ed. JACK ADRIAN. Oxford: Oxford University Press, 1992.

London after Midnight: A Conducted Tour / ed. PETER HAINING. London: Little, Brown, 1996.

The 50 Greatest Mysteries of All Time / ed. OTTO PENZLER. Los Angeles: Dove Books, 1998.

ЖУРНАЛЫ И ГАЗЕТЫ

1920–1940-Х ГГ.

The Argosy. London: Cassell, 1926–1940.

The Cornhill Magazine. London: Smith, Elder and Company, 1860–1975.

The Evening Standard. London: E. Hulton, 1916–1980.

The Grand Magazine. London: George Newnes, 1905–1940.

The Illustrated London News. London: Illustrated London News, 1842–2003.

Pearson's Magazine. London: C.A. Pearson, 1896–1939.

Punch, or The London Charivari. London, 1841–2002.

The Red Magazine. Stories for all. London, 1908–1929.

The Sketch. London: Illustrated London News, 1893–1959.

The Strand Magazine. London: George Newnes, 1891–1950.

О ДЕТЕКТИВЕ ЗОЛОТОГО ВЕКА:

The Art of the Mystery Story: A Collection of Critical Essays / ed. HOWARD HAYCRAFT. New York: Simon and Schuster, 1946.

ANTHONY BERKELEY. *Jugged Journalism*. London: Herbert Jenkins, 1925.

The Cambridge Companion to Crime Fiction / ed. MARTIN PRIESTMAN. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

Crime in Good Company: Essays on Criminals and Crime-Writing / ed. MICHAEL GILBERT. London: Constable, 1959.

PETER HAINING. *The Classic Era of Crime Fiction*. London: Prion, 2002.

LEE HORSLEY. *Twentieth-Century Crime Fiction*. Oxford: Oxford University Press, 2005.

P.D.JAMES. *Talking about Detective Fiction*. Oxford: Bodleian Library, 2009.

STEPHEN KNIGHT. *Crime Fiction, 1800–2000. Detection, Death, Diversity*. London: Palgrave Macmillan, 2004.

LEROY L.PANEK. *Watteau's Shepherds: The Detective Novel in Britain 1914–1940*. Bowling Green: Bowling Green University Popular Press, 1979.

LEROY L.PANEK. *An Introduction to the Detective Story*. Bowling Green: Bowling Green State University Popular Press, 1987.

CHARLES J.RZEPKA. *Detective fiction*. Cambridge: Polity, 2005.

JULIAN SYMONS. *Bloody Murder: From the Detective Story to the Crime Novel: A History*. London: Faber & Faber, 1972.

ОБ АВТОРАХ ЗОЛОТОГО ВЕКА

Справочники и энциклопедии

100 Masters of Mystery and Detective Fiction / ed. FIONA KELLEGHAN. Pasadena: Salem Press, 2001.

MELVYN BARNES. *Best Detective Fiction: A Guide from Godwin to the Present*. London: C.Bingley, 1975.

JACQUES BARZUN, WENDELL HERTIG TAYLOR. *A Catalogue of Crime*. New York: Harper & Row, 1971.

British Mystery Writers, 1860–1919 / ed. BERNARD BENSTOCK and THOMAS F.STALEY. (Dictionary of Literary Biography. Vol. 70). Detroit: Gale Research Company, 1988.

British Mystery Writers, 1920–1939 / ed. BERNARD BENSTOCK and THOMAS F. STALEY. (Dictionary of Literary Biography. Vol. 77). Detroit: Gale Research Inc, 1989.

British Mystery and Thriller Writers Since 1940. First Series / ed. BERNARD BENSTOCK and THOMAS F. STALEY. (Dictionary of Literary Biography. Vol. 87). Detroit: Gale Research Inc, 1989.

Critical Survey of Mystery and Detective Fiction / ed. CARL E. ROLLYSON. Pasadena: Salem Press, 2008.

Encyclopedia of Mystery and Detection / ed. CHRIS STEINBRUNNER and OTTO PENZLER. London: Routledge & K. Paul, 1976.

Rosemary Herbert. *Whodunit? A Who's Who in Crime & Mystery Writing*. New York; Oxford: Oxford University Press, 2003.

The Oxford Companion to Crime and Mystery Writing / ed. ROSEMARY HERBERT. New York; Oxford: Oxford University Press, 1999.

Oxford Dictionary of National Biography. 60 vols. Oxford; New York: Oxford University Press, 2004.

Twentieth-Century Crime and Mystery Writers. 2nd ed. / ed. JOHN M. REILLY. London: St James Press, 1985.

Twentieth-Century Crime and Mystery Writers. 3rd ed. / ed. LESLEY HENDERSON. Chicago and London: St James Press, 1991.

Интернет-ресурсы

Сайт писателя Мартина Эдвардса, автора и исследователя детективов — <http://www.martinedwardsbooks.com/articles.htm>

Сайт о детективах Золотого века — <http://gadetection.pbworks.com>

Биографии и автобиографии

E. C. BENTLEY. *Those Days*. London: Constable, 1940.

NICOLAS BENTLEY. *A Version of the Truth*. London: A. Deutsch, 1960.

G. K. CHESTERTON. *Autobiography*. London: Hutchinson & Co., 1936.

AGATHA CHRISTIE. *An Autobiography*. London: Fontana, 1978.

AGATHA CHRISTIE. *Come, Tell Me How You Live*. London: Collins, 1946.

Joe R. Christopher. *THE MYSTERY OF ROBERT EUSTACE // The Armchair Detective*. 1980; vol. 13, № 4, p. 365–366.

ALZINA STONE DALE. *Maker and Craftsman: The Story of Dorothy L. Sayers*. Grand Rapids: Eerdmans, 1978.

FRANCES DONALDSON. *P. G. Wodehouse: A Biography*. London: Weidenfeld and Nicolson, 1982.

JOANNE DRAYTON. *Ngaio Marsh: Her Life in Crime*. Auckland: Harper Collins, 2008.

RALPH E. HONE. *DOROTHY L. SAYERS. A Literary Biography*. Kent, Ohio: Kent State University Press, 1979.

TREVOR H. HALL. *Dorothy L. Sayers and Robert Eustace // Dorothy L. Sayers: Nine Literary Studies*. London: Duckworth, 1980. P. 75–103.

S. T. JOSHI. *John Dickson Carr: a critical study*. Bowling Green: Bowling Green State University Popular Press, 1990.

IAN KER. *G. K. Chesterton: A Biography*. Oxford: Oxford University Press, 2011.

G. K. Chesterton / ed. HAROLD BLOOM. New York: Chelsea House, 2006. (Bloom's Modern Critical Views).

ANNE MEREDITH. *Three-a-penny*. London: Faber & Faber, 1940.

WILLIAM ODDIE. *Chesterton and the Romance of Orthodoxy: The Making of GKC, 1874–1908*. Oxford: Oxford University Press, 2008.

JOSEPH PEARCE. *Wisdom and Innocence: A Life of G. K. Chesterton*. London: Hodder & Stoughton, 1996.

BARBARA REYNOLDS. *Dorothy L. Sayers: Her Life and Soul*. London: Hodder & Stoughton, 1993. *The Letters of Dorothy L. Sayers. Vol. 1, 1899–1936: The Making of a Detective*

Novelist / ed. BARBARA REYNOLDS. London: Hodder & Stoughton, 1995.

JULIA STAPLETON. *Christianity, Patriotism, and Nationhood: The England of G. K. Chesterton*. Lanham: Lexington Books, 2009.

ALAN THOMAS. *A Life Apart*. London: Gollancz, 1968.

ANN THWAITE. *A. A. Milne: His life*. London; Boston: Faber & Faber, 1990.

MALCOLM J. TURNBULL. *Elusion Aforethought: The Life and Writing of Anthony Berkeley Cox*. Bowling Green: Bowling Green State University Popular Press, 1996.

АНГЛИЙСКАЯ ЖИЗНЬ В ДЕТАЛЯХ

ALISON ADBURGHAM. *A Punch History of Manners and Modes, 1841–1940*. London: Hutchinson, 1961.

All Our Yesterdays: 90 Years of British Cinema / ed. CHARLES BARR. London: BFI Publishing, 1986.

DACRE BALSDON. *Oxford Life*. London: Eyre & Spottiswoode, 1957.

COLIN BEAVAN. *Fingerprints: Murder and the Race to Uncover the Science of Identity*. London: Fourth Estate, 2003.

JOHN BETJEMAN. *An Oxford University Chest*. London: J. Miles, 1938.

ASA BRIGGS. *The BBC: The First Fifty Years*. Oxford: Oxford University Press, 1985.

VERA BRITAIN. *Testament of Youth: An Autobiographical Study of the Years 1900–1925*. New York: The Macmillan Company, 1933.

HOWARD CARTER, A. C. MACE. *The Discovery of the Tomb of Tutankhamen*. New York: Dover Publications, 1977.

MARK CHAPMAN. *Anglicanism: A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press, 2006.

KATHRYN FERRY. *Beach Huts and Bathing Machines*. Oxford: Shire, 2009.

ROBERT GRAVES. *The Long Weekend: A Social History of Great Britain, 1918–1939*. London: Faber & Faber, 1941.

FRED GRAY. *Designing the Seaside: Architecture, Society and Nature*. London: Reaktion, 2006.

PAMELA HORN. *Life Below Stairs in the 20th Century*. Stroud: Sutton, 2001.

DIARMAID MACCULLOCH. *Reformation: Europe's House Divided, 1490–1700*. London: Penguin, 2004.

HERMANN MUTHESIUS. *The English House*. 3 vols. / transl. Janet Seligman and Stewart Spencer, ed. Dennis Sharp. London: Frances Lincoln, 2007.

ROBERT PEARCE. *1930s Britain*. Oxford: Shire, 2010.

MARTIN PUGH. *"We Danced All Night": A Social History of Britain between the Wars*. London: Bodley Head, 2008.

JANE ROBINS. *The Magnificent Spilsbury and the Case of the Brides in the Bath*. London: John Murray, 2010.

JOHN SHEPHERD, JANET SHEPHERD. *1920s Britain*. Oxford: Shire, 2010.

NEIL R. STOREY, MOLLY HOUSEGO. *Women in the First World War*. Oxford: Shire, 2010.

D. J. TAYLOR. *Bright Young People: The Rise and Fall of a Generation, 1918–1940*. London: Chatto & Windus, 2007.

A. N. WILSON. *After the Victorians*. London: Hutchinson, 2005.

TREVOR YORKE. *English Churches Explained*. Berks: Countryside Books, 2010.

TREVOR YORKE. *The Country House Explained*. Newbury: Countryside Books, 2003.

TREVOR YORKE. *The 1930's house explained*. Newbury: Countryside Books, 2006.

ТОЛЬКО НЕ ДВОРЕЦКИЙ

ЗОЛОТОЙ ВЕК БРИТАНСКОГО ДЕТЕКТИВА

Главный редактор Варвара Горностаева

Художники Андрей Бондаренко, Дмитрий Черногаев

Ведущий редактор Ирина Кузнецова

Редакторы Александра Борисенко, Игорь Мокин

Ответственный за выпуск Мария Косова

Технический редактор Татьяна Тимошина

Корректор Наталия Усольцева

ООО "Издательство Астрель",
обладатель товарного знака "Издательство Corpus"
129085, г. Москва, пр-д Ольминского, 3а

Подписано в печать 15.05.2012. Формат 70х100 1/16
Бумага офсетная. Гарнитуры "BookmanC" и "FranklinGothicC"
Печать офсетная. Усл. печ. л. 45,5
Доп. тираж 4000 экз. Заказ № 3659/12.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Охраняется законом РФ об авторском праве. Воспроизведение
всей книги или любой ее части воспрещается без письменного
разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут
преследоваться в судебном порядке

Отпечатано в соответствии с предоставленными
материалами в ООО "ИПК Парето-Принт"
г. Тверь, www.pareto-print.ru

По вопросам оптовой покупки книг
Издательской группы "АСТ" обращаться по адресу:
г. Москва, Звездный бульвар, 21, 7-й этаж
Тел.: (495) 615-01-01, 232-17-16

9 785271 385339

